СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Publishing House Science and Innovation Center
Saint-Louis, MO, USA
2014

УДК 37.01:001.8
ББК Ч30
С69

Рецензенты:
А.В. Шохнех, д.э.н. (Волгоградский филиал ОУП ВПО «АТиСО»);
Ж. Багана, д.филол.н. (БелГУ); Т.В. Перуцкая, к.филол.н. (БелГУ);
Е.Е. Журавлева, к.п.н. (КФУ); О.К. Агавелян, д.пс.н. (НГПУ);
А.А. Галлямов, к.филол.н. (БашГУ)

Авторы:
Абишева В.Т., Дехнич О.В., Дрыгина Ю.А., Караулова Н.М.,
Марданшина Р.М., Маркова Е.В., Смык А.В., Климова Т.В.,
Волобуева Н.А., Пархоменко Е.А., Фаткуллина Ф.Г., Климович О.В.

С69 **Социально-гуманитарные проблемы современности:** монография/ В.Т. Абишева, О.В.Дехнич, Ю.А. Дрыгина и др. – Saint-Louis, MO: Publishing House Science and Innovation Center, 2014. – 180 с.

ISBN 978-0-615-67132-1

В последние годы мировая общественность все чаще приходит к выводу, что в основе большинства экономических, политических и иных проблем лежат проблемы гуманитарные. Исследованию отдельных гуманитарных проблем во всей их сложности, многогранности и противоречивости посвящена данная монография.

Монография может быть полезна для руководителей системы образования, научных сотрудников, учителей, аспирантов и студентов социогуманитарных специальностей высших учебных заведений.

ISBN 978-0-615-67132-1 ББК Ч30

© Коллектив авторов, 2014
© Научно-инновационный центр, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I
Абишева В.Т. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА **4**

Глава II
Дехнич О.В. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ **24**

Глава III
Дрыгина Ю.А. КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА **44**

Глава IV
Караулова Н.М. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КАТЕГОРИИ «ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ» **68**

Глава V
Марданшина Р.М. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ **92**

Глава VI
Маркова Е.В., Смык А.В., Климова Т.В., Волобуева Н.А. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОРРЕКЦИИ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ **112**

Глава VII
Пархоменко Е.А. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ ЕЁ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ **134**

Глава VIII
Фаткуллина Ф.Г., Климович О.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА **156**

Сведения об авторах **178**

Глава I

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЖУРНАЛИСТА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Абишева В.Т.

Введение

В эпоху глобализации информация стала решающим стратегическим фактором во всех сферах человеческой жизни. Роль журналистской профессии значительно повышается в условиях социального, политического, идеологического, научного плюрализма систем, в связи с магистральными преобразованиями в медиасфере впроцессе становления информационного общества. В этой связи представляется важным и необходимым с позиций избранного аспекта проблемы рассмотреть как одно из ключевых понятий журналистики – проблему ответственности создателя медиатекста.

Актуальность темы исследования обусловлена изменениями, связанными с проблемами демократизации общества. Развитие рыночных отношений в информационном пространстве республики, трансформация средств массовой коммуникации, перемены в технологии и условиях создания информационного продукта, безусловно, не могут не отразиться на композиционно-стилистическом, лексико-семантическом, идейно-тематическом и других аспектах журналистского произведения. Возможность свободного выбора при разнообразной палитре новостей предо-

пределила появление в СМИ острых тем, повлекла за собой необходимость соблюдения чётких нравственных ориентиров. Злободневными становятся вопросы толерантности, формирования высокой правовой, речевой культуры. Всё это требует от автора аналитического мышления, умения адекватно оценивать факты и делать выводы.

Цель исследования заключается в анализе социальных факторов, которые оказывают влияние на профессиональное поведение журналиста, определяющее проявление долга, ответственности по всему спектру его творческой деятельности.

Гипотеза исследования: если практическая деятельность создателей СМИ, условия формирования деонтологической готовности журналистов будут основаны на совокупности необходимых теоретических и практических знаний, умений и навыков, направленных на становление соответствующего профессиональному долгу самосознания, то это повысит качество, действенность и эффективность журналистских произведений.

1. О профессиональном долге журналиста с позиции деонтологии

Интерес к деонтологии журналистики как научной концепции на постсоветском пространстве появился в последние десятилетия. Учёные выделяют различные грани этой многоаспектной проблемы.

Я.Н.Засурский акцентирует внимание на правах, обязанностях, журналиста в изменяющемся мире, на вопросах, связанных, прежде всего, с осознанием и реализацией принятых законов [1], [2], [3]. Такой подход предполагает интерпретацию деонтологии на грани норм законодательства и этики. Б.Н. Лозовский рассматривает деонтологию как «систему требований, норм, принципов должного профессионального поведения журналиста; свод правовых и этических норм ответственного поведения работников

СМИ» [4, с. 52]. По мнению В.М. Кукушина, эта научная дисциплина явилась ответом на потребность в системе научных знаний о долге и нормах должного поведения людей в реальной общественной практике [5, с.21]. Представляют несомненный интерес исследования С.Г. Корконосенко [6], С.К. Шайхитдиновой [7] и других учёных, показавших внутреннюю связь деонтологии с правом и этикой в теории и журналистской практике. Разные стороны исследуемого вопроса освещены в научных трудах зарубежных учёных, так называемого дальнего зарубежья. Ряд исследователей (К. Крисченс, М. Трейбер, К. Норденстренг) связывает деонтологию с системой этических норм, объясняя внутреннюю связь деонтологии с этикой тем, что понятия долг, справедливость, совесть и честь, представление о добре и зле, наконец, счастье и смысл жизни есть категории этические. По мнению таких американских учёных, как Д. Уиллмен, Д. Рэндалл, Э. Ламбет, Д. Мэррил, Э. Дэннис и др., основная ценность многочисленных исследований в данном направлении в контексте общемировых тенденций и перспектив заключается в детальном анализе нестандартных ситуаций морального выбора, с которыми сталкивались те или иные журналисты при подготовке конкретных публикаций. Как утверждают казахстанские исследователи Г.М. Кертаева и М.Х. Рахимжанова, «интерес к деонтологии журналистики на постсоветском пространстве закономерно возник с повышением интереса к журналистской этике. В какой-то мере, надо признать, это основы профессиональной состоятельности журналиста» [8, с. 65].

Подчёркивая отсутствие в странах СНГ серьёзных изысканий по данной проблеме, российский учёный Е.П. Прохоров в ряде научных трудов неоднократно отмечает, что пока идёт «сбор материала», а «деонтология рассматривается то в связи с одной из сфер нормотворчества и нормоприменения (или этики, или права и т.д.), то применительно ко всей совокупности норм (этика + право +…), то как область «на стыке» разных норм (в частности, этики и права) [9, 47]. С ним солидарен и другой учёный

Е.А. Вагнер: «Этико-деонтологические аспекты пока освещены в литературе относительно мало и не имеют достаточно строгой регламентации» [10, 164]. Я.Н. Засурский также считает, что «сегодня нужны обобщающие исследования СМИ, в условиях изменения общественно-политической системы, перехода к рыночным отношениям» [11, с. 3–4].

Констатируя малоизученность вопроса на постсоветском пространстве, говоря о необходимости комплексной теоретической разработки проблемы деонтологии применительно к журналистской науке, ученые единодушно подчёркивают, что любые попытки исследования в разных аспектах, даже частичные, импульсивные, интуитивные, содержат крупицы знания. И, безусловно, требуют сбора материала, его тщательного анализа, систематизации. Само понятие «деонтология» нуждается в значительной разработке.

На наш взгляд, широкий диапазон мнений о журналистской деонтологии связан с многоаспектностью и недостаточной разработанностью положений молодой науки, отсутствием определенной систематизации знаний и глубоких обоснований, учитывая, что понятие «журналистская деонтология» только начинает приживаться в научной среде. Представляется, чтов ответ на требования жизни термин должен получить новое наполнение.

Профессор Е.П. Прохоров рассматривает деонтологию как «совокупность «обслуживающих» журналистский долг обязанностей и норм их выполнения вне зависимости от их осознания, как некоей системы категорических императивов журналистского поведения, заданных природой СМИ, действующих в той или иной ситуации» [12, 96]. В другой научной работе он расширяет трактовку понятия: «Деонтология – система представлений, характеризующая профессиональный долг журналиста (как в других областях – медика, юриста, бизнесмена, служителя правопорядка и т.д., где профессиональная деятельность связана с широким общением с людьми) по всему спектру его свойств, проявляющихся в творческой дея-

тельности. Само вступление в журналистский корпус предполагает, что он принимает на себя широчайший круг обязанностей [13, 296]. Учёный связывает термин с общей проблемой долженствования, изучаемой молодой наукой и предлагает использовать его довольно широко: и применительно к «полю долженствований», и для обозначения «науки о системе долженствований», и для описания «совокупности норм», действующих в сфере СМИ.

Согласно выдвинутой им концепции, деонтология может мыслиться как широкая система норм, определяющая характер выполнения информационной политики (национальной, государственной и пр.) в сфере СМИ. В предпринятом нами исследовании за основу взята формула, предложенная профессором Прохоровым, для определения концепции журналистской деонтологии:

> «а) деонтология = этика;
> б) деонтология = право;
> в) деонтология = право = этика;
> г) деонтология = право + этика = все другие нормы, обеспечивающие эффективное выполнение оптимально сформированной информационной политики» [9, 29].

Излагая свою гипотезу, Е.П. Прохоров пояснял, что она требует развития и дальнейшей серьёзной разработки, т.к. необходима целостная система различных норм, обеспечивающих выполнение всего объёма обязанностей, рассматриваемых как профессиональный долг. Возможность осуществления этого принципа, безусловно, основывается не только на осознании журналистами высокой роли в обществе, не только на повышении ими этической и правовой культуры, но и на обеспечении наибольшего эффекта в достижении поставленных коммуникативных задач. Чтобы журналистское произведение стало действенным и результативным, чрезвычайно важен высокий уровень культуры речисоздателя текста. При этом высокие требования должны предъявляться как к содержательной стороне деятельности, так

и к форме изложения материалов.

В этой связи с целью развития концепции журналистской деонтологии представляется целесообразным продолжить предложенную учёным формулу: *деонтология = право + этика = все другие нормы*, включив в понятие «другие нормы» один из аспектов: … + *речевая ответственность журналиста,речевые нормы,* который может стать принципиально существенным звеном в «целостной системе».

Обоснованием может служить факт, что результативность журналистского произведения зависит также от умения правильно, ясно, точно, логично выразить свои мысли, привлечь внимание, воздействовать на адресата с целью достижения коммуникативных задач. Как известно, речь журналиста – это своеобразная характеристика профессиональной пригодности, отражение не только уровня его личной культуры, но и уровня культуры того средства массовой информации, в котором он работает. Следовательно, с учётом наиболее существенных закономерностей развития современных СМИ и того факта, что право, этика, культура, в том числе, речевая, активно взаимодействуют друг с другом в массово-информационной сфере, структура журналистской деонтологии может быть представлена как синтез равнозначных аспектов, обеспечивающих эффективное выполнение концепций оптимально сформированной информационной политики:

– правового, который предполагает осмысление норм действующего законодательства в сфере средств массовой коммуникации и ответственности журналиста за их соблюдение;
– этического, который связан с многочисленными контактами журналиста, с его взаимодействием с разными группами лиц при подготовке к творческому процессу, а также с технологической стадией творческого процесса;
– вербального, который возникает в процессе общения журналиста с адресатом, а также с последующим литературным оформлением собранного фактического материала и

характером используемых для этой цели понятий и образов, лексических, стилистических, композиционных средств.

Таким образом, принцип речевой ответственности, равно как и принцип социальной ответственности, анализируется в данной работе в аспекте деонтологии как идеальный регулятор деятельности СМИ и одно из главных условий эффективности медиатекста.

В этой связи деонтологию, представляя практическую её сторону, можно рассматривать как свод норм, правил, позволяющих осуществлять «контроль качества» средств массовой информации и способствующих ответственному выполнению журналистами концепций информационной политики, которая призвана помочь наилучшему исполнению ими профессионального долга. В то же время деонтология заявляет о себе как наука, приобретающая новое и более качественное содержание. Она предлагает систематизированные знания о предъявляемых профессией требованиях и соответственно обязанностях и правах профессионала, необходимых для успешной деятельности, а также способствует осознанию характера нравственных ценностей. Здесь методологические аспекты науки переплетаются с идейно-этическими, эстетическими, интеллектуальными. При таком взгляде на учение предметом данной науки оказываются также ценностные качества, свойства, непосредственно связанные с мировоззрением, социальной, политической и гуманистической ориентацией объекта и субъекта.

Появившаяся почти два столетия назад благодаря Джереми Бентаму, деонтология в последние десятилетия выдвигается в ряды одной из самых актуальных дисциплин в журналистике. Анализ особенностей молодой, динамично развивающийся науки, с какой бы профессией она не была связана, позволяет заметить, что для неё характерны две составляющие. Одна предполагает глубокие познания в конкретной сфере, компетентность специалиста, чёткое знание основных положений нормативных документов, касающихся его профессиональной деятельности и регламентирующих его поведение как профессионала. Другая

свидетельствует о моральных качествах адресата.

Необходимость разработки этого учения становится всё более ощутимой и злободневной в процессе формирования информационного общества. Право, этика, культура речи не просто сосуществуют в массово-информационной сфере, они активно взаимодействуют друг с другом. В результате складывается система норм и принципов, основными функциями которой являются регулирование поведения участников массово-информационного процесса, их защита и самозащита, согласование практики СМИ с интересами общества и граждан. Воспитав современно мыслящих, гармонически развитых специалистов, владеющих новыми технологиями информационной деятельности, мировыми стандартами социально ответственной журналистики, мы можем претендовать на её качественно высокий уровень.

2. Медиатекст как продукт речевой деятельности журналиста

Профессиональная ответственность создателя медиатекста предполагает гарантию качественного исполнения профессионального долга и умение изыскивать возможности для этого в любых обстоятельствах. Нормативно-правовая база функционирования средств массовой коммуникации, сложившаяся в республике Казахстан, создаёт благоприятные условия для их активного и социально полезного взаимодействия с внешней средой. В то же время практика свидетельствует о том, что конкуренция в СМИ, порой не всегда высокий уровень правового сознания и юридической культуры, недостаточная компетентность отдельных сотрудников приводят к пробелам в правовом регулировании информационных процессов. Нарушения правовых и этических норм в условиях демократизации общества и перехода к рыночным отношениям, связанные с массово-информационной деятельностью, констатируют многие как зарубежные, так и отечественные исследователи. Со стороны средств массовой информации они чаще всего фиксиру-

ются на этапе публикации материалов.

Говорить публично – «это большой и благородный риск» [14, с. 49]. В большей степени это касается медиаречи, где каждый «знак может быть неверно истолкован; знак может служить средством обмана» [14, с. 50]. Таким образом, «любой медиатекст, содержащий те или иные утверждения о каком-то лице или организации, может в принципе быть оспорен в судебном порядке» [15, с. 60–61], если журналист не будет стараться соблюдать меры предосторожности и сознательно избегать «зоны риска».

В разных странах уголовным и гражданским законодательством учитывается целый ряд так называемых «типично журналистских» правонарушений. Анализ показывает, что причина многих из них заключается в неадекватном использовании продукта речевой деятельности журналиста, каковыми являются тексты СМИ.

Первой в Казахстане попыткой проанализировать вопросы политкорректности при освещении в средствах массовой информации важнейших проблем жизни общества, в первую очередь, межнациональных, межконфессиональных и других отношений стала работа «Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии» коллектива авторов – Р. Карымсаковой, Ж. Амировой, С. Жусупова и др. [16].

Как свидетельствуют авторы, к сожалению, из года в год не уменьшается количество поступлений в суды исков от юридических лиц и граждан, которые считают, что в средствах массовой информации содержатся сведения, затрагивающие их честь и достоинство, а также деловую репутацию. В связи с этим в каждом конкретном случае возникает необходимость исследовать текст и определить, соответствуют ли действительности содержащиеся в нем сведения, наносят ли они вред чести, достоинству и деловой репутации; допустимо ли распространение таких сведений в свободной дискуссии и возможно ли их опровержение по суду; есть ли вероятность недоведения конфликта до суда.

Информационные споры в своей основе имеют юридическую

природу и относятся к категории юридического или правового конфликта, поскольку в основе любого информационного спора лежит нарушение публичного или частного права. Сам спор связан с правовыми отношениями сторон, если хотя бы один из его элементов обладает правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия. Наука конфликтология определяет конфликт как «проявление объективных или субъективных противоречий, выражающихся в противоборстве сторон» [17, с. 59]. Под конфликтом в данной работе понимается явление, заключающееся в столкновении противоположных взглядов, мнений, убеждений, намерений адресата и адресанта.

Средой реализации социального конфликта в массово-коммуникационной сфере становится язык. Неточное слово автора, домысливание им описываемой ситуации, искажение факта или мысли интервьюируемого может стать источником юридических коллизий, поскольку речевой акт – это действие с такими же последствиями, как и другие деяния, подпадающие под правовое регулирование.

К возникновению конфликтных ситуаций, к перерастанию её в реальный конфликт приводят конфликтогены. В качестве информационного сопровождения конфликта [16, 19] могут выступать провоцирующие его слова, жесты, выражения, оценки, суждения, способные привести к спорной ситуации и к её трансформации в реальное конфликтное поведение. Отдельные из них могут входить в состав уголовно наказуемых деяний: клеветы, оскорбления, возбуждения социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни, оскорбления национальной чести и достоинства либо религиозных чувств граждан, также, как и пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии и др.

Характерно, что никаких других источников доказательства правонарушения, если оно зафиксировано, по делам этой категории не существует. В подавляющем большинстве случаев весь состав деяния заключён в самом тексте, то есть, реализован по-

средством продуктов вербальной деятельности. Текст является основным предметом изучения и юридической оценки таких дел, что, безусловно, представляет значительные сложности для судей. В связи с этим одним из наиболее эффективных механизмов разрешения информационных споров является привлечение лингвистов-экспертов для анализа и компетентного заключения относительно спорного текста.

Лингвистическая экспертиза – один из видов лингвистического исследования, который назначается управомоченным лицом (органом) с целью установления юридически значимых фактов. Она относится к классу необязательных экспертных исследований, не имеет заранее предустановленной силы и оценивается судом, следователем, органом дознания на основе своего внутреннего убеждения наряду с иными доказательствами по делу. В лингвистическом аспекте это вид исследования объектов, устанавливающий истинность / ложность либо возможность / невозможность описательных высказываний об этом объекте (объектах). В этом аспекте производство лингвистической экспертизы основывается на существующих к данному моменту теориях языка и разработанных в языкознании методиках исследования лингвистических объектов. Объектом лингвистической экспертизы являются продукты речевой деятельности (высказывания, тексты, лексемы) [18].

Лингвистический анализ спорного материала – это основной способ выявления словесных конструкций и языковых единиц, которые подпадают или не подпадают под признаки конкретного правонарушения, предусмотренного соответствующей законодательной нормой. Специфика такого исследования заключается в том, что в отличие от собственно лингвистического анализа и описания, например, художественного текста, где целью лингвиста является решение научных проблем, лингвист-эксперт спорного текста решает сугубо прикладную задачу. При этом оценка, как точка зрения специалиста, изучавшего текст, не всегда быва-

ет бесспорной. Это объяснимо, поскольку каждый текст индивидуален. Поэтому в отдельных случаях для выявления истины требуются заключения нескольких экспертов.

Изучение и разбор конфликтных ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться при проведении лингвистического анализа спорных текстов по просьбе журналистов, показал, что чаще всего начинающие авторы не чувствуют ответственности перед героем публикации, пока не получат претензию от гражданина или от юридического лица. В процессе работы над материалом они, как правило, не задумываются о том, что могут нарушить какие-либо нормы.

Так, основанием для судебного иска со стороны юридического лица к одному из отечественных телеканалов послужила фраза: «Карагандинцы вновь попадаются на удочку *мошенников*, предлагающих путевки за границу». Безусловным конфликтогеном в телепередаче выступило слово «мошенник». В УК РК «Мошенничество» (Статья 177) квалифицируется как «…хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием…» [19]. С точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность описываемой организации представлена как неправомочная, нарушающая права граждан, допускающая негативные занятия, поступки, поведение кого-либо. В связи с чем предусмотрено наказание. В ходе следствия выяснилось, что журналист, используя данную лексему, не предполагал подобного поворота событий.

Поводом для судебного разбирательства по иску о защите чести и достоинства жительницы города Темиртау Надежды Щербаковой послужила статья, опубликованная в газете «Темиртауский рабочий» «Осторожно, полицейский!». В публикации говорилось о плановом рейде, проведенном полицейскими совместно с представителями городских средств массовой информации по квартирам неблагополучных семей. Н.Щербакова предъявила претензии к журналисту, позволившему себе употребить фразу: «Дверь от-

крыла *подвыпившая мадам*». По её словам, в день рейда спиртное она не употребляла. Истица в своем заявлении просила суд обязать газету опубликовать опровержение и взыскать с редакции газеты в её пользу в качестве моральной компенсации за унижение чести и достоинства, деловой репутации и за нарушение конституционных прав 500 тысяч тенге. Выслушав доводы обеих сторон, карагандинский областной суд взыскал с редакции газеты 30 тысяч тенге в счет возмещения морального вреда пострадавшей. Подобные примеры известны в журналистской практике.

Одна из причин информационных споров – низкий уровень правовой грамотности отдельных журналистов. Практика показывает, что основанием спорных ситуаций в медийной сфере может служить понятное желание создателя текста, особенно начинающего, быть оригинальным, непохожим на других, его стремление заявить о своей творческой индивидуальности, чтобы, прочитав его материал в газете, услышав его в эфире, аудитория бы узнала и запомнила имя автора. Так, причиной конфликтной ситуации между ТОО «РКЦ» и редакцией городской газеты «Взгляд» стала статья, где работник этой организации, занимающийся сбором платежей за холодную воду и канализацию, назван «*мальчиком по вызову*». Если учесть, что это словосочетание в определённой среде используется как эвфемизм, вуалирующий определённый род занятий, то можно понять недовольство персонажей публикации.

В ряде случаев информационные конфликты возникают в результате недостаточной компетентности, низкого профессионального уровня пишущего, порой просто из-за небрежного, легкомысленного обращения с языком, неспособности или отсутствия времени найти безупречную словесную форму выражения нужной мысли и её эмоциональной окраски. Композиционным приёмом подобного рода материалов становится знакомое многим современным читателям, телезрителям, радиослушателям обыгрывание сенсации в тексте повествования с непременным внушением адресату состояния аффекта – страха, испуга, отча-

яния и т. д.

Рассмотрим один из примеров. «Игрушки из яда» – таково название статьи в популярном еженедельнике «Авитрек-регион». Заголовок на самом деле пугающий. Журналист пишет: «Устрашающие факты выявила экспертиза детских игрушек – четвёртая часть из общего числа реализуемых в Караганде кукол, собачек, мишек и кисок отравлена ядом, поражающим нервную и опорно-двигательную систему… Те игрушки, которые мы обследовали, содержат химические яды сверх нормы. Это не катастрофа, но это очень плохо», – такие выводы делает заместитель заведующего токсикологической лаборатории Центра санэкспертизы А.Т.».

Неадекватный выбор слов при создании текста мог стать причиной нагнетания паники среди населения. Возможно, недостаток лексического запаса не позволяет автору точно и объективно описать событие. Во-первых, сочетание «из яда» должно означать, что предметы сделаны, то есть полностью состоят из вещества, вызывающего отравление. Такого быть не может.

Во-вторых, автор пишет: «четвёртая часть из общего числа … *отравлена* ядом». Краткое страдательное причастие «отравлена» образовано от глагола «отравить», который означает: «1. Дав яд, убить; причинить кому-чему-н. вред чем-то ядовитым. 2. Примешать к чему-н. отраву» [20, 478]. Этой цели у производителей игрушек тоже не было. Журналист не задумывался о том, что явно затрагивает их деловую репутацию, чуть ли не обвиняя в умышленном деянии, не подозревая этого.

В-третьих, словам эксперта в том виде, как их подают в тексте – «…содержат химические яды *сверх нормы*» – читатель тоже верить не может. Возможно ли представить, что существует какое-то нормирование яда, чего бы это ни касалось – игрушек или другого товара или продукта.

Таким образом, социально значимый текст, поднимающий на самом деле большую и чрезвычайно важную проблему, не вызывает доверие у читателя, в связи с тем, что подан неадекват-

но и некорректно. Хотя журналисты коллегу понять могут. Если бы газета написала просто, что для придания игрушке товарного вида производители добавили чрезмерную дозу вредных красителей, – это была бы лишь информация, на которую можно было бы и не обратить внимания. А в опубликованном виде материал приобрёл элементы сенсационности.

Возможно, не вникая в смысл слов, которые использует, и, похоже, совсем не задумываясь о последствиях, уверенно пишет статью, опять же, скорее всего, не понимая, что выдвигает аналогичное обвинение, и другой журналист, где позволяет себе такие фразы: «На прошлой неделе прокуроры рассказали, кто отравил школьников в СШ № 25. Отравили их кухработники школы».

Чаще всего основанием при огласке тех или иных сведений сенсационного характера журналисты ссылаются на общественный интерес. Тем не менее, авторы должны чувствовать ответственность за объективность и корректность текстов, представляемых на публичное обозрение. Поскольку от достоверности фактов, от их правильной оценки в значительной мере зависит эффективность и действенность журналистского произведения.

Исследователи выделяют факторы, «провоцирующие» нарушение правовых, этических, коммуникативных норм: некорректное освещение авторами событий; неточное представление фактов, дезинформация; субъективизм, оценочное высказывание о личной жизни героев публикаций; ироническое обыгрывание имён, фамилий, внешнего облика, личной жизни персонажа; нетактичное представление реального лица или неучтивое высказывание о людях по признакам возраста, пола, национальности; манипулирование; неосторожное обращение автора со словом, необдуманное высказывание, неудачное словесное выражение оценки, неумелое использование языковых средств и др.

Как свидетельствует практика, языковой конфликт интерпретаций в медийной сфере в аспекте разграничения событийной и оценочной информации чаще возникает в популярных ежене-

дельниках для массового читателя. Отдельные исковые заявления в суд о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан порой оказываются необоснованными в силу субъективного восприятия публикации заявителями. Отчасти этому способствуют некоторые особенности публицистического стиля: экспрессивность, социальная оценочность, выразительные эпитеты, метафоры, оригинальные сравнения, кавычки как способ непрямого выражения оценки и другие. Имеются примеры судебных запросов, связанных с вариациями индивидуального осмысления отдельных слов, фраз или текста в целом персонажами материалов СМИ. Вербальные действия автора определяют реакцию на опубликованный материал адресата, считающего себя оскорблённым. Речь идёт об имплицитной информации, то есть о домысливании, интерпретации текста читателем. Любой адресант может «вычитать» в тексте смыслы, которые соответствуют его ментальным установкам. Известен факт, когда «хозяин» супермаркета в г. Караганде выиграл судебное дело, подав в суд на журналиста и городскую газету «Взгляд», где появился материал об открывшемся большом магазине, имеющем своеобразную геометрическую форму. Заявитель по фамилии Сундуковский счёл оскорблением то, что материалу дали название «Сундук в центре города».

Формирование правового сознания, возможность защиты своих интересов с помощью судебного разбирательства во многом зависят от отношения к языку не только как средству общения и мышления, но и как орудию речевого воздействия, как способу жизнедеятельности человека и социума в целом. Создатель медиатекста должен следовать общим морально-этическим установкам, таким, как толерантность, самоцензура, самоограничение. То есть, прежде чем отдать свой текст в печать, необходимо устранить всё, что идёт вразрез с нормами общественной морали, может обидеть или оскорбить адресата. Безусловно, журналист обязан предвидеть последствия своих слов – письменных и устных, иначе они могут оказаться тем ветром, который вызовет

бурю.

Казахстанская практика разрешения конфликтных ситуаций в сфере СМИ испытывает в настоящее время недостаток в компетентных экспертах-лингвистах. Ощущается необходимость в научном обеспечении этой прикладной отрасли гуманитарного знания. Сегодня, когда информация является решающим стратегическим фактором во всех сферах человеческой деятельности, обязательным условием успешной работы людей, профессия которых связана с повышенной речевой ответственностью, должны быть основательные знания в области речевой коммуникации. Сотруднику СМИ необходимы хотя бы общие знания в области судебной экспертизы спорного текста как лингвистического феномена, непосредственно связанного с функционированием языка в юридической сфере. В этой связи представляется необходимым и целесообразным давать будущим журналистам ещё на этапе обучения журналистской профессии в вузах знания и методики по обеспечению разбора информационных споров, конфликтных ситуаций, экспертно-лингвистическому мониторингу текстов СМК.

Правовая культура предполагает уважение, безупречное знание и практическое применение норм права в интересах эффективной и безопасной в лингво-информационном аспекте профессиональной деятельности. Но «одно лишь право, – по мнению казахстанского журналиста В. Рериха, – не в силах совладать с природной греховностью человека. Поэтому главной союзницей права должна стать мораль» [21, с. 4].

В отрыве от правовой базы деятельности средств массовой информации невозможно рассматривать проблемы профессиональной этики журналиста. У права и этики одни и те же, или сходные, объекты воздействия, отношения, которые складываются между участниками массово-информационного производства и обмена. Несмотря на то, что источником правовых норм являются государственные институты, в первую очередь органы законодательной власти, а этические кодексы, исполняющие роль методологиче-

ской базы профессионально-нравственного поведения журналиста, формулируются профессиональными сообществами.

Согласно кодексу этики, принятому на совместном заседании правления Союза журналистов Казахстана и Клуба главных редакторов 30 октября 2012 года, журналист должен действовать в интересах профессии, свободы слова и информации, сохранения внутриполитической стабильности, национальной информационной безопасности, межконфессионального и межэтнического согласия и общественной нравственности, осознавая свою ответственность, чтобы его деятельность не нанесла вред общественным интересам.Кодекс должен стать стимулом к дальнейшему развитию казахстанской журналистики, общему повышению культуры в стране и социальной ответственности в обществе [22].

Заключение

Новые информационные технологии вносят радикальные изменения в существующую картину мира. Интенсивное развитие средств массовой коммуникации, компьютеризация, глобализация в области информационного пространства, несомненно, оказывают огромное влияние на современные тенденции развития медиатекста, не могут не отражаться на формировании новых способов речевого общения, на условиях создания и восприятия вербальных текстов. При самых «продвинутых» медиатехнологиях непреходящую ценность сегодня, как и в прошлых веках, имеют профессионализм и категории нравственности, которые великие мыслители и просветители всех времён и народов предложили положить в основу коммуникации, такие как долг, ответственность, честность, добросовестность и т.д. Деонтологические нормы превращаются в существенный фактор творческой деятельности, позволяя ориентироваться в сложных, нестандартных ситуациях.

Для журналиста на первое место выдвигается ответственность перед обществом не только за полноту осведомления аудитории относительно происходящего в мире, за достоверность фактов и

систему даваемых оценок и выводов, но и за формирование высокой языковой культуры, его коммуникативную компетентность как основу профессионализма.

В своём выступлении на XI Евразийском медиа-форуме 25 апреля 2013 года Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул значимость масс-медиа в XXI веке как важного фактора укрепления единства общества, обеспечения уверенного движения нашей страны по дороге прогресса: «В целом, повышение роли медиасферы ведёт к рождению новых СМИ, которые я бы назвал «средствами массовых инноваций», формирующими высокие стандарты развития не только в экономике, но и политике, социальной жизни, духовно-нравственном состоянии общества. В этом я вижу главную миссию и национальных, и глобальных масс-медиа в XXI веке» [23].

Литература

1. Засурский Я.Н. Деонтология журналистики. Свобода, экономика, этика / Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. М.: Изд-во МГУ, 2002 . № 4.
1. Засурский Я.Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М.: Изд-во МГУ, 2007. 560 с.
2. Засурский Я.Н. Нет запретных тем – есть запрещённые приёмы // Журналист. М., 2004. № 10.
3. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь / Б.Н. Лозовский. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2004. 116 с.
4. Кукушин В.М. Полицейская деонтология. М., 1994.
5. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: Учебник для вузов. М: Аспект Пресс, 2004. 287 с.
6. Шайхитдинова С.К. Гносеология медиаэтики: организационная культура или «голос совести»? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика, 2002. № 4.
7. Кертаева Г.М., Рахимжанова М.Х. В поисках стандартов совести //

Вестник ПГУ. Серия филологическая. 2010. № 3.
8. Прохоров Е.П. Журналистская деонтология: итоги, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика», 1997. № 1.
9. Деонтология в медицине: В 2-х т. Т. 1. Общая деонтология / Белорусов Р.С., Бочков Н.П., Бунятян А.А. / Под ред. Б.В. Петровского; АМН СССР. М.: Медицина, 1988. 352 с.
10. Засурский Я.Н. Роль СМИ в обществе // Вестник МГУ, 1995. № 2.
11. Прохоров Е.П. Журналистика и демократия. М.: Изд-во РИП-холдинг, 2001. 296 с. М., 2004.
12. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебное пособие. М.: Изд. РИП-холдинг, 2002. 332 с.
13. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994.
14. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004.
15. Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии. Алматы: Әділ сөз, 2007. 456 с.
16. Дмитриев А.В. Конфликтология. Учебник. 4 изд., переработ. М.: Альфа-М. 2013.
17. http://www.akmolasud.kz/index.php?gid=23&sid=88&lang=ru
18. http://juvencourt.kz/ru/uk-rk-statya-177-moshennichestvo.html
19. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
20. Рерих В. Лучший уполномоченный орган – это стыд и совесть // Журналист. 2002. № 1–2.
21. http://medialaw.asia/posts/31-10-2012/66540.html
22. http://akorda.kz/ru/page/page_213678_vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xi-evraziiskom-media-forume

Глава II

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Дехнич О.В.

Введение

Настоящее исследование посвящено изучению метафорических значений лексических единиц, номинирующих объекты и явления растительного мира в современном английском языке, а также анализу концептуальных связей, лежащих в основе и структурирующих данные метафоры.

Метафора относится к тем объектам научных исследований, природа которых дает постоянный импульс для разработок в разных областях. Она вызывает интерес не только лингвистов и литературоведов, но и психологов, философов, социологов, религиоведов. Метафора интересна не только в аспекте ее функционирования как языковой единицы, но и в аспекте механизма ее порождения.

Данная работа выполнена в русле когнитивной парадигмы и основывается на положении о том, что языковая форма представляет собой отражение когнитивных структур, следовательно, между когнитивными и языковыми структурами существуют и могут быть обнаружены вполне определенные корреляции. В рамках когнитивного подхода метафора рассматривается как общий когнитивный механизм, дающий возможность изучать ненаблюдаемые явления, происходящие в сознании человека и связанные с

отражением и осмыслением окружающей действительности. Изучение метафоры открывает доступ к концептуальным системам, складывающимся в сознании людей и отражающим реальный мир, системам, которые образуют концептуальные картины мира, в достаточной мере общие для носителей одной и той же культуры, с тем, чтобы обеспечить необходимую меру взаимопонимания.

Создаваемые метафорой новые концепты языковой картины мира совмещают в себе логические сущности разного порядка, синтезируют абстрактное и конкретное; они являются результатами взаимодействия и познавательных процессов, и эмпирического опыта, и культурного состояния коллектива, и его языковой компетенции.

1. Когнитивная теория метафоры

Появление новой научной парадигмы – когнитивной лингвистики – привело к тому, что и изучение метафоры перешло на качественно новый уровень, открывший новые перспективы для рассмотрения метафоры как элемента языка и мышления.

В центре внимания когнитивного направления находится «язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации. Эта система, в противоположность другим семиотическим инструментам человека, одновременно является объектом и внешним, и внутренним для субъекта, конституированным независимо от него и подлежащим усвоению в онтогенезе. Такая двойственность языка отличает язык от остальных когнитивных видов деятельности. В механизмах языка существенны не только мыслительные структуры сами по себе, но и материальное воплощение этих структур в виде знаков со своими «телами»» [11, с. 53]. Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, М.А. Стернина, И.Г. Кожевникова и др. определяют главной целью когнитивной лингвистики изучение содержания и структуры мышления человека.

Н.Н. Болдырев определяет цель когнитивной лингвистики как «изучение когнитивной функции языка во всех ее проявлениях», а важнейшей задачей по достижению этой цели – «выявление и описание концептуальной основы языка как системы и как определенного рода деятельности». Данные цель и задачи связаны с решением таких проблем, как «типы и форматы знания, способы их репрезентации в языке, взаимодействие структур знания и языковых структур, принципы и механизмы концептуализации и категоризации в языке и другие» [5, с. 25].

В рамках этой теории человеку как познающему субъекту – носителю когниции – приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц (человек формирует значения, а не получает их в готовом виде), а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора [4, с. 18], [3, с. 12].

Таким образом, когнитивный подход к языку отличается антропоцентричностью, поскольку предполагает рассмотрение любого языкового знака с точки зрения всего накопленного человечеством объема знаний об объектах или явлениях, для обозначения которых он используется.

Одним из направлений в современной когнитивной лингвистике является изучение метафоры. В рамках теории когнитивной метафоры (часто син. концептуальная метафора) метафора рассматривается как когнитивный процесс, одна из форм концептуализации, как способ получения нового знания.

По мнению основоположников теории концептуальной (когнитивной) метафоры (ТКМ) (Conceptual Metaphor Theory) Дж. Лакофф и М. Джонсон [25] и ряда ученых (M. Turner, R. Gibbs, Z. Kövecses и др.) мысль метафорична по своей природе, метафоры пронизывают всю нашу жизнь, а, следовательно, и человеческий язык. С этой точки зрения, языковые метафоры – просто отражения глубинных концептуальных ассоциаций. Вторым важным постулатом ТКМ является то, что концептуальные метафоры

являются результатом повседневного взаимодействия человека с окружающей действительностью [25; 20, с. 295]. Согласно данной концепции концептуальные метафоры полностью или, по крайней мере, частично мотивированы жизненным опытом человека.

В дальнейшем ТКМ получила свое критическое развитие в трудах многих ученых, в частности, Джозефа Грейди [21] и его теории первичной метафоры (Primary Metaphor Theory), согласно которой концептуальные метафоры могут быть первичные (primary) и сложные (compound, в др. терминологии complex). Первичные метафоры – основополагающие, в то время как сложные метафоры строятся на основе первичных метафор. Первые, в свою очередь, простые метафоры и отражают субъективный чувственный опыт, т.е. простые концепты из конкретных областей-целей. Вторые устанавливают связь между сложными концептуальными областями человеческого опыта. Область-источник и область-цель первичных метафор основываются на ассоциациях, возникающих из человеческой физиологии и общей среды обитания, и, вероятно, репрезентируют лингвистические универсалии. Напротив, сложные метафоры, будучи основанными на более детальном, специфичном знании, вероятнее всего являются культурно-специфичными. Согласно данной теории сообщества с существенно различающейся материальной/духовной культурой будут по-разному структурировать сложную концептуальную метафору. Автор приводит пример концептуальной метафоры THEORIES ARE BUILDINGS в западном обществе, но в среде кочевников или у пещерного человека менее вероятно, что теории будут пониматься в терминах зданий, скорее на ментальном уровне будет задействован другой культурно значимый концепт.

Основываясь на полученных данных при анализе различных языков и культур, З. Кёвечеш приходит к выводу, что наиболее частотными областями-источниками, участвующими в процессе метафоризации, являются ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО, МИР ЖИВОТНЫХ, МИР РАСТЕНИЙ, ЕДА, СИЛЫ. Наиболее частотные

области-цели включают такие концепты, как ЭМОЦИИ, МОРАЛЬ, МЫСЛЬ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВРЕМЯ [22].

В своей монографии *Metaphor in Culture: Universality and Variation* и последующих статьях З. Кёвечеш выделяет «три крупных системы», которые, по его мнению играют важную роль в вопросе универсальности и различия концептуальных метафор: телесный опыт (embodiment), социально-культурный опыт (context) и когнитивные предпочтения и стили (cognitive preferences and styles) [24, с. 285]. Во-первых, среда, социально-культурный контекст и коммуникативная ситуация сообществ людей или индивидов обеспечивают эти группы опытом, присущим только им. Контекст в этом смысле включает в себя телесные, социальные, культурные, дискурсивные и др. аспекты, и определяется такими факторами, как среда, тема, целевая аудитория, средство, которые влияют на процесс создания метафор [23, с. 204]. Во-вторых, на специфичность метафор оказывает влияние исторический контекст. На продуцирование метафоры воздействует не только история данного социума, но и история отдельно взятого человека. В диахроническом аспекте, индивидуальный опыт также высвечивает различие в метафорах. В-третьих, наши чаяния и интересы могут быть коллективными или личными; и то, и другое влияет на то, какие метафоры мы задействует для понимания окружающей нас действительности. Все эти факторы автор называет социально-культурным опытом [24, с. 286].

Выбор концептуальной метафоры в конкретной ситуации зависит не только от того, какая (потенциально) универсальная метафора доступна в соответствии с данной областью-цели для передачи необходимого смысла, но также от среды и темы разговора/повествования, в условиях которых происходит процесс метафоризации [23, с. 205].

Культурное варьирование концептуальной метафоры, под которым мы понимаем модель реализации изменений концептуальной метафоры с учетом культурной и национальной специфики, объясняется выше приведенными факторами.

Можно, тем не менее, предположить, что и в рамках единой культуры (как совокупности общих традиций, ценностей и верований и т.п., характеризующих определенную социальную группу и передающихся от поколения к поколению) в процессе метафорической концептуализации действительности происходит варьирование метафорических моделей, что также объясняется различием в социально-индивидуальном опыте индивида данной культуры.

Внутрикультурное варьирование зависит от следующих факторов: социальных (гендер, возраст, стратификация, профессия и т.д.), региональных (распространение языка, взаимодействие с другими языками), стилевых (различные функциональные стили), субкультурных, и, наконец, индивидуальных (оригинальные, авторские метафоры) [6, с. 46].

Н. Ю отмечает, что выбор концептуальной метафоры в данной культуре зависит от тех культурных моделей, знания о которых имеются у каждого индивида, принадлежащего данной культуре [27, с. 43]. Другими словами, прибегая к метафоре, В. Юанькионг говорит о том, что культурные модели являются фильтрами в выборе той или иной концептуальной метафоры. Индивид отдает предпочтение той или иной метафоре, если она соотносится с уже накопленным социальным опытом в данной культуре [28, с. 116]. Напротив, рождение новых, оригинальных метафор способствует обогащению культурных моделей.

2. Корреляция метафоры и языковой картины мира

Одним из фундаментальных понятий когнитивной лингвистики является «картина мира», которая складывается для человека как сумма его представлений о мире, включая знания о самом себе. По мнению Е.С. Кубряковой на нас воздействуют не столько метафоры, сколько обстоятельства, которые вынуждают их создавать; нельзя не признать вместе с тем, что различные модели мира и различные языковые картины мира оказываются следствием моделирующей

способности самой метафоры как средства интерпретации мира, наиболее лингвистически относительной в картинах мира разных языков и наиболее национально специфичной и действенной для языковой картины мира отдельно взятого языка [12, с. 34].

Так называемый антропоцентрический механизм создания наивной картины мира устанавливает аналогию между физически воспринимаемой действительностью и невидимым миром абстрактных понятий, по которой явления природы или абстракции мыслятся как лица или живые существа, обладающие антропоморфными свойствами. В основе метафоры также лежит и антропометрический принцип, согласно которому «человек – мера всех вещей», что проявляется в создании эталонов и стереотипов восприятия или представления действительности [18, с. 173].

Роль метафоры в построении языковой картины мира значительна. Г.Н. Скляревская подчеркивает, что «…метафора как феномен языка создает отнюдь не фрагмент языковой картины мира, но заполняет все ее пространство» [17, с. 79].

Создаваемые метафорой новые концепты языковой картины мира совмещают в себе логические сущности разного порядка, синтезируют абстрактное и конкретное; они являются результатами взаимодействия и познавательных процессов, и эмпирического опыта, и культурного состояния коллектива, и его языковой компетенции. Метафора позволяет сделать наглядной невидимую картину мира – создать ее языковую картину, воспринимаемую за счет вербальных ассоциаций составляющих ее слов и выражений [18, с. 180].

По мнению Г.Г. Самосудовой языковая картина мира обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфический взгляд на мир, так как метафорические обозначения сливаются с концептуальной системой отражения мира, влияют на нее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом. Свойство механизмов метафоры сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими

порядками, обусловливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. Такое соизмерение как бы уравнивает конкретное и абстрактное, доступное непосредственному ощущению и умопостигаемое, действительно существующее и вымышленное, аморфное представление о чем-то и представление, уже ставшее стереотипом, как эталон или символ (в различных картинах мира – научной, обиходной, мифической – в разных их исторических срезах). Языковая картина мира обусловлена явлением идиоматичности – как внутриязыковой, так и межъязыковой, – и является продуктом речемыслительной деятельности, вносящим семантическое членение в действительность.

Метафора способна совмещать в себе абстрактное и конкретное, т.е. логические сущности разных порядков. Она синтезирует такого рода сведения в новые концепты, рассматривается как механизм, приводящий во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию. Метафора отображает в языковой форме чувственно невоспринимаемые объекты и делает наглядной невидимую картину мира – создает ее языковую картину, воспринимаемую за счет вербально – образных составляющих.

Метафоризация дает нам возможность объяснить сложный процесс по аналогии с более простой моделью; предлагать и констатировать отношения без прямой констатации; намекать на несказанное или описывать полностью новый опыт или явление. Способность создавать метафору и понимать ее как наиболее продуктивное средство пополнения инвентаря языка, привносящее в него видение мира данным этносом, опосредованное уже имеющиеся в языке значениями слов, морфем, сочетаний слов и даже синтаксических конструкций, принадлежит языковой компетенции. Тем самым она связана с человеческим фактором [16, с. 8–10].

При исследовании метафоры в создании языковой картины мира выявляются не только универсальные закономерности кон-

цептуализации действительности, но и особенные для данных языков когнитивные закономерности, обусловленные их строем или национально-культурным сознанием их носителей. Роль метафоры заключается, в частности, и в том, что она придает особый оттенок концептуальной системе отражения мира в соответствии с национально-культурными традициями. Особенно наглядно это показывает анализ концептуальных метафор, концептуальных метафорических проекций, образующих и структурирующих эти метафоры.

Для каждой картины мира характерен свой образ, который никогда не является зеркальным отображением оригинала. Однако для большинства народов мира *дерево* является одной из центральных моделей структурирования мира. Культ «священных» деревьев встречается практически у всех народов мира и уходит корнями в далекое прошлое. Образ дерева как модели Вселенной также характерен для многих народов. Наивный наблюдатель не мог не заметить, что многое произрастает из земли, цветет, дает плоды, затем семена и умирает, чтобы вновь появится из семян. Деревья снабжают людей не только плодами, но и дают возможность понять процессы природы и бытия в целом, хотя и в несколько обобщенном виде.

К дереву как отдельному объекту исследования обращались нечасто. Обычно оно рассматривалось в рамках ЛСГ «растение» (Д.И. Хизбуллина, Е.В. Рыжкова, Э.В. Васильева, Э.Д. Хаустова и др.), часто в рамках ономасиологического подхода. Деревья изучались в основном как ритуальные и мифологические символы различных народов [см. 9 и др.].

И.В. Пантелеев исследовал названия бытовых емкостей в частности из древесных растений в рамках русской диалектологии [14].

Изучая систему представлений о женщине в рамках славянской культурной традиции, а именно, исследуя формы языка и культуры Полесья, Г.И. Кабакова в одном из выводов замечает, что жизнь здорового, женского тела репрезентируется в динами-

ческих метафорах роста, цветения, плодоношения. Особое внимание автор уделяет рассмотрению символизма девушки, который передается через набор метафор цветения [10].

Попытку анализа концепта ДЕРЕВА в составе фразеологических единиц предприняла М. Малоха. Соглашаясь, что время и пространство есть универсальные категории, логически исходные для картины мира, М. Малоха считает, что именно ДЕРЕВО структурирует многоуровневую модель мира в представлении большинства славянских народов [13, с. 15]. В языке в системе характерных для него образов, эталонов, стереотипов, мифологем, символов зафиксировано мировоззрение народа и его взгляды, осознаваемые в контексте культурных традиций. Особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации как таковой в частности, по мнению автора, играет фразеологический состав языка. Эталоны и стереотипы, закрепленные в культурных коннотациях единиц фразеологии, типизируют и отображают все разнообразие культурно-национального миропонимания, начиная от духовно-нравственных сфер и кончая обиходно-бытовыми.

Активность компонента ДЕРЕВО во фразеологии, многообразие его значений – следствие особого положения дерева в модели мира, составляющей основу фольклорной и языковой традиции. М. Малоха приходит к выводу, что концепт ДЕРЕВО является одним из важнейших компонентов в структуре представлений человека о макро- и микрокосме, о взаимоотношении противопоставленных сфер вселенной [13, с. 130].

Т.К. Донская рассматривает ДЕРЕВО как мифологический символ освоения мира и вместе с тем поэтический образ в стихотворном творчестве русских поэтов. Она отмечает особую значимость дуба для славян. Животворящая сила дуба как вечного дерева становится первопричиной поэтизации его образа – символа весеннего возрождения жизни, вечной нетленной ее красоты [8, с. 23].

В рамках культурологического подхода О.С. Туманова, вслед за С.Г. Проскуриным и Ю.С. Степановым, рассматривает кон-

цепт Мирового Дерева в культуре. Автор относит концепт Мирового Дерева (МД) к культурным константам, которые возникли в древности и поддерживали на протяжении тысячелетий жизнь общества и культуры. Концепт МД, как полагает автор, был результатом потребности в визуальной знаковой системе, способной наглядно выражать представления о строении иерархии организованной Вселенной и о месте индивида или социума в ней [19].

О.Б. Абакумова рассматривая вопрос о национальных стереотипах универсальных концептов, приходит к выводу, что как раз ДЕРЕВО является таким универсальным концептом, структурирующим языковую картину мира [1].

3. Лингвистические манифестации концептуальной метафоры

Чем больше мы изучаем и анализируем данные современного языка, тем больше мы понимаем, как и при помощи каких элементов структурировано наше сознание. Этому находятся доказательства и в данной работе.

Н.Н. Болдырев пишет, что «приписывая человеку, событию или объекту определенные характеристики с помощью метафоры, мы привлекаем к ним особое внимание и одновременно выделяем их из всего возможного перечня характеристик за счет обращения к другой концептуальной области. Целью этого выделения может быть также положительная или отрицательная оценка или усиление данных характеристик» [3, с. 14].

Одним из возможных делений области-источника является выделение в ней продуктивных метафорических моделей. Под метафорической моделью вслед за А. Барановым и Ю. Карауловым, в данном исследовании понимается некая понятийная область (область источника в когнитивной интерпретации метафоры), элементы которой (смыслы, сочетания смыслов) связаны различными семантическими отношениями («выполнять функцию»,

«способствовать», «каузировать», «быть частью», «быть видом», «быть примером» и др.). каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других областей [2, с. xv]. Имя метафорической модели дает слово, являющееся родовым по отношению к словам, представляющим элементы ее понятийной области.

Метафорическая модель – это результат естественной, наивной, категоризации мира. Изучение метафорических моделей предполагает выявление их инвентаря в данном языке. Рассмотрение достаточного количества примеров метафорического варьирования метафорической значений фитонимов, касающихся дерева, позволяет сделать выводы относительно того, какие сущности чаще служат объектом метафоры. Именно признаки концептов данных сущностей чаще подвергаются переосмыслению [15, с. 74].

Основными ключевыми концептами модели концептуальной метафоры PEOPLE ARE TREES являются ДЕРЕВО, КОРЕНЬ, СТВОЛ, ВЕТКА, ПЛОД, ЛИСТ, ЦВЕТОК, ПОЧКА. Именно данные концепты служат генерирующими метафорическими базисами и представляют продуктивные метафорические модели.

Растительный мир, в частности ДЕРЕВО, выступает в качестве области-источника для области – мишени, не связанной с растительным миром. Перенос осуществляется на основании признаков, которыми обладают растения в целом и дерево в частности.

Значимость дерева для жизни человека не могла не отразиться в языке. Повсеместное распространение, осязаемость, утилитарность – эти свойства и характеристики делают дерево источником (If life is a tree, let us smell the flower and dig at the roots (Mumford L.)) и мишенью (The trees lie tangled in each others arms (Bly R.)) создания метафор.

Согласно словарной дефиниции, лексема «дерево» обладает важными характеристиками, помогающими выявить основу метафорических переносов. Tree (ЛСВ$_1$) – a very tall plant that has deep roots, a thick stem made of wood, and many branches [26,

с. 1597]. Дерево имеет глубокие корни, мощный ствол и множество ветвей, что позволяет человеку с легкостью применять метафору дерева, в случаях, где необходимо показать иерархию соподчинения, структурирование по вертикальному, реже по горизонтальному принципу.

Хорошо известна метафорическая модель генеалогического дерева (genealogical tree) или семейного дерева (family tree), которое наглядно помогает представить степени родства, проследить историю и развитие поколений:

After so long a lapse of years, the old trunk of the family tree, with so much venerable moss upon it, [has] borne, as its topmost bough, an idler of myself (Hawthorn N.).

Метафорическое переосмысление концепта *дерево* часто отражает аналогию между деревом и анатомией человека – строение кровеносной системы человека и животных, где вены (veins), артерии (arteries), нервы (nerves), аксоны (axons) часто называются стволами (trunk), ветвями (branches), отростками (offshoots).

В экономике также существуют метафоры дерева: tree diagram (древовидная схема), tree of objectives (дерево целей), organization tree (древовидная структура организации), outcome tree (дерево расходов), relevance tree (дерево относительной важности целей и задач), resource tree (дерево ресурсов) и т.п.

Естер Дайсон, издатель информационных бюллетеней для пользователей, так охарактеризовала ситуацию на компьютерном рынке, уподобляя компьютерные фирмы-гиганты деревьям:

What you see are these few tall-standing trees and a huge amount of smaller growth on the ground, but not a lot in the middle level. So the forest floor continues to be very fecund. The second level gets sort of shaded out by the leafy canopy on top (The New York Times).

Метафора взывает к эмоциям человека, пытаясь выделить из всего информационного потока то, на чем стоит остановить свое внимание, делая доступными для понимания сложные абстрактные и научные понятия. Так, в следующем примере аналогия

проводится между деревом и астрологией, что приближает эту сложную науку к человеку:

Astrology is a disease, not a science… It is a tree under the shadow of which all sorts of superstitions thrive (Moses b. M.).

В Библии – книге метафор – человек неоднократно уподобляется дереву (Matthew 7:20, Luke 6:43), приносящему плоды (результаты), и именно по ним будут судить о нем: A good tree cannot bear bad fruit, or a poor tree good fruit. And when a tree does not yield good fruit it is cut down and burnt. That is why we say you'll recognize them by their fruit (Matthew 7:17–20).

Описывая процесс творчества некоего плодовитого, но не очень талантливого поэта, Сэмьюэль Джонсон прибегает к библейской метафоре дерева: He is a tree that cannot produce good fruit, he only bears crabs [small, sour fruit]. Резкую критику, завуалированную метафорой, С. Джонсон смягчает упоминанием количества написанных произведений:

A tree that produces a great many crabs is better than a tree which produces only a few (Short sayings in Great Men).

На примере метафоры дерева противопоставлены женское и мужское начало. Характерные качества для мужчины сила, мужественность, надежность являются признаками, лежащими в основе уподобления мужчины именно дубу из всех пород деревьев, а стройность, красота, невинность женщины в основе уподоблению ее березе:

Olpides: and then she said: "You are my darling oak-tree"-

Topman: And he called her his birch-tree: "My trembling silver birch-tree!" (Girardoux J.).

Процесс формирования какого-либо течения в обществе также напоминает процесс роста дерева:

The Republican Party watered this tree of racism; it's now grown to maturity and it's dropped this fellow David Duke from its branches (Kerry B.).

Религии также представлены метафорой дерева: As for the tree of Christianity, in a foreign country its leaves may grow thick and the

buds may be rich, while in Japan the leaves wither and no bud appears (Endo Sh.)

Метафора дерева носит продуктивный характер, метафоризируя все стадии жизни человека: зачатие, взросление, половую, зрелость, старение, смерть. Как дерево появляется из семян, так и человек зарождается из семени:

You make love with someone, and this tiny seed grows into a little person...(Steel D.).

«Сознательная» молодость человека, половая зрелость ассоциируются с «лучшими» стадиями развития дерева: Instinct told him she was ripe and might be willing (Cole M.); увядание, сброс листвы – с болезнями, смертью человека: My way of life / has fall'n into sere, the yellow leaf (Shakespeare W.). Жизнь человека и жизненный цикл дерева метафорически тождественны.

Метафоризации также подвергаются части человеческого тела, происходит перенос признаков и характеристик частей растения на части тела человека:

- тело человека, занимающее вертикальное пространственное расположение уподобляется стволу, самой выдающейся части дерева, также занимающей вертикальное положение, способное с ростом увеличиваться и с течением времени крепнуть:

No money can compensate for being a limbless trunk, but at least a generous compensation can give a glimmer of a normal life (Healey T.).

- голова человека уподобляется плоду дерева, лимону (1), груше (2) : 1) If you had any brains in that lemon… (BNC); 2) The 'poir', or, in English pear, is an obvious subliminal reference to the distinctive shape of the detective's bald head (BNC).
- лицо женщины уподобляется яблоку: Incensed, Debbie advanced threateningly towards the apple-faced woman (Cox J.).
- корни волос, зуба, корень языка, носа, ногтя уподобляются корням/корню дерева:

Her make-up was smeared and her roots were coming through (Cole M.).

Обратимся к словарной дефиниции корня: (ЛСВ$_1$) the part of a plant that grows under the ground, through which the plant gets water and food; (ЛСВ$_2$) the part of a hair, tooth, or nail that is under your skin [26, с. 1295].

Перенос базируется на той аналогии, что, с одной стороны, корень находится под землей, питается влагой, а с ней и минеральными веществами, а с другой, способен влиять на вертикальный рост дерева.

Метафоризации подвергаются не только конкретные части тела человека, но и его характер: All the girls liked Barry because he was a harel man, with a rep of a nutter (Cole M.); сфера чувств и эмоций: … the quantum Hall effect is an offshoot that derives from curiosity about effect of a strong magnetic field applied perpendicular to the plane of the two-dimensional system (BNC).

“That’s better”, he said approvingly. “Can’t get along with weeping willows” (McGowan F.). Примечательно, что данный метафорический перенос с позиции лингвоаксиологии может иметь противоположные оценочные интерпретации. С одной стороны, плачущая женщина вызывает естественное сочувствие, сострадание, и тем самым в данной метафоре реализуется положительная коннотация; с другой стороны, реализуются также и отрицательные коннотации, типа русского «рева-корова», «плакса». Все, однако, зависит от причины, по которой плачет женщина.

Филемон сказал: Grief is a tree that has tears for its fruit (Philemon). Тем самым уподобив горе, абстрактное понятие, сложной, но наглядной структуре дерева. Внешним проявлением горя зачастую служат слезы, которые он сравнил с плодами дерева.

Метафора дерева также репрезентирует и другие абстрактные концепты дружба: Friendship is a flowering tree (Coleridge S.T.), свобода: The tree of liberty must be refreshed from time to time with the blood of patriots and tyrants (Jefferson T.).

Таким образом, метафора дерева показывает, что большинство метафорических значений относится к номинации объектов

и явлений антропосферы, что подтверждает центральный тезис когнитивной науки о том, что человек находится в центре всего, что обозначено словом.

Метафора дерева охватывает многие стороны развития и существования человека: анатомия человека, его социальные статус и социальные институты, характеризует поведение, чувства и эмоциональное состояние. На базе уподобления дереву происходит концептуализация сложных, недоступных непосредственному наблюдению понятий [7].

Заключение

Проведенное исследование посвящено изучению механизмов метафоризации и роли метафоры в формировании языковой и концептуальной картин мира. Несмотря на значительность результатов, достигнутых в изучении метафоры, проблема ее сущности и механизмов образования является одной из самых актуальных. В рамках современного когнитивного подхода в лингвистике основной задачей становится объяснение (а не констатация) языковых фактов, метафора рассматривается как когнитивный процесс, без которого невозможно получение нового знания.

Существует несколько сотен универсальных концептуальных метафор, которые человек усваивает с рождения и хранит в сознании всю жизнь. Одной из таким метафор является PEOPLE ARE PLANTS.

Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира. При этом значения, которые выражаются в языке формируют единую систему взглядов, которая характерна для всех носителей данного языка.

Изучение системности метафорических переносов позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, как мы представляем окружающий мир и свое место в нем. В метафорах обнаруживаются предметно-логические связи, отражающий опыт говорящих. Метафорическая модель дерево и концеп-

туальные метафоры, входящие в состав этой модели, участвуют в создании национально маркированной языковой картины мира как средства концептуализации и категоризации действительности, интерпретации фактов реального мира. Чем больше языковых фактов подвергается анализу, тем больше мы понимаем, каким образом структурируется наше сознание.

Концептуальная метафора PEOPLE ARE TREES манифестирована большим количеством языковых репрезентаций. Дерево является основой моделирования сложных структур различного рода и охватывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности человека, таких как наука, техника, культура, искусство, религия и т. д. Метафора дерева может структурировать все, что имеет иерархическую или генеалогическую природу.

Проведенный анализ направлений метафорических переносов фитонимической лексики, в частности, тех, которые связаны с концептом ДЕРЕВО, показывает, что подавляющее число метафорических фитонимических значений относится к номинации объектов и явлений антропосферы. Это лишний раз подтверждает основной тезис когнитивной лингвистики о том, что человек находится в центре всего, обозначаемого словом.

Литература

1. Абакумова О.Б. Языковая картина мира и языковые стереотипы. Язык и коммуникация. Вып. XI. Орел: Орловский гос. ун-т, 2003. 89 с.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 331 с.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV : Механизмы языковой когниции : сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З. Демьянков, 2013. С. 12–21.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета, 2001. 111 с.

5. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / Гл. ред. Е.С. Кубрякова. М.: Ин-т языкознания РАН ; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25–77.
6. Дехнич О.В. Современная когнитивная теория, метафора и культура // Наука та сучасність: виклики XXI століття. Ч. IV: Міжнародна конференція, м. Київ, 31 січня 2014 р. Київ: Центр наукових публікацій, 2014. С. 44–47.
7. Дехнич О.В. Антропоцентрический характер метафорических репрезентаций (на примере метафоры дерева) // Вестник российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 2. С. 39–43.
8. Донская Т.К. Дерево: мифологический символ освоенного мира и поэтический образ // «Свое» и «чужое» в культуре народов европейского севера. Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1997. С. 23–26.
9. Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.-Л.: Изд-во АН ССР, 1937. 77 с.
10. Кабакова Г.И. Антропология женского тела. М.: Ладомир, 2002. 335 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / [Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.]. М.: Изд-во МГУ, 1997. 245 с.
12. Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура. Материалы IV международной научной конференции. Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. С. 32–36.
13. Малоха М. Фразеологизмы с концептом «дерево» в зеркале народной культуры: на материале восточнославянских и польских языков. Минск: Тэхналогія, 1998. 142 с.
14. Пантелеев И.В. Диалектные названия бытовых емкостей из древесных и травянистых растений. Автореф. … канд. филол. наук. Белгород, 2003. 22 с.
15. Рыжкова Е.В. Метафора флористического круга в английском языке: Дис. канд. …филол. наук. СПб, 2001. 204 с.

16. Самосудова Г.Г. Метафоризация концептуальной картины мира и ее языковые экспоненты (на примере английских авторских сказок Л. Кэролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье»). Автореф. … канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 22 с.
17. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
18. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
19. Туманова О.С. Концепт Мирового Древа в культуре: Автореф. … канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2001. Режим доступа к изданию: http://www.symballon/ru/image/publicat/disser/tm_dis0.htm
20. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 830 p.
21. Grady J. THEORIES ARE BUILDINGS revisited / J. Grady // Cognitive Linguistics, 1997. Vol. 8. P. 267–290.
22. Kovecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford University Press, 2002. 285 p.
23. Kövecses Z. Metaphor and Culture [Electronic resource] // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2010. Vol. 2 (2). P. 197–220. Available at: http://www.acta.sapientia.ro
24. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 314 p.
25. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : the University of Chicago Press, 1980. 256 p.
26. Macmillan: English Dictionary for Advanced Learners. – London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1748 p.
27. Yu N. The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese. John Benjamins Publishing, 1998. 278 p.
28. Yuanqiong W. On the Relationship Between metaphor and Cultural Models – with data from Chinese and English Language // Metaphorik.de. Online journal of Metaphor and Metonymy. Vol. 17, 2009. Available at: http://metaphorik.de

Глава III

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Дрыгина Ю.А.

Введение

Когнитивно-дискурсивная парадигма принесла с собой огромное количество нерешенных задач и вместе с ними подходов и методологий исследования.

Основной сферой когнитивной лингвистики является поиск ответа на вопрос, каким образом человек категоризирует окружающую действительность в попытке ее интерпретировать. Для решения данной задачи чаще всего используются различные когнитивные модели – фреймы, концепты, скрипты, сценарии и т.д. Универсальность фреймов подтверждается их способностью не только отражать информацию об участниках и наиболее характерных составляющих ситуации (ситуационные или классификационные фреймы), но также и описывать стереотипные смены этапов определённой деятельности (фреймы-сценарии).

Прагмалингвитика и теория дискурса ставят во главу угла саму ситуацию общения и взаимодействие и взаимовлияние людей в процессе коммуникации. Исследуются принципы общения, условия его успешности, характеристики участников коммуникации, компоненты коммуникативной ситуации, типы и жанры

дискурса, коммуникативные намерения, речевые акты, речевые стратегии и тактики.

Когнитивный и прагматический подходы весьма эффективно используются при исследованиях дискурса, а сам дискурс понимается как смысловое развёртывание некоторого опорного концепта, в результате чего создается общий контекст, а к элементам дискурса относят не только события и их участников, но и обстоятельства, сопровождающие события, их оценку, фон, поясняющий события [Демьянков 1982]. Дискурс, таким образом, можно интерпретировать только поместив его в рамки промежуточной или предварительной интерпретации. В рамках этой интерпретации воссоздается мысленный мир, в котором автор конструировал дискурс, включающий в себя характеристики действующих лиц, объектов, обстоятельств, событий [Демьянков 2005].

Представляется, что когнитивные модели как структуры, основанные на вероятностном знании о типических ситуациях («мысленных мирах») могут быть использованы для всестороннего анализа дискурса, его воссоздания или интерпретации.

В данной работе будет представлена фреймовая модель ситуации управления, лежащая в основе как порождения управленческого дискурса, так и его адекватной интерпретации. Будет также предпринята попытка определения управленческого дискурса и определения его места среди других дискурсивных жанров.

Концепт и фрейм в лингвистических исследованиях

Представляя дискурс как смысловое развертывание определенного концепта, а фрейм как когнитивную модель структурирующую концепт, необходимо кратко рассмотреть трактовку понятий концепта и фрейма в современной лингвистике.

В течение последних десятилетий в связи с большой популярностью и бурным ростом когнитивизма термин «концепт» получил когнитивный междисциплинарный статус и остаётся одним

из самых обсуждаемых феноменов, что объясняет большое разнообразие его определений и трактовок.

Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова 2006] мы полагаем, что к настоящему моменту сложилось пять основных направлений когнитивной лингвистики, имеющих своё видение концепта – культурологическое, лингвокультурологическое, логическое, философско-семиотическое, семантико-когнитивное.

В культурологии концепт понимается как основная ячейка культуры в ментальном мире человека [Степанов 1997]. Вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин определяют лингвокультурный концепт как условную ментальную единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания и культуры [Карасик 2001]. При этом сознание рассматривается как область пребывания концепта, культура – как феномен, детерминирующий концепт, а язык и/или речь как сферы, в которых концепт опредмечивается. Особенно важным для нашего исследования является положение о том, что лингвокультурный концепт многомерен и может быть смоделирован с помощью традиционных единиц когнитивистики (фреймов, сценариев и т.д.), обладающих более жесткой, чем концепт, структурой.

Применяя логические методы для анализа концептов, Р.И. Павилёнис называет концептом то, что человек знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира [Павилёнис 1983: 102].

В рамках философско-семиотического подхода концепт рассматривается как структурная единица опыта/памяти, сложная прототипическая репрезентация [Кравченко 2000: 26–27].

Представители самой большой группы исследований, названной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным семантико-когнитивной, исследуют лексическую и грамматическую семантику языка как средства доступа к содержанию концептов и средства их моделирования [Попова 2006: 12].

В ряде концепций отождествляются семантические и концептуальные структуры на том основании, что в концептуальных структурах взаимно сочетается лингвистическая и нелингвистическая информация [Jakendoff 1983: 95], но подчёркивается, что они не полностью идентичны [Evans 2006].

Дж. Лакофф утверждает, что «мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык организованы с помощью одних и тех же структур», которые он называет гештальтами, и особо подчёркивает их целостность и возможность их анализа [Лакофф 1981: 359–360].

В Кратком словаре когнитивных терминов концепт определяется как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Краткий… 1996: 90]. В более поздних работах Е.С. Кубрякова отмечает, что такие единицы существуют как гештальты, вполне самостоятельные и отдельные от других сущности, но [что важно для нашего исследования], как и всякие гештальты, они демонстрируют членимость, признаки, устройство [Кубрякова 2004: 316].

Н.Н. Болдырев определяет концепты как «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев 2000: 23].

М.В. Никитин в своей работе говорит о принадлежности концепта идеальному миру сознания, подчёркивая, что одной своей стороной концепт обращён к миру, который он отражает и/или конструирует в сознании, а другой – к языку и знакам, которые его репрезентируют [Никитин 2003: 174–175].

По А.П. Бабушкину, концепт – ментальная репрезентация, определяющая, как вещи связаны между собой и как они категоризуются [Бабушкин 1996: 16]. Данный исследователь обращает внимание на то, что категоризация – главная роль, которую концепты играют в мышлении.

З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают концепт как глобальную мыслительную единицу, квант структурированного знания, идеальную сущность, формирующуюся в сознании человека [Попова 1999: 4].

Завершая анализ существующих концепций, рассматривающих сущность и природу концепта, отметим принципиально важные для нашего исследования свойства концепта:

1. концепт – идеальная сущность, принадлежащая миру сознания, служащая для хранения и обмена информацией;
2. концепт обладает определённой нежесткой структурой, которую возможно исследовать с помощью концептуального анализа;
3. концепт не имеет чётких границ, динамичен, постоянно развивается;
4. концепт постоянно находится во взаимодействии и взаимосвязи с другими концептами;
5. наилучший доступ к содержанию концепта обеспечивает анализ средств его языковой объективации;
6. концепт вербализуется, но лексические средства способны передавать лишь часть концептуальных признаков.

Понятие концепта обширно, абстрактно и всеобъемлюще, для выявления его возможной структуры используют когнитивные модели, одной из которых является фрейм.

Термин «фрейм» имеет междисциплинарный статус и используется во многих областях науки – когнитивной психологии, когнитивной лингвистике, теории искусственного интеллекта, социологии.

Известный американский социолог Э. Гоффман [Гоффман 2003; Goffman, 1974] полагает, что на основе фреймов становится возможным социальное взаимодействие, связанное с пониманием: люди располагают определёнными фреймами (речевыми «устройствами») для всех типовых ситуаций: начала телефонного разговора, начала и окончания беседы и т.п. В данной концеп-

ции фреймы определённым образом структурируют стереотипные ситуации, определяя речевое поведение людей в них.

В теорию искусственного интеллекта термин «фрейм» был введён американским кибернетиком М. Минским для объяснения эффективности и «быстродействия» человеческого мышления [Минский 1979]. Фрейм, по М. Минскому, является структурой данных для представления стереотипной ситуации, «превосходным упрощением действительности», он представляет собой «идеальный» образ реального предмета или явления. Несмотря на нелингвистическую направленность данной теории, М. Минский высказывает важную для нашего исследования мысль о том, что понять, как построены наши системы фреймов, может помочь изучение лингвистических структур [Минский 1979: 63].

Абстрактный, универсальный характер фреймовой концепции обеспечивает довольно широкий спектр её использования и применимость к исследованию языка.

Первым в область лингвистических исследований понятие фрейма ввёл Ч. Филлмор. В его работах фрейм рассматривается уже с чисто когнитивной точки зрения, как особая унифицированная конструкция знания, связанная схематизация опыта [Филлмор 1988: 54]. Понятие фрейма лежит в основе семантики понимания и представляет собой полезный инструмент лексической и грамматической семантики, семантики текста.

Кроме самой популярной теории фреймов Ч. Филлмора было предложено множество похожих и близких ей по духу концепций. Это исследования Р. Лангакера, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Дж. Фоконье, Р. Джекендоффа.

Т.А. ван Дейк предпринял попытку связать речевые акты с фреймами для анализа прагматических контекстов. Фреймы он называет «единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта» [Дейк 1988: 16]. Эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом.

Е.С. Кубрякова рассматривает фреймы как достаточно сложные «составные» структуры, отмечая, что в когнитивную структуру каждого рассматриваемого знака (слова) включён ряд концептов и подобную структуру можно назвать фреймовой [Кубрякова 2004: 376].

Часто фрейм рассматривается как вид концепта. В таком представлении это «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объёмное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова 1999: 19] или объёмный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации [Болдырев 2000: 37].

В концепции В.В. Красных особая когнитивная единица – фрейм-структура, близкая к понятию «фрейм», определяется как когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций [Красных 2003: 289]. Автор подчеркивает, что фрейм-структура – это хотя и составная, но цельная единица, которая представляет и формирует структуру когнитивной базы человека.

Представляется, что важнейшими свойствами фреймов являются возможность включения во фрейм полного комплекса знаний о ситуации, объекте или событии, включая обстоятельства, а также их возможность воссоздавать «идеальную» идею объекта или ситуации.

Рядом учёных предлагались типологии фреймов. М. Минский выделяет два основных вида фреймов – собственно фреймы и сценарии [Минский 1979]. Е.Г. Беляевская выделяет «вертикальные фреймы» (фреймы ситуаций и событий) и «горизонтальные фреймы», объединяющие отдельные терминалы вертикальных фреймов в множества на основании некоторой общности (классификационные фреймы). [Беляевская 1992: 34]. Н.Н. Болдырев называет ситуационными фреймами такие, в которых отражены знания мира неязыкового, событийного характера. В отличие от

них классификационные фреймы – это модели познания окружающего мира с помощью языка, лежащие в основе языковой категоризации [Болдырев 2000: 64–65].

Опираясь на вышеизложенные концепции, мы трактуем фрейм как когнитивную модель ситуации, имеющую концептуальные основания. Иными словами, фрейм управления является «идеальной» моделью ситуации управления, существующей в человеческом сознании, и в основе этой модели лежит концепт управления, который с помощью фрейма определённым образом структурируется.

Учитывая предложенные классификации фреймов, использование динамически представленных фреймов или фреймов-сценариев для описания ситуации управления и управленческого дискурса, представляется наиболее эффективным. Вслед за Б.Р. Шегал мы полагаем, что структуризация целенаправленной деятельности управленца может быть проведена посредством фрейма-сценария [Фреймы-сценарии… 2002: 10]. Это положение заставляет нас обратиться к понятиям «сценарий» или «скрипт».

Сценарий, или скрипт рассматривается в концепциях многих лингвистов как «особая разновидность фрейма» [Гольдберг 2003: 55], «динамически представленный фрейм» [Болдырев 2000: 37], «фрейм, разворачиваемый во времени и пространстве» [Попова 2001]. Разновидностью фрейма считал сценарий и основоположник фреймовой теории М. Минский. Фрейм-сценарий, таким образом, включает не только сведения о действующих лицах и характеристиках ситуации, но и последовательность производимых участниками на протяжении определённого временного отрезка действий.

Подробно теория скриптов разработана в трудах Р. Шенка и Р. Абельсона. В данной концепции скрипт – один из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющего некоторое специальное задание в обработке естественного языка [Schank 1977, Краткий... 1996: 172]. С помощью скрипта можно описать привыч-

ные, часто встречающиеся ситуации как стереотипные смены событий. Все этапы скрипта взаимосвязаны и взамоопределены, каждое предыдущее действие обеспечивает условия, при которых может произойти следующее действие.

Первоначально, как отмечает В.З. Демьянков, скрипты рассматривались Р. Шенком и Р. Абельсоном как структуры данных, помогающие реконструировать причинно-следственные отношения, лежащие в основе повествования, позже предполагалось таким же образом моделировать память и обработку текста [Демьянков 1994: 69]. В дальнейшем скрипты уже не приравнивались к структурам долговременной памяти. Основными единицами памяти назывались сцены – части скрипта [Schank 1982]. Позже скрипт определялся как набор ожиданий о том, что должно произойти в рассматриваемой ситуации далее. Р. Шенк даже выдвинул гипотезу о том, что мышление является применением некоторого скрипта. Скрипт как разновидность структуры хранения информации может изменяться со временем, обогащаясь новыми сведениями [Schank 1990; Schank 1999], что значительно затрудняет перечисление не только факультативных компонентов фрейма-сценария, но и этапов, входящих в сценарную структуру.

Минимальными составляющими скрипта являются действующие лица и сюжет. Так, для рассматриваемого нами фрейма «управление» действующие лица – это субъект и объект управления. Сюжет в зависимости от его сложности может включать в себя различные управляющие действия – этапы или стадии скрипта (планирование, претворение плана в жизнь с помощью различных приказов, просьб, распоряжений, советов, других действий, контроль над производимой работой и т.д.), а также различные дополнительные характеристики самих действий или условий их протекания (терминальные компоненты фрейма – способ, средство, время и т.д.).

В концепции М. Минского сценарий – одно из основных понятий, разновидность структуры сознания, которая вырабатывает-

ся в результате интерпретации текста, когда ключевые слова текста создают тематические (сценарные) структуры, извлекаемые из памяти [Краткий… 1996: 181]. Как подчёркивает М. Минский, в языке и мышлении мы кратко выражаем или условно представляем сложные ситуации и целые эпизоды с помощью слов и символов [Минский 1979: 54]. Сценарий, по М. Минскому, это определённый набор вопросов, на которые следует получить ответы. Количество этих вопросов и все возможные в предложенной ситуации варианты действий практически не поддаются, по его признанию, исчислению и описанию.

М. Минский выделяет следующие уровни сценарной структуры:

- поверхностные синтаксические фреймы (структуры с глаголами и существительными);
- поверхностные семантические фреймы – группы слов, объединённые вокруг действий (действующие лица, инструменты, цели, и т.д.);
- тематические фреймы – сценарии для видов деятельности, связанных с определённой темой;
- повествовательные фреймы – скелетные формы типичных рассказов, для которых необходимы соглашения о развитии действий, главных действующих лицах, основных событиях и т.д.

На основании рассмотренных выше концепций представляется возможным выделить наиболее существенные для нашего исследования положения о сценарии:

- сценарий является видом фрейма;
- фрейм-сценарий используется для хранения информации о привычных ситуациях, для которых характерна определённая последовательность эпизодов во времени;
- перечисление всех входящих в сценарий этапов, их последовательности и расчёт всех возможных вариантов развития событий – чрезвычайно сложная, если вообще выполнимая, задача.

Для правильной интерпретации любого дискурсивного жанра необходимы знания о мире, что объясняет необходимость обращения к анализу понятия управления в различных областях знания.

Экстралингвистические факторы ситуации управления и структура фрейма

Существует множество причин полагать, что предпосылки к возникновению управления появились одновременно с началом сознательной деятельности человека. Развитие сознания и различных видов деятельности были связаны с взаимодействием людей, обменом информацией, объединением усилий многих людей ради достижения намеченных целей. По мере развития общества потребовалось создание специальных институтов для координации и согласования разноплановых интересов социальных слоёв и групп, выработка специфических методов эффективного управления производством, а также появление людей, обладающих специальными знаниями и подготовкой для осуществления данных действий.

Подчёркивая объективную необходимость управления, специалисты в области теории управления отмечают, что управление в обществе – явление, вызванное к жизни закономерностями функционирования и развития общества и находящееся во взаимодействии со всеми видами общественных отношений, координирующее и интегрирующее их в рамках целостной общественной системы [Атаманчук 2002: 43].

Развитие научного управления началось во время промышленной революции, когда остро встал вопрос о плановой организации труда и администрирования. Актуальными остаются проблемы управления государством, обществом, предприятием и на современном этапе.

Элементы управления можно найти практически в любой сфере жизни, и потому этот сложный феномен рассматривается многими науками:

- философией – как функция организованных систем, возникших естественным (эволюционным) или искусственным (креационным) путём».
- социологией – как взаимодействие социальных групп и как целенаправленный непрерывный процесс воздействия на объект управления (личность, коллектив, технологический процесс, предприятие, государство) для достижения оптимальных результатов при наименьших затратах времени и ресурсов.
- политологией – как функционирование в обществе таких политических механизмов, в которых субъекты и объекты связаны отношениями управления – власти и обратной связи.
- теорией управления – как элемент и одновременно функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических и др.), обеспечивающая сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности.
- экономикой – как реализация положений хозяйственного механизма, система, обеспечивающая успешное целостное функционирование, сохранение и развитие организации.
- психологией – как диагностика состояния системы, формирование программы деятельности подчинённых, принятие руководителем решений и организация их исполнения.
- кибернетикой – как взаимодействие элементов кибернетической системы.
- информатикой – как информационное воздействие.

Ключевыми понятиями управления в любой сфере являются власть, система, субъект и объект управления, процесс, действие (воздействие), цель. Охарактеризуем их подробнее.

В самом широком смысле под властью в управлении понимают воздействие субъекта управления на управляемый объект, возможность влиять на объект управления, доминирование, подчинение объекта

Субъектом управления является лицо, от которого исходит властное воздействие, а объектом – испытывающие на себе это воздействие люди и их различные объединения. Социальная природа управления определяет, что и объектом, и субъектом управления является человек или созданные им организации, институты или объединения.

Управление как особый вид деятельности представляет собой деятельность управляющей подсистемы по выработке управляющего воздействия и его осуществления для достижения поставленной цели.

Цель как обязательное условие любой деятельности является своеобразным двигателем развития, предвосхищающим идеальное состояние объекта управления в будущем, определяющим то, ради чего создается система [Калигин 2003]. Когда цель управленческой деятельности уже четко определена, происходит переход к её реальному осуществлению в процессе управленческой деятельности.

Процессный подход является основополагающей базой для современных подходов к управлению. Основным положением данного подхода является рассмотрение управления как процесса, потому что деятельность управляющего – это «не какое-то единовременное действие, а серия последовательных взаимосвязанных действий» [Калигин 2003: 64]. Эти взаимосвязанные действия, составляющие структуру деятельности управляющего, чаще всего называют управленческими функциями, а процесс управления является общей суммой всех функций управления.

В современной литературе нет единого мнения о количестве функций управления. Среди часто выделяемых функций – планирование, организация, регулирование, мотивация, учёт, контроль, анализ, прогнозирование, координация, коммуникация, принятие решений.

Как видно, феномен управления чрезвычайно сложен и многогранен. Включение в исследование внеязыковой информации позволило более точно представить структуру фрейма.

Характеризуя строение фрейма, воспользуемся концепцией М. Минского [Минский 1979] и назовём компоненты, обязательные для любой ситуации управления вершинными компонентами (вершинами), а компоненты, наличие которых определяется каждой конкретной ситуацией управления, терминальными компонентами (терминалами).

Фрейм «управление» моделируется на основании анализа экстралингвистических данных, дающего представление о ситуации управления в реальной действительности, анализа словарных дефиниций лексем со значением управления, концептуального анализа, анализа фактического материала.

К вершинам фрейма «управление» мы относим субъект, предикат и объект как элементы, отсутствие которых не позволит ситуации управления считаться таковой. Субъект управления является главным инициатором действия, «носителем деятельности» [Новая… 2001: 659], его непосредственным исполнителем. Предикат, обладающий сложной сценарной структурой, отличает данную ситуацию от всех прочих и даёт информацию о характере производимого действия. Объект является пассивным исполнителем воли субъекта, тем, на что направлена активность субъекта. В случае его отсутствия субъект потеряет право так называться, так как активность субъекта необходимо предполагает внешнеположный ей объект [Новая… 2001: 136].

Таким образом, стереотипная ситуация управления обязательно включает информацию о лице, которое управляет, объекте, которым управляют и о собственно процессе управления. Данные компоненты практически всегда находят экспликацию на языковом уровне.

Вопрос о количестве терминальных компонентов представляется весьма сложным, поскольку их количество может быть сколь угодно велико и разнообразно, как и количество ситуаций управления. Терминальные компоненты можно разделить на две условные группы:

1. Дополнительно характеризующие субъект и объект управления: характеристики субъекта и характеристики объекта.
2. Дополнительно характеризующие предикат управления: цель, способ, средство, время, место.

Такую сложную и многоаспектную единицу знания, как концепт, трудно точно смоделировать с помощью только компонентов фрейма. Нам представляется целесообразным выделить также обязательные и факультативные признаки данного фрейма, поскольку структура концепта, по признанию большинства когнитологов, обязательно включает множество когнитивных (концептуальных) признаков, которые могут быть как общими для всех носителей языка, групповыми, так и сугубо индивидуальными.

В связи с невозможностью перечисления всех признаков концепта «управление» обозначим те, которые находят экспликацию на системном (в лексикографических толкованиях глаголов управления) или функциональном (в виде модификаторов смысла, входящих в состав предложения-высказывания) уровнях. Итак, обязательными признаками концепта (и фрейма) «управление» являются «Обладание властью» и «Ответственность за свои действия», а факультативным признаком – «Оценка».

Представленная модель, как видно, отражает ситуацию управления в самом общем виде и может быть дополнена и изменена. Важнейшей задачей, решение которой позволит выявить и проанализировать прагматические характеристики управленческого дискурса, а также лингвистическое наполнение речи управленца, является само определение управленческого дискурса.

Управленческий дискурс как разновидность институционального дискурса

Термин «управленческий дискурс», безусловно, не получил столь широкого распространения как, например, термин «деловой дискурс», и чаще всего используется как его синоним, однако

он периодически также появляется в работах как лингвистов так и представителей других научных областей.

Обратимся сначала к трактовке понятия «управленческий дискурс» в нелингвистических исследованиях.

В философии управленческий дискурс отождествляется с дискурсом менеджмента. Центральным звеном управленческой деятельности признается принятие решений, а функции организации, руководства, контроля составляют исполнительный блок управленческой деятельности. Важным для нас наблюдением является утверждение о том, что управленческий дискурс со временем развивается, включая в себя все новые и новые аспекты – менеджмент, корпоративная культура, логистика, маркетинг, паблик рилейшнз [Сажина 2011]

В исследовании Г. В. Сориной [Сорина 2006] рассматривается не весь управленческий дискурс, а один из его структурно-содержательных аспектов – аргументативные практики и вопросно-ответные процедуры. Автор не ставит перед собой задачу определения управленческого дискурса, а концентрирует свое внимание на таких важных характеристиках управленческого дискурса как необходимость включения элемента аргументации в управленческий дискурс и реализации управления в процессе коммуникации, которая, в свою очередь, в современных условиях предполагает наличие профессиональных навыков эффективного использования аргументативных ресурсов. Автор наглядно демонстрирует зависимость и взаимосвязь управления, коммуникации и аргументации. Интересны выводы о зависимости характера аргументации от стиля управления – при авторитарном стиле управления вопросно-ответные процедуры буквально сведены к нулю.

В работе С. А. Шилиной, посвященной социологии управления, дискурс рассматривается как управленческая коммуникация в условиях соответствующих социальных отношений. Автор отмечает, что, в связи с отсутствием в социологической науке четкого и общепризнанного определения дискурса сложной задачей

является определение функций и значения управленческого дискурса в системе отношений общества и государства.

Давая собственное определение данному понятию, автор отмечает, что управленческий дискурс является технологией коммуникативного воздействия различных социальных групп, объектов и субъекта власти, пронизывающий все сферы и уровни отношений государства и общества. Автор подчеркивает системообразующую роль управленческого дискурса, выступающего стратегическим ресурсом государственного управления [Шилина 2011].

К функциям управленческого дискурса в рамках данной работы относятся качественное государственное управление, ориентированное на отношения партнерства и сотрудничества, переход от логики учреждения к логике обслуживания с активным гражданским участием, а также двухстороннюю коммуникацию разных социальных групп в режиме диалога.

Существующие лингвистические исследования управленческого дискурса сконцентрированы на его отдельных поджанрах, аспектах и особенностях.

Диссертационное исследование О.А. Юдиной [Юдина 2012] посвящено выявлению и сопоставлению метафор и метафорических моделей в российском и англо-американском управленческом дискурсе. Автором проводится сопоставительное исследование данных метафор, а также выявление семантических особенностей их освоения в российском управленческом дискурсе.

Управленческий дискурс понимается в работе как особый вид институционального дискурса. Он определяется как жанровый корпус текстов, который развернут в пространстве и времени, а также как способ передачи когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через текст в его языковой реализации и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации.

В работе характеризуются и анализируются двенадцать наиболее встречаемых в российском и англо-американском управленческом дискурсе метафорических моделей, таких как: «Управле-

ние – это наука», «Управление – это болезнь», «Управление – это деньги и товар», «Управление – это человеческий организм», «Управление – это движение по определенному пути», «Управление – это война», «Управление – это дом (строение)», «Управление – это спорт и игра», «Управление – это механизм и инструмент», «Управление – это мир растений», «Управление – это мир животных», «Управление – это театр».

В заключение автор приходит к выводу, что управленческий дискурс представляет собой специфический образ мышления и метафоричность является одной из институциональных черт как российского, так и англо-американского управленческого дискурса.

В интересном исследовании Н.В. Даржаевой [Даржаева 2009] рассматривается функционально-прагматический аспект управленческого дискурса в жанре интервью менеджера. Автор анализирует речевые средства воздействия в заявленном дискурсивном жанре, прагмасемантические и структурные признаки управленческого дискурса в совокупности с языковыми средствами реализации его стратегической направленности.

В работе не прослеживается четкого определения управленческого дискурса, однако выявляются базовые характеристики дискурса управленца и жанра интервью менеджера. Управленческий дискурс функционирует в рамках организационной коммуникации, которая представлена в трех основных категориях: внутреннее производственное общение, внешнее производственное общение и межличностное общение. Основной иллокутивной функцией управленческого дискурса автор считает директив, отмечая, что информатив имеет директивную иллокутивную цель 60– побуждение читателя к действию по отношению к компании (покупка товара, акций, услуг компании).

В работе Е.В. Мороз управленческий дискурс относится к разновидности институционального общения и понимается как сложный социальный феномен, важнейшая составляющая соци-

ального взаимодействия [Мороз 2001]. Отмечается, что исследование управленческого дискурса затрагивает проблемы лингвокультурных характеристик авторитарной и демократической моделей менеджмента.

Само понятие управленческого дискурса охватывает в данной работе языковые средства в сочетании с условиями коммуникации, поэтому анализ дискурса предлагается начать с выявления его жанровой организации и набора речевых актов с последующим рассмотрением используемых в нем языковых средств.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что задачи адекватной интерпретации дискурса и вскрытия механизмов его порождения остаются весьма актуальными и для их решения используются не только традиционные для дискурс-анализа методы, но и ряд пришедших из смежных лингвистических направлений, в частности, когнитивной лингвистики.

Сегодня нередко высказывается мысль о том, что в основе формирования любого жанра дискурса лежит соответствующий концепт. Определённая, но не фиксированная структура концепта позволяет моделировать его с помощью других единиц когнитивной лингвистики. Привлечение данных смежных наук, необходимое для исследования, выполненного в рамках когнитивного подхода к языку, позволило выявить наиболее значимые составляющие и признаки типовой ситуации управления, которые соотносятся с компонентами и признаками фрейма и, соответственно, находят своё отражение в языке.

Фрейм «управление» является когнитивной моделью ситуации управления, структурирующей вполне определённым образом лежащий в его основе концепт.

Структура данного фрейма-сценария представляет собой иерархию вершинных (обязательных для любой ситуации управ-

ления) и терминальных (придающих дополнительные характеристики ситуации) компонентов. К вершинам относятся субъект, объект и предикат. Терминальный же уровень представлен компонентами характеристики субъекта, характеристики объекта, несущими дополнительную информацию о соответствующих вершинных компонентах, и группой компонентов, характеризующих предикат. это цель, способ, средство, время, место. В структуру фрейма, помимо компонентов, входят ещё и признаки, которыми обладает концепт «управление». К обязательным признакам относятся «Обладание властью» и «Ответственность за свои действия», а к факультативным – «Оценка».

Исследования, упоминающие дискурс управленца, называют его особым видом общения или коммуникации в рамках общения институционального, подчеркивая его стратегическую важность для осуществления процесса управления. А поскольку управление является процессом, пронизывающим все сферы общества, своеобразным организующим центром его жизни, исследование одного из важнейших средств его реализации – управленческого дискурса представляет собой весьма актуальную задачу для современной лингвистической науки.

Очевидно, что управленческий дискурс, будучи одним из жанров институционального общения имеет ряд черт, присущих ему, но в то же время он должен обладать и характерными отличительными особенностями, выявление которых представляет немаловажную задачу.

К другим перспективам дальнейшего исследования следует отнести определение сущности управленческого дискурса и его места среди других жанров институционального дискурса. Представляется не вполне верным отождествление управленческого дискурса с деловым, поскольку его границы очевидно шире – ведь элементы управления мы находим во всех сферах жизни общества – от государственной политики и бизнеса до системы образования и межличностных взаимоотношений.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Управление – фактор развития: размышления об управленческой деятельности. М.: Экономика, 2002. 567 с.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
3. Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 М., 1992. 401 с.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии: учеб. пособие; Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
5. Гольдберг В.Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования: учеб. пособие; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003. 92 с.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / М. : Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 752 с.
7. Даржаева Н.В. Управленческий дискурс в жанре интервью менеджера: функционально-прагматический аспект (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.
8. Дейк Т.А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / сост. В.В. Петрова. М., 1989. С. 12–40.
9. Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1980. № 4. С. 336–346.
10. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста. М.: Всесоюзный центр переводов. 1982. 288 с.
11. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. Сборник к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55

12. Калигин Н.А. Принципы организационного управления. М.: Финансы и статистика, 2003. 266 с.
13. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: [сб.] / Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, Воронеж. гос. ун-т, Моск. обществ. науч. фонд, Ин-т перспектив. рос. исслед. им. Кеннана (США); науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2001. С. 75–80.
14. Кравченко А.В. Методологические основания когнитивного анализа значения // Когнитивный анализ слова / Под ред. Л.М. Ковалёвой; Иркут. гос. экон. акад. Иркутск, 2000. С. 8–32.
15. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
16. Краткий словарь когнитивных терминов. под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
17. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира; РАН, Ин-т языкознания. М.: Яз. славян. культуры, 2004 а. 555 с.
18. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Лингвистическая семантика: Новое в зарубежной лингвистике; вып. 10 [сб. ст.]. М., 1981. С. 350–368.
19. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
20. Мороз Е.В. Различные подходы к анализу управленческого дискурса // Актуальные вопросы переводоведения и лингвистики : материалы научной сессии ВолГУ. Волгоград, 2001. С. 64–70.
21. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. Пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с.
22. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; под ред. В.С. Степина и др. М.: Мысль, 2000. Т. 3. 692 с.
23. Павиленис Р.С. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
24. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1999. 30 с.

25. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.
26. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
27. Сажина О.Ю. Управленческий дискурс: принятие решений в системе бизнес-образования // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2011» (11–15 апреля 2011). – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1275/12683_1961.pdf.
28. Сорина Г.В. Аргументативные практики и вопросно-ответные процедуры в управленческом дискурсе // Ежегодник Санкт-Петербургского философского общества. СПб. 2006. Вып. 6. С. 160–174.
29. Степанов Ю.С. Константы: слов. рус. культуры: опыт. исслед. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.
30. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике; вып. 23. М., 1988. С. 52–92.
31. Фреймы-сценарии управленческой деятельности: метод. разраб. по курсу «Проектирование АСОИУ» для студентов V курса фак. автоматики и вычисл. техники / сост. Б.Р. Шегал. Новосибирск: Новосиб. гос. техн. ун-т, 2002. 34 с.
32. Шилина С.А. Управленческий дискурс как технология модернизации во взаимоотношениях государства и общества // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ресурсы и технологии модернизации: материалы международной научно-практической конференции. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2011. С. 97–101.
33. Юдина О.Л. Метафоры и метафорические модели в российском и англо-американском управленческом дискурсе: параллели и взаимодействие: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 25 с.
34. Evans V. The Cognitive Linguistics Enterprise: An overview / V. Evans, B.K. Bergen, J. Zinken. University of Brighton. Brighton, 2006. Mode of access: http://www.brighton.ac.uk/languages/research/vyvevans/CLoverview.pdf

35. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience N. Y.: Harper & Row, 1974. 586 p.
36. Jackendoff R.S. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. 283 p.
37. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals, and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, N. J.; L.: Erlbaum Associates; N. Y.: Distributed by the Halsted Press Division of John Wiley and Sons, 1977. 248 p.
38. Schank R.C. Reminding and memory organization: An introduction to MOPs // Strategies for natural language processing / ed. by W.G. Lehnert, M.H. Ringle. Hillsdale, N. J.; L., 1982. P. 455–493.
39. Schank R.C. Tell Me a Story: A New Look at Real and Artificial Memory. N. Y.: Scribner, 1990. 253 p.
40. Schank R.C. Dynamic memory revisited. 2nd ed. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 1999. 302 p.

Глава IV

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КАТЕГОРИИ «ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ»

Караулова Н.М.

Введение

Трансформация административно-командной экономики России в социально-рыночную сопровождалась либерализацией экономической деятельности, открытием национальных границ, интеграцией отечественного хозяйства в мировую экономическую систему. В изменившихся условиях хозяйственной деятельности российские экономические субъекты оказались не готовы к защите своих интересов, что привело к ухудшению их конкурентных позиций на мировом рынке.

Текущая политика государства в сфере защиты не обеспечивает должного уровня свойств системы защиты экономических интересов. Применение отечественными хозяйствующими субъектами известных средств защиты характеризуется низким уровнем эффективности, в результате чего на современном этапе экономического развития Российская Федерация терпит значительный ущерб. В связи с этим актуальным является моделирование систем и процессов защиты экономических интересов и разработка комплекса мероприятий, направленных на коррекцию тех показателей отечественной системы, текущее состояние которых оценивается как неудовлетворительное. Внедрение мероприятий

в отечественную хозяйственную практику, как свидетельствует позитивный опыт в данной сфере, приведёт к повышению эффективности защиты интересов, что позволит российским участникам экономических отношений реализовывать наиболее предпочтительные интересы.

Анализ эволюции концепций защиты свидетельствует об отсутствии в экономической литературе устоявшегося определения защиты экономических интересов. Это обусловлено многоаспектностью изучаемого феномена, принимавшего различные формы в зависимости от конкретных условий среды и защищаемых экономических отношений.

Концепция и понятие как отражение взглядов на некоторой стадии общественного развития, фиксируя определённые признаки рассматриваемого предмета, акцентирует внимание на отдельных из них, одновременно умаляя значение других. Однако, как отмечает К. Маркс, «наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех элементов. Тогда оно перестаёт быть мыслимым только в особенной форме» [1, с. 730]. Для получения селективного понятия необходимо рассмотреть известные определения как аспекты системы защиты субъектов экономических отношений и, используя принцип системности, синтезировать позитивное положение, учитывающее «наиболее общие и существенные стороны» [2, с. 39] изучаемого предмета.

Поскольку экономический интерес является производным от интереса в целом, то целесообразно начинать анализ с рассмотрения понятия «интерес», учитывающего основные свойства его содержания и формы. Этимологически под словом «интерес» понимается «то, что имеет значение, что важно» [3, с. 608]. В. Даль отмечает, что интерес представляет собой «пользу, прибыль, заботу и выгоду» [4, с. 47]. Согласно С. Ожегову интерес заключается во «внимании, занимательности, значительности,

нужде, потребности» [5, с. 249]. С точки зрения философии интерес предстаёт как «реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями – мотивами, помыслами, идеями и т. д. – участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов» [6, с. 219]. Различия в приведённых определениях обусловлены тем, что каждое из них отражает разные аспекты интересов. Дж. Бьюкенен и Г. Таллок отмечают, что «за эгоистическим интересом в широком смысле слова признаётся роль важнейшей силы, побуждающей человека к действиям в любой сфере его деятельности; деяния людей, если они не связаны этическими или моральными, ограничениями, вполне естественно направлены на продвижение индивидуального, или частного, интереса» [7, с. 63].

1. Понятия «интерес» и «экономический интерес»

В экономической науке не существует однозначного толкования экономического интереса. Многие экономисты, посвятившие свои работы исследованию экономического интереса, рассматривали его исходя из отдельных признаков данного понятия. Несмотря на неоднозначность трактовки понятия «экономический интерес» в современной литературе, следует выделить характерные признаки в известных определениях, чтобы на основе их композиции получить комплексное понятие «экономический интерес».

Синтезируем понятие с использованием системного подхода. Система представляет собой «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определённую целостность, единство» [8, с. 1209]. Определяя понятие «экономический интерес» как системную композицию аспектов его проявлений корректно представление его как абстрактной системы. Формализовано понятие, являющееся абстрактной системой, определяемой функцией совокупности характеристик,

можно представить, используя инструментарий, предложенный В. Садовским [9], далее разработанный А. Дьяченко [10]. В этом случае системное понятие будет описываться следующим выражением:

$$I = f(A', B', C', D', E', F'), \quad (1)$$

где: A' – характеристика исходных составляющих системы;

B' – характеристика, описывающая сочетания исходных составляющих (множество, совокупность, группа, комплекс);

C' – характеристика, указывающая на системообразующие связи и отношения между исходными составляющими (взаимодействие, соединенность и т. п.);

D' – характеристика, определяющая интегративное свойство системы, благодаря которому обеспечивается её существование и функционирование;

E' – характеристика функциональной направленности развития системы;

F' – характеристика условий, при которых возможно существование и функционирование исследуемой системы.

Приведенное выражение (1) содержит полный набор характеристик, необходимых для описания исследуемой системы. Однако, как правило, понятие, используемое в качестве базы для анализа, не обладает полным комплексом отмеченных выше характеристик. Системный анализ совокупности известных определений позволит устранить указанный недостаток и провести синтез селективного понятия, удовлетворяющего известным представлениям о природе экономического интереса.

При декомпозиции известных понятий на подмножества признаков свойств обозначим индексированными прописными буквами подмножества отличительных признаков характеристик A'_i, B'_i, C'_i, D'_i, E'_i, F'_i. Значение индекса i будет соответствовать порядковому номеру рассматриваемого понятия. При этом апостроф указывает на отнесение рассматриваемых характеристик и их признаков к понятию экономического интереса, которое носит

вспомогательный характер и разрабатывается для определения понятия «защита экономического интереса».

Т. Любимова под экономическим интересом понимает «определенный побудительный мотив целесообразной, сознательной экономической деятельности общественного индивида в процессе его собственного воспроизводства» [11, с. 14]. Причём, «целевой функцией экономического интереса общественного индивида является формирование его побудительных мотивов как потребителя (мотивация потребителя)» [11, с. 16]. Исходными составляющими экономического интереса являются «мотив» и «общественный индивид» – признаки A'_1. В качестве системообразующих свойств выступает характеристика «побудительный», что составляет признак C'_1. Интегративным качеством экономического интереса следует считать «целесообразную, сознательную экономическую деятельность» – признак D'_1. Функциональная направленность определяется признаком E'_1 – «формирование побудительных мотивов как потребителя (мотивация потребителя)». Признак F'_1 указывает на ограничение исследуемой системы сферой «процесса собственного воспроизводства». Объединив выделенные признаки получим систему как функцию от пяти переменных:

$$I_1 = f(A'_1, C'_1, D'_1, E'_1, F'_1).$$

В анализируемом определении внимание уделяется, прежде всего, мотивации хозяйствующего субъекта к действиям и экономический интерес, в связи с этим, рассматривается как источник деятельности участника экономических отношений. Подобный подход используется многими авторами, исследовавшими содержание экономического интереса [12; 13; 14, с. 549–550].

Экономические интересы также определяют как «проявление производственных отношений в виде объективной направленности хозяйственной деятельности людей, в которой отражается их место в системе общественного производства» [2, с. 42]. В данном случае признаками A'_2 являются «люди». Признак C'_2 высту-

пает как «проявление производственных отношений». Признак D'_2 составляет «хозяйственная деятельность». На функциональную направленность указывает признак E'_2, который выражается «в виде объективной направленности» действий хозяйствующих субъектов в определённой сфере экономических отношений. Признак F'_2, указывающий на ограничение системы определенными границами, интерпретируется как «место в системе общественного производства». Определение экономического интереса как формализованного системного объекта в этом случае соответствует выражению:

$$I_2 = f(A'_2, C'_2, D'_2, E'_2, F'_2).$$

Аналогичный взгляд на содержание исследуемого понятия наблюдается у Иванова И., который отмечает, что экономические интересы «есть не что иное, как проявление общественных связей и отношений между людьми» [15, с. 9.].

Экономические интересы также представляют как «объективные мотивы деятельности людей, отражающие их место в системе общественного производства» [16, с. 320]. В этом случае исходными составляющими полной формы описания системного объекта будут «мотивы» и «люди» – признаки A'_3. Признаками C'_3 являются «объективные мотивы». В качестве интегративного качества системы выступает «деятельность людей» – признак D'_3. Сфера действия экономических интересов ограничивается признаком F'_3, который сводится к «месту в системе общественного производства». Формализованная структура приведённого определения может быть выражена как функция от выделенной совокупности признаков:

$$I_3 = f(A'_3, C'_3, D'_3, F'_3).$$

При определении экономического интереса как «формы проявления экономических потребностей» [2, с. 41] хозяйствующего субъекта необходимо учитывать, что последний действует «в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ в целях удовлетворения потребностей при ограниченных

ресурсах» [2, с. 35]. В данном случае в качестве исходных составляющих выступают «экономические потребности» – признак A'_4. Признак B'_4 составляет «форма проявления». На функциональную направленность экономического интереса указывает «цель удовлетворения потребностей» – признак E'_4. Дополнительными условиями действия экономического интереса, устанавливаемыми признаком F'_4, являются сфера «производства, распределения, обмена и потребления материальных благ» и «ограниченность ресурсов». Объединение рассмотренных признаков в данном случае позволяет получить следующее выражение:

$$I_4 = f(A'_4, B'_4, E'_4, F'_4).$$

Аналогичные результаты будут получены при системном анализе понятия, предложенного Я. Кронродом, согласно которому экономический интерес выступает как форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей [14, с. 545–546].

Искомое определение I_e может быть получено при помощи композиции выделенных признаков и определения на их основе характеристик, последующее объединение которых позволит сформировать понятие «экономического интереса» хозяйствующего субъекта.

$$I_e = f(A', B', C', D', E', F'),$$

где $A' = \{A'_1, A'_2, A'_3, A'_4\}$;

$B' = \{B'_4\}$;

$C' = \{C'_1, C'_2, C'_3\}$;

$D' = \{D'_1, D'_2, D'_3\}$;

$E' = \{E'_1, E'_2, E'_4\}$;

$F' = \{F'_1, F'_2, F'_3, F'_4\}$.

1. Характеристика A' будет сформирована на множестве признаков A'_1, A'_2, A'_0, A'_4. Следовательно $A' = \{$(определённый мотив; общественный индивид); (люди); (объективные мотивы; люди); (экономические потребности)$\}$. Характеристика A' может быть представлена как объединение трёх подмножеств на множестве проявлений исходных составляющих: подмножество $A'(1)$ – эко-

номический субъект, $A'(2)$ – экономическая потребность и $A'(3)$ – мотив хозяйственной деятельности.

2. Характеристике B' как основному свойству сочетаний исходных составляющих, образующих систему экономических интересов соответствует: B' = {(форма проявления)}. Характеристика B' системы экономического интереса будет выступать как форма проявления исходных составляющих.

3. Характеристика C' будет сформирована на множестве признаков C'_1, C'_2, C'_3. Следовательно, C' = {(побудительный); (проявление производственных отношений); (объективные мотивы)}. В соответствии с полученным множеством признаков отношений системного понятия экономического интереса сформулируем описание свойств отношений между исходными составляющими: побуждение и объективное направление деятельности хозяйствующих субъектов.

4. Характеристика D' будет сформирована на множестве признаков D'_1, D'_2, D'_3. Следовательно D' = {(целесообразная, сознательная экономическая деятельность); (хозяйственная деятельность); (деятельность людей)}. В качестве интегративного свойства защиты экономических интересов, которое обеспечивается совокупностью выявленных признаков, выступает целесообразная, сознательная хозяйственная деятельность экономических субъектов – характеристика D'.

5. Характеристика E' будет сформирована на множестве признаков E'_1, E'_2, E'_4. Следовательно, E' = {(формирование побудительных мотивов у хозяйствующего субъекта как у потребителя); (в виде объективной направленности); (в целях удовлетворения потребностей)}. Функциональной направленностью экономических интересов является удовлетворение бесконечно возрастающих потребностей экономических субъектов в ходе их хозяйственной деятельности – характеристика E'.

6. Характеристика F' будет сформирована на множестве признаков F'_1, F'_2, F'_3, F'_4. Следовательно, F' = {(процесс собствен-

ного воспроизводства); (место в системе общественного производства); (место в системе общественного производства); (в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ; при ограниченных ресурсах)}. В результате получим, что экономические интересы реализуются только в процессе хозяйственной деятельности, включающей производство, распределение, обмен и потребление материальных благ и ограниченных ресурсах – характеристика F'.

Объединив полученные результирующие характеристики A', B', C', D', E', F' в соответствии с их функциональным назначением, сформулируем искомое определение содержащее полный набор признаков и соответствующее выражению (1):

Экономический интерес представляет собой форму проявления экономической потребности, которая выступает в качестве мотива, побуждающего и объективно направляющего целесообразную, сознательную хозяйственную деятельность экономических субъектов, включающую производство, распределение, обмен и потребление материальных благ, на удовлетворение бесконечно возрастающих потребностей при ограниченных ресурсах.

Полученное комплексное определение экономического интереса на основе композиции выделенных признаков и селективных характеристик позволяет перейти к анализу понятия «защиты экономических интересов».

2. Понятие «защита экономических интересов»

В отечественной и зарубежной экономической литературе отсутствует устоявшееся определение «защиты экономических интересов». Как правило, приводятся понятия, относящиеся к определённому субъекту защиты и конкретной форме экономического интереса, которые выступают как аспекты понятия «защита экономических интересов». В результате анализа терминов и последующего синтеза получим селективное понятие, удовлет-

воряющее всем известным определениям и обладающее устойчивым содержанием. Кроме того, как правило, определения, используемые при анализе, содержат неполный набор выделенных характеристик системы и не могут быть определены как «общее, фундаментальное понятие» [6, с. 254], то есть как категория. Исследование ряда известных определений позволит выявить полный комплекс необходимых характеристик.

Трактуя предмет защиты экономических интересов как совокупность его конкретных проявлений, представим понятие «защита экономических интересов» как абстрактную систему.

Для получения понятия «защита экономических интересов» необходимо решить следующие задачи:

1. выявить известные определения, содержащие отдельные признаки характеристик защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов;
2. декомпозировать определения на подмножества признаков характеристик;
3. объединить выделенные аспектные признаки в общих формулировках, освобождённых от локальных акцентов.

Формализованная интерпретация понятия «защита экономических интересов», являющаяся абстрактной системой совокупности характеристик может быть представлена аналогично выражению (1) следующим образом:

$$P = f(A, B, C, D, E, F) \qquad (2)$$

Данное выражение содержит полный набор характеристик, понятия системы защиты экономических интересов. При декомпозиции известных определений обозначим индексированными прописными буквами A_i, B_i, C_i, D_i, E_i, F_i подмножества отличительных признаков свойств характеристик A, B, C, D, E, F. Значение индекса i соответствует порядковому номеру рассматриваемого понятия.

В. Фомичёв замечает: «Различные страны занимают в мировой экономике в целом и на отдельных товарных рынках

различное положение. Для защиты своих интересов каждый участник международной торговли старается совершить определённые действия, то есть проводит определённую политику в данной сфере» [18, с. 146]. Данная трактовка касается объекта защиты национальных экономических интересов. Признаком A_1 составляющих анализируемого предмета является «каждый участник международной торговли». Интегративным качеством в данном случае являются «защита своих интересов» и «проведение определённой политики» – признак D_1. На функциональную направленность экономического интереса указывает стремление «совершить определённые действия» – признак E_1. Ограничения для сферы действия экономического интереса устанавливается признаком F_1 – «мировая экономика в целом и отдельные товарные рынки». Формализованное сочетание данных признаков можно представить в виде следующей системы:

$$P = f(A_1, D_1, E_1, F_1),$$

где: A_1 – хозяйствующие субъекты, проводящие определенную политику;

D_1 – проведение определённой политики для защиты своих интересов;

E_1 – хозяйствующий субъект старается совершить определённые действия;

F_1 – мировая экономика в целом и отдельные товарные рынки.

Таким образом, защита экономических интересов выступает как результат проведения определённой политики каждым хозяйствующим субъектом, стремящимся совершить некоторые действия, в мировой экономике в целом и на отдельных товарных рынках.

Е. Иншакова и А. Аргатюк отмечают, что «в процессе формирования единого экономического пространства <…> создаются реальные предпосылки для обеспечения экономической безопасности», при которой «обеспечивается гарантированная защита

национальных интересов» и «одной из главных функций экономической интеграции становится защитная». «Защитная функция интеграции формируется в ходе: взаимопереплетения производственно-хозяйственных связей; объединения научно-технических, финансовых, инвестиционных, природных и других ресурсов для решения актуальных экономических задач; проведения согласованной валютно-кредитной, налоговой, внешнеторговой политики; использования скоординированных мер защиты производителей» [19, с. 81].

Приведённое описание интерпретируем как понятие одного из аспектов экономических интересов, так как в нём содержится указание на защиту национальных интересов в сфере экономических отношений. Данное определение распространяется на подавляющее большинство стран, в связи с тем, что ссылки на интеграционные процессы не имеют ярко выраженного ограничительного характера. Поскольку интеграция представляет собой «процесс экономического взаимодействия стран, приводящий к сближению хозяйственных механизмов, принимающий форму межгосударственных соглашений и согласованно регулируемый межгосударственными органами» [20, с. 362], то все государства, не придерживающиеся политики инсуляции, взаимодействующие на международном рынке и участвующие в международном разделении труда, оказываются в той или иной степени вовлечёнными в интеграционные процессы.

«Научно-технические, финансовые, инвестиционные, природные и другие ресурсы», «меры защиты» и «производители» являются признаками A_2. Признак B_2 конкретизируется как «экономическая интеграция». «Взаимопереплетение производственно-хозяйственных связей», «объединение» ресурсов и «координация» мер защиты являются признаками C_2. Интегративным свойством системы D_2 выступает «обеспечение экономической безопасности», «гарантирование защиты национальных интересов», «решение актуальных экономических задач», «проведение

согласованной валютно-кредитной, налоговой, внешнеторговой политики». Функциональной направленности действий системы защиты характерно «формирование единого экономического пространства» – признак E_2. Формализовано полученные признаки связаны выражением:

$$P = f(A_2, B_2, C_2, D_2, E_2),$$

где: A_2 – различные виды ограниченных ресурсов; меры защиты; производители;

B_2 – экономическая интеграция;

C_2 – взаимопереплетение производственно-хозяйственных связей экономических агентов; объединение различных ресурсов; координация мер, направленных на защиту экономических интересов;

D_2 – защита интересов обеспечивает экономическую безопасность, позволяет решить актуальные экономические задачи и проводить согласованную экономическую политику;

E_2 – процесс формирования единого экономического пространства.

Таким образом, защита экономических интересов интерпретируется как результат использования скоординированных мер защиты экономических интересов производителей в процессе взаимопереплетения производственно-хозяйственных связей для объединения различных видов ресурсов, который обеспечивает экономическую безопасность, позволяет решить актуальные экономические задачи и проводить согласованную экономическую политику, что способствует развитию процесса формирования единого экономического пространства.

В. Сенчагов замечает, что «учитывая технологическую отсталость активной части основных производственных фондов, более высокую материалоёмкость производимой российской продукции, слабую законодательно-нормативную базу и политическую нестабильность, требуется проведение активной протекционистской политики, защищающей национальные

интересы отечественных товаропроизводителей как на внешних, так и на внутренних рынках. Протекционизм, как правило, прежде всего ориентирован на развитие промышленности и сельского хозяйства и осуществляется через систему взаимосвязанных мер внешней и внутренней политики» [21, с. 558–559]. Аналогично рассмотренным выше определениям, защита национальных интересов хозяйствующих субъектов (производителей) в сфере рыночных отношений (на внешних и внутренних рынках) сводится к защите национальных экономических интересов.

В качестве признака A_3 выступают «отечественные товаропроизводители». Интегративный признак D_3 сводится к «протекционистской политике, защищающей национальные интересы» и «системе взаимосвязанных мер внешней и внутренней политики». Функциональная направленность протекционистской политики заключается в «развитии промышленности и сельского хозяйства», что составляет признак E_3. Дополнительными условиями являются «технологическая отсталость активной части основных производственных фондов, более высокая материалоёмкость производимой <…> продукции, слабая законодательно-нормативная база и политическая нестабильность», «внешние» и «внутренние рынки» – признаки F_3. Объединение выделенных характеристик позволило получить следующее выражение:

$$P = f(A_3, D_3, E_3, F_3),$$

где: A_3 – хозяйствующие субъекты как производители продукции;

D_3 – система взаимосвязанных мер, направленных на проведение политики защиты интересов;

E_3 – целенаправленное действие протекционистской политики, направленной на развитие отдельных отраслей экономики;

F_3 – условия хозяйственной жизни, негативно влияющие на функционирование участников экономических отношений на рынках, что ограничивает случаи использования защиты.

В соответствии с результатами анализа работы В. Сенчагова защита экономических интересов представляется как система взаимосвязанных мер, направленных на проведение политики защиты интересов производителей продукции на рынках, что способствует развитию отдельных отраслей экономики, и вводимых при возникновении негативных условий хозяйствования экономических агентов.

Б. Райзберг, Л. Лозовский и Е. Стародубцева приводят следующее определение: «Защита держателей ценных бумаг – вводимые в условия выпуска ценных бумаг ограничения, запреты, обязательства эмитента, призванные защитить интересы покупателей, держателей ценных бумаг в случае потери или недобросовестных действий эмитента» [22, с. 115]. Экономические интересы в данном случае воплощены в ценных бумагах. В целом приведённое понятие относится к защите экономических интересов, так как в нём даётся прямое указание на защиту интересов определенной группы хозяйствующих субъектов (покупателей, держателей ценных бумаг).

«Ограничения, запреты, обязательства», «покупатель», «держатель ценных бумаг» представляют собой признаки A_4 элементов предмета защиты. Признак C_4 определяется тем, что системообразование «вводится в условия выпуска ценных бумаг». Интегративная характеристика сводится к «защите интересов» – признак D_4. Защита используется только «в случае потери или недобросовестных действий эмитента», что ограничивает действие исходных составляющих и выступает как признак F_4. Соединив выделенные признаки получим:

$$P = f(A_4, C_4, D_4, F_4),$$

где: A_4 – меры ограничительного характера;

C_4 – ввод мер;

D_4 – защита интересов хозяйствующих субъектов;

F_4 – неблагоприятный случай.

В этом случае содержание защиты экономических интересов интерпретируется как меры ограничительного характера, вводи-

мые для защиты интересов хозяйствующих субъектов в неблагоприятном случае.

К сфере защиты экономических интересов следует также отнести защиту капиталовложений, поскольку капитал является одним из видов ограниченных ресурсов, используемых хозяйствующими субъектами в производственной деятельности. Защита капиталовложений представляет собой «систему экономических, правовых и организационных мер по охране интересов иностранных инвесторов, оформляемых, как правило, на межгосударственном уровне; способствует привлечению иностранных инвестиций» [22, с. 115].

В качестве признака A_5 выступают «экономические, правовые и организационные меры» и «иностранные инвесторы». Признак B_5 составляет «система». Интегративная характеристика сводится к «охране интересов» – признак D_5. Целевое функционирование системы мер заключается в том, что они «способствуют привлечению иностранных инвестиций» – признак E_5. Ограничивает применение данных мер «оформление на межгосударственном уровне», что составляет признак F_5. В соответствии с полученными признаками имеем:

$$P = f(A_5, B_5, D_5, E_5, F_5),$$

где: A_5 – меры различного рода, направленные на защиту; хозяйствующие субъекты;

B_5 – система, объединяющая указанные меры;

D_5 – охрана интересов хозяйствующих субъектов;

E_5 – дополнительное привлечение ограниченных ресурсов;

F_5 – определённая сфера действия.

Таким образом, в рассмотренном аспекте содержание защиты экономических интересов предстаёт как комплекс мер, направленных на охрану интересов хозяйствующих субъектов, что позволяет получить дополнительный приток ограниченных ресурсов, при этом применение мер ограничивается определенной сферой действия.

Для композиции выявленных признаков представим их в табличной форме (см. таб. 1.2.1).

Для синтеза селективного понятия рассмотрим множество выделенных признаков и выявим их сущностные трактовки, представив искомое понятие P_e как абстрактную систему:

$$P_e = f(A, B, C, D, E, F),$$

где A, B, C, D, E, F детерминируются множествами выявленных признаков.

Характеристика A будет определена как глубинное содержание, проявляемое во множестве признаков A_1, A_2, A_3, A_4, A_5. Следовательно, $A = \{A_1, A_2, A_3, A_4, A_5\}$ = {(участник международной торговли); (научно-технические, финансовые, инвестиционные, природные и другие ресурсы; меры защиты; производители); (отечественные товаропроизводители); (ограничения, запреты, обязательства; покупатель, держатель ценных бумаг); (экономические, правовые и организационные меры; иностранные инвесторы)}. В множестве отдельных проявлений характеристики A выявлено три подмножества, в соответствии с которыми итоговая характеристика A подразделяется на $A(1)$ – экономические, правовые и организационные меры ограничительного и запретительного характера, $A(2)$ – хозяйствующие субъекты и $A(3)$ – различные виды ресурсов.

Таблица 1.2.1.

Признаки характеристик защиты экономических интересов

i	A_i	B_i	C_i	D_i	E_i	F_i
1	*Участник международной торговли*	–	–	*Защита интересов; проведение определённой политики*	*Стремление совершить определённые действия*	*Мировая экономика в целом и отдельные товарные рынки*

2	*Ресурсы; защитные меры; производители*	*Экономическая интеграция*	*Взаимопреплетение произ-водственно-хозяйственных связей; объединение ресурсов; координация мер защиты*	*Защита интересов; обеспечение экономической безопасности; проведение согласованной политики*	*Формирование единого экономического пространства*	–
3	*Производители*	–	–	*Протекционистская политика, направленная на защиту интересов; система взаимосвязанных мер*	*Развитие промышленности и сельского хозяйства*	*Неблагоприятные условия хозяйствования; рынки*
4	*Ограничения, запреты, обязательства; покупатель, держатель ценных бумаг*	–	*Вводимые*	*Защитить интересы*	–	*В случае потери или недобросовестных действий*
5	*Экономические, правовые и организационные меры; иностранные инвесторы*	*Система*	–	*Охрана интересов*	*Привлечение иностранных инвестиций*	*Оформление на межгосударственном уровне*

Характеристика *B* будет определена аналогично на множестве признаков B_2, B_5. Следовательно, $B = \{B_2, B_5\}$ = {(экономическая интеграция); (система)}. Для обеспечения целостности элементарных составляющих *A*(1) их объединение должно представляться как система – характеристика *B*.

Характеристика *C* определена как глубинное содержание системообразующих свойств, проявляющихся на множестве признаков C_2, C_4. Следовательно, $C = \{C_2, C_4\}$ = {(взаимопереплетение производственно-хозяйственных связей; объединение ресурсов; скоординированные меры защиты); (вводимые в условия выпуска ценных бумаг)}. В множестве отдельных проявлений характеристики *C* выявлено два подмножества, в соответствии с которыми итоговая характеристика *C* подразделяется на *C*(1) – связи между хозяйствующими субъектами, согласованно вводящими защитные меры, и *C*(2) – отношения между экономическими агентами по поводу использования ограниченных ресурсов в процессе хозяйственной деятельности.

Характеристика *D* будет определена на множестве признаков D_1, D_2, D_3, D_4, D_5. Следовательно, $D = \{D_1, D_2, D_3, D_4, D_5\}$ = {(защита своих интересов; проводит определённую политику в данной сфере); (обеспечение экономической безопасности; гарантированная защита национальных интересов; решение актуальных экономических задач; проведение согласованной валютно-кредитной, налоговой, внешнеторговой политики); (протекционистская политика, защищающая национальные интересы; система взаимосвязанных мер внешней и внутренней политики); (защита интересов); (охрана интересов)}. В качестве глубинного содержания интегративного свойства защиты экономических отношений выступает политика защиты экономических интересов – характеристика *D*.

Характеристика *E* будет определена на множестве признаков E_1, E_2, E_3, E_5. Следовательно, $E = \{E_1, E_2, E_3, E_5\}$ = {(старается совершить определённые действия); (формирование единого экономического пространства); (развитие промышленности и

сельского хозяйства); (способствуют привлечению иностранных инвестиций)}. Функциональной направленностью защиты экономических интересов является реализация экономических интересов хозяйствующих субъектов, что позволяет им эффективно функционировать – характеристика *E*.

Характеристика *F* будет определена на множестве признаков F_1, F_3, F_4, F_5. Следовательно, $F = \{F_1, F_3, F_4, F_5\}$ = {(мировая экономика в целом и отдельные товарные рынки); (технологическая отсталость активной части основных производственных фондов, более высокая материалоёмкость производимой <…> продукции, слабая законодательно-нормативная база и политическая нестабильность; внешние и внутренние рынки); (случай потери или недобросовестных действий эмитента); (межгосударственный уровень)}. Защитные меры вводятся только при условии нанесения ущерба или существования угрозы его нанесения (при неблагоприятных условиях, требующих введения защитных мер) на отдельных рынках – характеристика *F*.

Композировав полученные характеристики *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, с учётом ранее приведённого понятия экономического интереса, получим следующее определение:

Защита экономических интересов представляет собой отношения хозяйствующих субъектов по поводу согласованного введения и реализации экономических, правовых и организационных мер ограничительного и запретительного характера, что способствуют удовлетворению возрастающих потребностей субъектов посредством рационализации использования ограниченных ресурсов в процессе хозяйственной деятельности и эффективному функционированию экономических субъектов даже в условиях причинения ущерба или существования угрозы его нанесения.

Синтезированное понятие отражает основные свойства содержания и форм предмета защиты экономических интересов, выявленные в результате системного анализа известных аспектов предмета. Полученное системное комплексное представление о

предмете позволяет перейти к исследованию основных свойств концепции, выступающей как способ понимания явления защиты экономических интересов в его существовании, функционировании и развитии.

Заключение

В результате исследования был получен комплекс взаимосвязанных результатов, касающихся концепций систем и процессов реализации экономических интересов хозяйствующих субъектов.

Системное понятие экономического интереса, учитывающее полный комплекс выявленных характеристик интерпретирует его как форму проявления экономической потребности, которая выступает в качестве мотива, побуждающего и объективно направляющего целесообразную, сознательную хозяйственную деятельность экономических субъектов, включающую производство, распределение, обмен и потребление материальных благ, на удовлетворение бесконечно возрастающих потребностей при ограниченных ресурсах.

Посредством композиции характеристик, выявленных в результате системного анализа известных аспектов предмета защиты с учетом понятия экономического интереса было получено понятие защиты экономических интересов, отражающее основные свойства содержания и форм предмета. Защита экономических интересов представляет собой отношения хозяйствующих субъектов по поводу согласованного введения и реализации экономических, правовых и организационных мер ограничительного и запретительного характера, позволяющие обеспечить проведение политики, способствующей как удовлетворению потребностей субъектов посредством рационализации использования ограниченных ресурсов в процессе хозяйственной деятельности, так и эффективному функционированию экономических субъектов даже в условиях причинения ущерба или существования угрозы его нанесения.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1958. 771 с.
2. Экономическая теория (политэкономия) / Под общей ред. заслуженных деятелей науки Российской Федерации, профессоров В. Видяпина, Г. Журавлёвой. М.: Изд-во Рос. Экон. Акад., 2000. 592 с.
3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Сост. В. Виноградов, Г. Винокур, Б. Ларин и др.; Под ред. Д. Ушакова. Т. 1 М.: Русские словари, 1994. 844 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. 1989. 779 с.
5. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Философский энциклопедический словарь / Ред кол.: С. Аверинцев, Э. Араб-Оглы, Л. Ильичёв и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
7. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Фонд экономической инициативы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р. и др. / М.: «Таурус Альфа», 1997. 560 с.
8. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1984. 1600 с.
9. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1978. 278 с.
10. Дьяченко А. Теория систем и нескорые экономические проблемы. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1996. 120 с.
11. Любимова Т. Экономические интересы и механизм их реализации: Автореферат диссертации на соиск. учёной степени доктора эконом. наук / СПб университет. СПб.: Изд-во СпбГУ, 1993. 34 с.
12. Интересы и стимулирование в современной российской экономике: Сб. науч. работ / Отв. ред. Б. Гершкович. Пятигорск, 1996. Деп. в ИНИОН РАН 30.06.96. № 51913.
13. Егиазарян Г. Материальная заинтересованность в период строительства коммунизма. М.: Знание, 1961. 45 с.
14. Кронрод Я. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М., 1996.

15. Иванов И. Организационно-правовой механизм обеспечения государственных интересов Российской Федерации: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 189 с.
16. Большая Советская Энциклопедия. Гл. ред. А. Прохоров. Изд. 3-е. М.: «Советская энциклопедия». Т. 10, 1972. 592 с.
17. Философский энциклопедический словарь / Ред кол.: С. Аверинцев, Э. Араб-Оглы, Л. Ильичёв и др. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
18. Фомичёв В. Международная торговля. М.: ИНФРА-М, 2000. 446 с.
19. Иншакова Е., Аргатюк А. Экономическая интеграция как фактор обеспечения инвестиционной безопасности СНГ // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. Выпуск 5. 2000. С. 81–84.
20. Киреев А. Международная экономика. В 2-х ч. Ч. 1. Международная микроэкономика: движение товаров и факторов производства. М.: Международный отношения, 1997. 416 с.
21. Экономическая безопасность. Производство – Финансы – Банки / Под ред. В. Сенчагова. М.: Финстат информ, 1998. 622 с.
22. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 496 с.
23. Антоненко В.В., Караулова Н.М. Детерминация защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов: монография; Волгогр. Фил. ГОУ ВПО «МГУС». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 144 с.
24. Антоненко В.В., Караулова Н.М. Детерминация конкурентоспособного человеческого капитала: монография; Волгогр. Фил. ГОУ ВПО «МГУС». Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 132 с.
25. Дьяченко А.В., Антоненко В.В., Ежова О.Е., Караулова Н.М., Любецкий М.С., Мордовин А.В., Морошкина О.В., Симаева Н.П. Детерминация эффективной экономики / Под ред. А.В. Дьяченко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 290 с.
26. Мордовин А.В., Караулова Н.М., Орлова Н.В., Сизенева Л.А.Экономические интересы и безопасность. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. 129 с.
27. Karaulova, N.M., L.A. Sizeneva and E.P. Likhovidova, 2013. Tax Reforms Mechanism Essence. World Applied Sciences Journal, 27(Education, Law, Eco-

nomics, Language and Communication). Date Views 05.02.2014 www.idosi.org/wasj/wasj27%28elelc%2913/74.pdf

28. Karaulova N.M., L.A. Sizeneva, N.V. Orlova, M.S. Lubetskiy and A.V. Chernykh, 2013. System Analysis and Synthesis of the Concept "Economic Interests' Protection". World Applied Sciences Journal, 27(Education, Law, Economics, Language and Communication). Date Views 05.02.2014 www.idosi.org/wasj/wasj27%28elelc%2913/68a.pdf

Глава V

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ

Марданшина Р.М.

Устойчивый интерес к проблематике непрерывного образования на протяжении всей его истории на транснациональном уровне и на уровне отдельно взятой страны обусловлен не только динамизмом современной цивилизации. Сегодня образование становится одним из решающих факторов социального благополучия, поскольку гибкая система непрерывного образования и особенно хорошо организованная подсистема образования взрослых в состоянии амортизировать такие проблемы современности как постепенное старение населения, безработица, маргинализация. Признавая значимость этих вопросов и необходимость дальнейшей мобилизации сил международного сообщества по их решению ЮНЕСКО, ОЭСР, Всемирный Банк и др. определяют непрерывное образование как ключевое понятие и считают его основной целью в образовании каждого [1, с. 3].

1. Понятийное содержание непрерывного образования

Для понимания современных тенденций развития непрерывного образования за рубежом и разработки целостной концепции, которая послужила бы основой для прогностической ра-

боты по исследуемой проблеме [2], необходимо, прежде всего, уяснить суть его связи с *формальным, неформальным и информальным образованием*, поскольку многие зарубежные учёные рассматривают проблемы непрерывного образования в контексте названных элементов (Ж. Аллак, А.-К. Бострём, С. Кавануоб, К. Окамото, А. Тьюжнман и др.). Более того, концептуальные схемы непрерывного образования ЮНЕСКО и Всемирного Банка также строятся с учётом формального, неформального и информального окружения.

До последнего времени во главу угла ставилось формальное образование. Оно строго регламентировано и в соответствии с исследованиями английского учёного А. Кропли предполагает, во-первых, организацию обучения в учебных заведениях; во-вторых, работу специально подготовленного персонала; в-третьих, получение общепризнанного документа об образовании; в-четвертых, систематическое овладение систематизированными знаниями, умениями и навыками; в-пятых, целенаправленную деятельность обучающихся [3, с. 25].

Концепция непрерывного образования (КНО) требует переосмысления отношения к неформальному и информальному образованию, которое должно стать неотъемлемой частью общего образовательного континуума в любой стране. Расширение сферы образования, начатое во второй половине XX века, происходило и происходит сегодня, прежде всего, за счёт бурного развития неформального сектора образования. В рамках этого вида, как правило, не требуются предварительные условия для начала обучения (уровень предшествующей подготовки, возрастные границы и т.п.), не предъявляется жёстких требований к месту, времени, срокам, формам и методам обучения. Всё это позволяет включаться в него значительно большему числу людей, нежели в формальное образование.

Информальное образование – это неорганизованное обучение, не имеющее ни одного из вышеназванных параметров

А. Кропли, т.е. это любое приобретение информации, от друзей и знакомых, при посещении театра, кино, концерта, церкви, когда мы узнаём что-то новое, пусть даже это новое не всегда соответствует действительности, приблизительно или поверхностно. Эти знания не систематизированы, случайны, не всегда научно обоснованы, а выработка определённых навыков и умений, формирование привычек, качеств и ценностей осуществляется порой неосознанно.

Для развития системы непрерывного образования учёные предлагают синтезировать элементы разных секторов образования и установить стойкие связи между ними, поскольку именно неформальные ситуации предоставляют огромные (и, к сожалению, до сих пор неоцененные) возможности для обучения взрослых. Выделение трёх секторов образования позволяет выстроить горизонтальную ось непрерывного образования, перенести акцент с временной оси на пространственную, поскольку непрерывное образование подразумевает все типы и формы обучения на всех этапах жизни человека и предполагает взаимодополняемость формального, неформального и информального образования. Вертикальная интеграция может выстраиваться в плоскости содержания образования.

Таким образом, в широких концептуальных рамках «системы образования на протяжении всей жизни» – системы, которая должна в конечном итоге предоставить каждому индивидууму гибкие и разнообразные возможности выбора необходимого для него обучения на протяжении всей жизни, - формальное, неформальное и информальное образование, несомненно, являются взаимодополняющими и взаимно усиливающими элементами.

С середины 1990-х гг. в зарубежной науке наметилась тенденция переноса акцента с непрерывного *образования* на непрерывное *учение* (с “lifelong *education*” на “lifelong *learning*”). Так, американские ученые С. Мириам и Р. Брокет полагают, что *учение* может происходить как случайно, эпизодически, так и в процессе

целенаправленной образовательной деятельности, в то время как, только целенаправленную деятельность можно назвать *образованием* [4]. Эти два понятия можно соотнести как общее и частное.

Если говорить о попытках дать определение непрерывному учению, то пока, как признаёт английский учёный П. Саттон, оно не поддаётся точному определению, поскольку «означает некую философию, некий идеал, базирующийся на гуманистических принципах» [5, с. 103]. Учитывая многоплановость данного понятия, нам кажется, вполне допустимым наличие разных подходов к определению, о чём, собственно, и свидетельствует вся история развития непрерывного образования/учения. Как утверждает В.Н. Скворцов, только в зарубежной литературе в настоящее время имеется от двадцати до тридцати определений непрерывного образования [6, с. 24].

В рамках исследования современных тенденций развития непрерывного образования есть смысл сравнить концептуальные характеристики непрерывного образования ЮНЕСКО и определение непрерывного учения Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР).

Группой международных экспертов Института образования ЮНЕСКО были разработаны и одобрены следующие концептуальные характеристики непрерывного образования:

– образование – это непрерывный процесс;
– непрерывное образование не сводится к образованию взрослых, оно включает и объединяет все стадии образования;
– непрерывное образование охватывает формальное, неформальное и информальное образование;
– оно предполагает вертикальную состыковку разных ступеней образования и горизонтальную интеграцию;
– универсальный характер образования предполагает его демократизацию;
– для него характерны гибкость, диверсификация содержания, методов, способов и времени учения;

– непрерывное образование несёт в себе функцию коррекции недостатков существующей системы образования;
– конечная цель непрерывного образования – способствовать повышению качества жизни человека и общества;
– три необходимых условия/предпосылки непрерывного образования – наличие возможностей, мотивации и способностей;
– непрерывное образование – организационный принцип всего образования и т.д. [5, с. 96].

В определении ОЭСР провозглашается:

– главенство учащегося и его образовательных потребностей, ориентация на спрос, а не на простое предложение;
– акцент на самоуправляемом учении (self-directed learning), когда человек сам управляет процессом учения, выбирает и комбинирует различные образовательные возможности;
– признание того, что образование может быть формальным и информальным;
– нацеленность на долгую перспективу, т.е. на всю жизнь человека [5, с. 102].

Сравнительный анализ приведённых определений позволяет утверждать, что концептуальные характеристики ЮНЕСКО носят практически всеобъемлющий характер и отчасти присутствуют в определении непрерывного учения ОЭСР, однако, последнее имеет некоторые специфические черты, которые модифицируют идею непрерывного образования и придают ей операционную значимость. Более того, в определении ОЭСР акцентируется субъектность непрерывного учения, его гуманистическая направленность. Если учесть тот факт, что в системе непрерывного учения главенствует человек с его образовательными потребностями, то, естественно, возрастает мера ответственности самого человека, и реализация непрерывного учения в большей степени зависит от его способностей и мотивации.

Далее, для более полной характеристики современного этапа развития КНО, считаем необходимым выяснить, как соотносится

идея непрерывного образования, выдвинутая ЮНЕСКО, с идеей возобновляемого образования (в английском варианте последний термин звучит как «recurrent education», и некоторые учёные транскрибируют это понятие, называя его «рекуррентным образованием»), которую пропагандирует Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР). Мы установили, что наблюдается отождествление этих понятий. Так, Д. Ачорена утверждает, что при описании образования как непрерывного процесса наряду с прочими используется термин «возобновляемое образование» [7]. В.С. Митина, говоря о зарубежном опыте, идеи непрерывного образования обозначает термином «рекуррентное образование» [8]. Б.С. Гершунский в сравнительно-педагогических исследованиях лишь ссылается на концепции “пожизненного образования” ЮНЕСКО и “возобновляемого образования” ОЭСР [9]. Исследователь Е.Е. Журавлева рассматривает проблемы непрерывного образования через призму дополнительного профессионального образования в области экономики, менеджмента и бизнеса в России и за рубежом [10].

Мы полагаем, есть смысл разграничивать эти понятия, поскольку установили, что непрерывное образование включает все стадии, формы и виды просвещения на протяжении всей жизни, в то время как возобновляемое образование, в соответствии с принятым ОЭСР определением, есть образовательная стратегия пост-обязательного или пост-базового образования, состоящая в основном в чередовании учебной деятельности с трудовой. Если концепция непрерывного образования привлекает своей целостностью и гуманистической направленностью, то идея возобновляемого образования даёт простор для её практической реализации. А. Тьюжнман, научный сотрудник Института международного образования при Стокгольском университете и автор статей и публикаций по экономике образования, подчёркивает, что возобновляемое образование с самого начала рассматривалось как стратегия планирования непрерывного образования [5, с. 19–20].

В моделях непрерывного образования, как правило, делается акцент на возможности продолжения образования в зрелом возрасте как одном из основных прав человека и предусматривается ряд финансовых, организационных, административных, дидактических и правовых компонентов для обеспечения и поощрения систематической учёбы на протяжении всей жизни. В концепции же возобновляемого образования больше внимания уделяется соответствию целей и функций образования потребностям труда, оно более ограничено по своим масштабам и более утилитарно. Возобновляемое образование, по существу, базируется на том, что образовательные возможности должны “распределяться” по всем этапам трудовой жизни человека, чередуясь главным образом с практической деятельностью. Оно изначально служило альтернативой удлинению срока формального обучения и рассматривалось как средство сдерживания “количественного пресса” в высшем образовании, вовлечения большего числа учащихся в программы профессионального обучения и обеспечения рынка рабочей силы квалифицированными кадрами, необходимыми для устойчивого экономического роста.

Говоря о практической стороне дела, необходимо отметить, что обе идеи разрабатывались в период экономического спада, последовавшего за нефтяным кризисом 1970-х гг. Поэтому в 80-х гг. акцент был сделан на решении конкретных проблем, диктуемых ситуацией, а именно на обновлении среднего профессионального образования и формального образования взрослых с целью гармонизации рынка рабочей силы и системы образования. Таким образом, можно утверждать, что на обозначенный период времени реформирование образования, особенно в странах ОЭСР, происходило в соответствии с идеей возобновляемого образования, которое трактуется сугубо функционально, т.е. в контексте осознанной необходимости решения конкретных проблем. Особое значение приобретали проблемы, связанные с ростом социального спроса на образование и сопутствующей

угрозой лавинообразного увеличения численности студентов. Вышесказанное позволяет позиционировать возобновляемое образование как частную стратегию непрерывного образования.

2. Роль Всемирного Банка и др. финансовых учредителей в развитии непрерывного образования

На протяжении всей истории развития непрерывного образования за рубежом ведущую роль играют такие международные организации как ЮНЕСКО, ОЭСР, Римский клуб и др. Каждая из них имеет своё приоритетное направление деятельности в области образования взрослых.

Сегодня также активизировали свою работу в этой области такие крупные финансовые учредители, как Всемирный Банк (ВБ), глобальные корпорации Microsoft, Intel и др.

Всемирный Банк является одним из самых крупных провайдеров внешнего финансирования образования в развивающихся странах. Стратегическая миссия ВБ состоит в содействии процессам развития системы образования, отвечающей требованиям социально-экономического развития той или иной страны, и интеграции образования в национальную экономическую политику.

На современном этапе усилия ВБ направлены на достижение, так называемых «целей миллениума» (Millennium Development Goals, MDGs). Исходя из текущих задач и стратегических целей, приоритетными проектами ВБ являются программы: *Образование для всех (Education for All, EFA)* – программа развития качественного начального образования для каждого члена общества в период до 2015 г.; *Образование в условиях экономики знаний (Education for the Knowledge Economy, EKE),* где акцентируется пост-базовое образование и непрерывное учение.

Объём ежегодного финансирования образования в развивающихся странах Всемирным Банком составляет примерно 2 млрд долларов США. В 2009 финансовом году общий объем кредитования достиг рекордно высокого уровня – 3,4 млрд долларов

(распределение финансовых ресурсов в 2009 г. представлено в таблице 1).

Таблица 1.

Финансирование Всемирным Банком программ в области образования в 2009 финансовом году (млн долларов США)

Секторы образования		
Образование взрослых/неформальное образование	0.4	0.1%
Общее образование	1,036	37.6%
Дошкольное образование	185	1.2%
Начальное образование	998	28.0%
Среднее образование	944	24.8%
Высшее образование	208	7.5%
Профессиональное обучение	74	0.9%
Итого	3,445	100%

В период с 2004 по 2009 гг. финансирование образования по регионам распределялось следующим образом: Африка (25%), страны Латинской Америки и Карибского региона (21%), Южно-Азиатский регион (21%), Европа и Центральная Азия (13%), Восточная Азия и Тихоокеанский регион (11%), Средний Восток и Северная Африка (9%) .

Что касается деятельности ВБ в Российской Федерации, со времени вступления России во Всемирный Банк в 1992 г. объём кредитования достиг 14,15 миллиардов долл. США по 70 проектам. На сегодняшний день Всемирный банк финансирует 14 проектов на общую сумму 1,51 миллиардов долл. США. Одним из активных проектов на 2011 г. является проект «Финансовое образование и финансовая грамотность», целевой аудиторией которого являются студенты и взрослое население страны [11].

В комплексе мероприятий ВБ, направленных на реконструкцию и развитие стран-членов, помимо эффективного инвестирования капитала, большое место занимает аналитическая и консультативная работа, включающая среди прочего и разработку проблем непрерывного образования. Результатом этой работы

стали специальные доклады Всемирного Банка «Продолжающееся образование взрослых: неотъемлемая часть непрерывного учения – политика и программы в XX1 веке» (2000 г.), «Непрерывное учение в глобальной экономике знаний: проблемы развивающихся стран» (2003 г.), «Вопросы финансирования непрерывного учения» (2003 г.) [12].

В этих документах указывается, что непрерывное учение – есть учение на протяжении всего жизненного цикла человека в формальном, неформальном и информальном окружении.

На основе анализа докладов ВБ можно дать характеристику традиционному и непрерывному обучению (таблица 2).

Таблица 2.

Характеристика традиционного и непрерывного учения (по материалам Всемирного Банка)

Традиционное образование	*Непрерывное учение*
- учитель – источник информации - учащиеся получают знания от учителя - учащиеся работают индивидуально - тесты фиксируют освоение определённых умений и дают возможность доступа к дальнейшему образованию - все учащиеся выполняют одинаковые задания - учителя получают первоначальное обучение и специальное обучение по месту работы - выделяются хорошие ученики и им позволено продолжать образование	- учитель – проводник к источникам знаний - учение осуществляется в процессе деятельности - учение происходит в группе, друг у друга - система оценки используется с тем, чтобы управлять стратегией учения и идентифицировать траектории дальнейшего учения - учителя разрабатывают индивидуальные планы учения - учителя учатся на протяжении всей жизни; первоначальное обучение и постоянное профессиональное развитие взаимосвязаны - все имеют доступ к учению на протяжении всей жизни

Всемирный Банк предлагает четыре возможных направления реформирования систем образования в развивающихся странах и

странах с переходной экономикой: *новые умения и компетенции; новые траектории учения; система управления образованием; вопросы финансирования.*

Новые умения и компетенции. Глобальная экономика и глобальное общество требуют совершенствования технических, межличностных и методологических умений. Технические умения включают грамотность, знание иностранного языка, математики, естествознания, умение решать проблемы и аналитические умения. В условиях интернационализации образования особую значимость приобретает проблема научно-педагогических оснований проектирования и реализации содержания обучения иностранному языку в системе непрерывного образования [13]. К межличностным относятся умение работать в команде, лидерство и коммуникабельность. Методологические умения включают способность учиться самостоятельно, стремление к непрерывному учению, умение управлять рисками и переменами.

Новые траектории учения в соответствии с концептуальной схемой ВБ связывают с развитием частного сектора образования, корпоративного обучения, с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и внедрением новых форм обучения в формальном секторе образования.

Традиционно, большая часть образовательных услуг обеспечивалась государственным сектором. Сегодня ситуация кардинально меняется в пользу частного сектора образования. На рынке образовательных услуг появились новые провайдеры – преподаватели частного сектора, виртуальные университеты, международные провайдеры, корпоративные университеты, учебные издательства, контент брокеры, медиа компании.

Во многих развивающихся странах и странах с переходной экономикой частный рынок образования развивается достаточно динамично. По данным ВБ в Бразилии, например, более 70 % студентов обучается в частных колледжах и университетах [14].

Помимо роста частного сектора образования наблюдается тенденция значительного увеличения затрат компаний на обучение сотрудников. Корпорации увеличивают расходы на обучения, чтобы быть конкурентоспособными в условиях глобальной экономики. В 2002 г. корпоративные расходы на обучение во всём мире выросли до 28 миллиардов долларов, в 1997 г. этот показатель составлял 18 миллиардов долларов [14].

ИКТ позволяют создавать виртуальные учебные условия деятельности. Они значительно увеличивают информационные ресурсы для студентов, изменяя тем самым, отношения преподаватель – студент, в результате чего процесс учения трансформируется в процесс сотрудничества. Однако простое введение компьютерного обучения не даст желаемых результатов, если не будет разработана специальная методика использования ИКТ в образовательных целях. Нужны также значительные инвестиции в организацию обучения учителей и менеджеров, квалифицированные техники и соответствующий штат обслуживания, средства на содержание оборудования, доступ в Интернет и непрерывное повышение квалификации.

Внедрение новых форм обучения в системе формального образования позволяет гибко реагировать на требования глобальной экономики знаний. Растёт число вузов, предлагающих заочную, вечернюю, воскресную формы обучения и летние курсы. Например, в Финляндии количество взрослых, обучающихся по программам продолжающегося образования на уровне высшего, превышает количество молодых, занимающихся по традиционной схеме.

Следующий вектор реформирования систем образования связан с вопросами *управления*, где особо оговаривается деятельность частного сектора, координация различных министерств, создание эффективной системы мониторинга и аккредитации образовательных учреждений.

Во многих развитых странах приоритетность государственного финансирования уступает место гибкой образовательной

политике и разработке соответствующих правовых механизмов, позволяющих расширить круг институциональных субъектов. К правовым механизмам относятся: законодательная база, приказы/указы, мероприятия по координации различных министерств и учреждений, сертификация достижений учащихся, мониторинг учебных заведений и вопросы стимулирования образовательной деятельности.

Вопросы управления в контексте развития непрерывного учения также предполагают координацию действий различных министерств, заключение соглашений и постоянное сотрудничество центральных, региональных и местных органов власти. В некоторых странах (Германия, Корея) имеет место слияние департаментов, в ведении которых находятся вопросы образования и обучения. В большинстве развивающихся стран многие министерства разобщены в вопросах управления и финансирования обучения, а борьба за скудные ресурсы препятствует процессу сотрудничества, повышению качества обучения и его развитию.

Эффективная система мониторинга результатов учения предполагает:

– признание результатов учебной деятельности в формальном и неформальном окружении;
– предоставление информации о предложениях и деятельности провайдеров образования;
– возможность выбора разных траекторий и форм обучения.

В Намибии, Новой Зеландии, Южной Африке, Великобритании действуют национальные системы квалификации, в условиях которых квалификации различных учебных заведений соответствуют определённому уровню образования и привязаны к соответствующему стандарту той или иной компетенции. В Европе в рамках Болонского процесса вступает в действие соглашение о механизмах системы оценки и эквивалентности образования.

Четвёртое направление реформирования систем образования в контексте развития непрерывного учения связано с во-

просами *финансирования*. Финансирование непрерывного учения может осуществляться за счёт государственного и частного сектора. Базовое образование находится в ведении государства, большая часть высшего образования и продолжающегося образования финансируется частным сектором. Государство также ведает вопросами социального финансирования высшего и продолжающегося образования.

Обобщая сказанное можно утверждать, что в соответствии с концептуальными подходами Всемирного Банка процесс реформирования образования в контексте непрерывности основывается на принципе частно-государственного партнёрства - новые траектории учения в первую очередь связаны с развитием частного сектора образования, вопросы управления и финансирования решаются государством в союзе с частным сектором.

Сделанный вывод позволяет утверждать, что на современном этапе развития концепции непрерывного образования одним из ведущих становится *принцип партнёрства*.

Другой крупный финансовый учредитель, глобальная корпорация Microsoft, являясь мировым лидером в производстве программного обеспечения, тесно сотрудничает с образовательным сообществом. Это сотрудничество включает обширную грантовую деятельность и реализацию крупных социальных проектов в партнёрстве с правительствами, государственными и негосударственными организациями, учащимися и учителями в целях обеспечения условий для использования колоссальных возможностей, заложенных в современных информационных технологиях. По такой же схеме действует другая высокотехнологичная корпорация Intel [15; 16].

Результатом развития новых форм международного сотрудничества стал такой инструмент непрерывного учения как Концепция открытых образовательных ресурсов (Open Educational Resources, OER).

Концепция OER возникла в 2001 г., когда Массачусетский технологический институт (США) выступил с инициативой созда-

ния специального программного обеспечения OpenCourse Ware, позволяющего свободно использовать разработанные материалы через Интернет любыми лицами на некоммерческой основе. Сейчас консорциум насчитывает более 50 членов и предоставляет бесплатный доступ к большому количеству (более полутора тысяч) высококачественных курсов по различным предметам и дисциплинам, не требуя для этого даже регистрации. Эту инициативу поддержали влиятельные учебные заведения и организации Европы: Открытый университет Великобритании (он стоял у истоков распространения непрерывного образования за рубежом), Открытый университет Нидерландов и Европейская ассоциация университетов дистанционного обучения.

Университеты, лидирующие в области электронного образования, готовы инвестировать свои средства в такую малопривлекательную для капиталовложений сферу, поскольку нацелены на расширение доступа, повышение качества открытого высшего образования и реализацию программ непрерывного обучения. Стремительное обесценивание навыков и знаний специалистов, общее понижение уровня образования и уменьшение числа поступающих в связи с демографической ситуацией в европейском регионе усиливает комплексный кризис традиционных университетов, избегающих перехода к новым рынкам и подходам в образовании, полагают Н.В. Комлева, С.И. Макаров, В.А. Перевалов [17, с. 31].

Выходом из сложившейся ситуации, как считают идеологи концепции OER, может стать создание особого образовательного пространства, внутри которого системно интегрируются различные объекты обучения и целевые группы, а также сотрудничество вузов в разработке новейших инструментов непрерывного учения – Открытых образовательных ресурсов (ООР). Это особый образовательный контент, удовлетворяющий всем требованиям независимого и самостоятельного обучения, инвариантный по отношению к категориям обучаемых, представленный в глобальной электронной среде и содержащий все необходимые средства

для эффективного учебного процесса, основанного на диалоге и сотрудничестве. Новые сетевые информационно-коммуникационные возможности позволяют обеспечить оперативный доступ к лучшим образовательным ресурсам для фактически неограниченного числа слушателей, независимо от времени и места расположения и создают условия для значительного снижения образовательных издержек по сравнению с очной формой обучения при традиционном проведении занятий [18].

Таким образом, устойчивый интерес к проблемам непрерывного образования/учения со стороны международных организаций ЮНЕСКО, ОЭСР и др., подключение крупных финансовых учредителей в лице Всемирного Банка, глобальных корпораций Microsoft, Intel и развитие новых форм международного сотрудничества свидетельствуют о перспективности развития образования в контексте непрерывности.

3. Кумулятивный характер непрерывного образования

Следующая тенденция развития непрерывного образования за рубежом связана *с дальнейшим обоснованием роли начальной и средней школы*. Особого внимания в этом смысле заслуживает точка зрения французского учёного П. Беланже, поскольку именно его исследования по основным позициям перекликаются с позицией ВБ относительно качественного начального образования в рамках программы *EFA (Образование для всех)*.

П. Беланже во всей теории непрерывного учения особо выделяет первоначальное образование и рассматривает его как «точку отсчёта» при переходе к «обучающемуся обществу».

Под непрерывным учением П. Беланже понимает всю сумму, всё многообразие различных видов учебной деятельности и делит их на: первоначальное образование (initial education), образование взрослых и «рассеянное учебное окружение» (the diffuse learning environment). Главным в непрерывном учении, по его

мнению, является осознание того, что образовательное развитие должно носить *непрерывный, кумулятивный характер*: чем продолжительнее и лучше первоначальное образование, тем больше вероятность повышения образовательного уровня по мере взросления. Об этом свидетельствуют исследования в разных странах. Например, в Аргентине на начало 90-х гг. 1/3 взрослого населения имела частичное начальное образование, из этого числа только 3,6% взрослых продолжили своё образование. В то время, как для населения с высшим образованием эти цифры соответственно составили – 3,2% и 43% [19, с. 355–356].

Таким образом, мы видим, что кумулятивный характер непрерывного учения в большей степени зависит от первоначального образования. Именно поэтому первоначальное образование, по твёрдому убеждению учёного, должно стать отправной точкой при переходе к обучающемуся обществу. В отечественной литературе по проблемам непрерывного образования также была выявлена такая закономерность (чем выше у человека наличный уровень образования, тем больше он стремится к его повышению) (О.С. Аббасова). Однако, как утверждают Л.П. Алексеева, Ю.В. Укке, данные социологических исследований не всегда подтверждают это. Установка на повышение уровня образования, квалификации зависит не только от полученного специалистом образования, его общего культурного уровня, но главным образом от условий его жизни [20, с. 25].

Современная ситуация такова, что в большинстве развитых стран введено пролонгированное формальное первоначальное образование. Так, в странах-членах ОЭСР его продолжительность составляет 14 лет, в Канаде и США 16 лет, и функциональная неграмотность характерна для незначительного количества молодых людей. Растёт число развивающихся стран с формальным первоначальным образованием 10 и более лет (Иордания, Танзания, Куба, Ямайка, Корея, Филиппины, Бразилия, Чили, Панама, Венесуэла). Уровень грамотности населения в развивающихся странах в начале 90-х гг. составлял 65% (47% в странах суб-экваториальной Африки

и 85 % в Латинской Америке), и этот показатель имеет тенденцию к росту. В сфере неформального первоначального образования значительных результатов достигли Индонезия и Таиланд, и имеется некоторый инновационный, хотя и ограниченный опыт в Африке, Азии и Латинской Америке [19, с. 355].

Таким образом, в комплексе различных видов образовательной практики выделяется первоначальное образование, его кумулятивный характер, однако не менее важным в трансформации систем образования в контексте непрерывности является состояние дел в образовании взрослых и в информальном секторе образования.

Характеризуя современный этап развития непрерывного образования/учения в зарубежной теории и практике в целом, можно выделить следующие тенденции: секторное деление непрерывного образования на формальное, неформальное и информальное; перенос акцента с непрерывного образования на непрерывное учение; выявление частной стратегии непрерывного образования в виде рекуррентного образования; кумулятивный характер первоначального образования; повышение роли международных организаций, деловых кругов в деле развития непрерывного образования/учения, основанного на принципе партнёрства, развитие новых форм международного сотрудничества.

Литература

1. Марданшина Р.М. Модели непрерывного образования в едином образовательном пространстве на рубеже XX–XXI веков: дис. ... канд. пед. наук / Р.М. Марданшина. Казань, 2007. 196 с.
2. Галишникова Е.М. Концептуальные основы процесса международного сотрудничества в области образования / Е.М. Галишникова // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. 2005. № 1. С. 22–24.
3. Змеёв С.И. Андрагогика: основы теории и технологии обучения взрослых / С.И. Змеёв. М.: ПЕР СЭ, 2003. 207 с.

4. Lifelong learning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.infed.org./lifelonglearning/b-life.htm, свободный.
5. Tuijnman A. Changing notions of lifelong education and lifelong learning / A. Tuijnman, A.-K. Bostrőm // International Review of Education. 2002. Vol. 48 (1/2). P. 93–110.
6. Скворцов В.Н. Социально-экономические основы теории непрерывного образования: дис. … док. экон. наук: 22.00.03 / В.Н. Скворцов. СПб., 1999. 292 с.
7. Atchoarena D. Lifelong Learning Revisited // Lifelong Education in Selected Industrialized Countries / D. Atchoarena. Paris: UNESCO, International Institute for Educational Planning, 1995. P. 1–8.
8. Митина А.М. Теория образования в течение жизни в зарубежной андрагогике / А.М. Митина // Педагогика. 2005. № 5. С. 100–105.
9. Перспективы развития системы непрерывного образования / Под ред. Б.С. Гершунского. М.: Педагогика, 1990. 224 с.
10. Журавлева Е.Е. Современные тенденции развития дополнительного профессионального образования в области экономики, менеджмента и бизнеса / Е.Е. Журавлева // В мире научных открытий. 2011. № 9.2. С. 603–612.
11. Education – Education for All (EFA) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTEDUCATION/0, html, свободный.
12. Lifelong learning – Documents & Reports [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.worldbank.org/education/lifelong_learning/documents_reports.asp, свободный.
13. Григорьева Е.В. Проектирование и реализация содержания обучения иностранному языку в высшей школе с учетом интернационализации образования: авто автореферат дис. ... канд. пед. наук / Институт педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования. Казань, 2008.
14. Lifelong learning in the Global Knowledge Economy: Challenges for Developing countries. A World Bank Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//www1.worldbank.org/education/lifelong_learning, свободный.

15. Международные образовательные программы Intel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iteach.ru/about/educational_programs.php, свободный.
16. Программа «Обучение для будущего» в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iteach.ru/about/russia_program.php, свободный.
17. Комлева Н.В. Открытые образовательные ресурсы / Н.В. Комлева, С.И. Макаров, В.А. Перевалов // Открытое образование. 2007. № 2(61). С. 30–33.
18. Кудрявцева М.Г. Ретроспектива и современное состояние дистанционного обучения / М.Г. Кудрявцева // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 10–2 (26). С. 108–112.
19. Belanger P. Lifelong Learning: the Dialectics of “Lifelong Educations” / P. Belanger // International Review of Education. 1994. Vol. 40(3–5). P. 353–381.
20. Алексеева Л.П. Пути реализации потребности в непрерывном образовании / Л.П. Алексеева, Ю.В. Укке М., 1990. 40 с. (Проблемы непрерывного образования: Обзор. информация / НИИВШ; Вып. 1).

Глава VI

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОРРЕКЦИИ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Маркова Е.В., Смык А.В., Климова Т.В., Волобуева Н.А.

Введение

Проблема тревожности – одна из острых проблем в современном обществе. Интерес российских психологов к ее изучению существенно усилился в связи с резкими изменениями в жизни общества, порождающими неопределенность и непредсказуемость будущего и, как следствие, переживания эмоциональной напряженности, тревожности. Особенно важной представляется разработка данной проблемы применительно к детям, воспитывающимся в условиях депривации, поскольку тревожность – одна из основных черт депривационного синдрома. Отечественных психологов эта проблема заинтересовала в связи с обострившейся общественной обстановкой. В России около 600000 детей-сирот, причем 95% из них – социальные сироты, т.е. дети, чьи родители живы, но лишены родительских прав, либо сами отказались от ребенка. Около 200000 детей содержатся в сиротских учреждениях. По данным различных социологических и психологических исследований у подростков, оставшихся без попечения родителей, отмечается высокий уровень тревожности и агрессивности; причем количество депри-

вированных детей, страдающих тревожностью, катастрофически увеличивается [14, 25].

Актуальность темы обусловлена также проблемой социальной адаптации и реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которая определяется приоритетами государственной политики в области образования и воспитания данной категории детей.

Проблема тревожности личности

Современное научное знание демонстрирует возрастающий интерес к проблеме тревожности личности. Этот интерес отражается в научных исследованиях, где данная проблема занимает центральное положение и анализируется в психологическом и во многих других аспектах. Можно разделить все теории тревожности на зарубежные (З. Фрейд, К. Хорни, К. Изард, Ч.Д. Спилбергер), которые рассматривают тревожность с точки зрения динамического подхода, делая упор на бессознательные импульсы, которые не осознаются, и отечественные (В.В. Суворова, В.Н. Астапов, И.В. Дубровина, Л.И. Бонович, И.В. Имедадзе, Н.Д. Левитов, В.Р. Кисловская и др.), которые рассматривают тревожность с точки зрения ее функций, выделяя тревожность двух типов: реактивную и личностную, что впрочем, совпадает с теорией Ч. Д. Спилбергера, который различает состояние тревоги и тревожность, как свойство личности. Тревожность в функциональном подходе рассматривается, как субъективный фактор, организующий деятельность личности в целом.

Впервые выделил и акцентировал состояние беспокойства и тревоги З. Фрейд. Он характеризовал данное состояние как эмоциональное, включающее в себя переживание ожидания и неопределенности, чувство беспомощности. Данная характеристика указывает не столько на компоненты рассматриваемого состояния, сколько на его внутренние причины. В настоящее время изучению состояния тревоги посвящено большое количество

работ. Имеется четкое концептуальное различение понятий тревоги как состояния и тревожности как черты, свойства личности. Свои определения понятию «тревога» давали Астапов В.М., Лазарус Р., Прихожан А.М., Спилбергер Ч.Д., Фрейд З., Мартенс Р.К. Хорни, К.Изард, и др. В литературе интерпретация тревоги как эмоционального состояния является господствующей. Чаще всего термин «тревога» используется для описания неприятного по своей окраске психического состояния, которое характеризуется субъективными ощущениями напряжения, беспокойства, мрачных предчувствий, а с физиологической стороны сопровождается активизацией автономной нервной системы. Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, состоящая в повышенной склонности испытывать беспокойство в различных жизненных ситуациях, в том числе и тех, объективные характеристики которых к этому не предрасполагают. Чрезмерно высокий уровень тревоги рассматривается как дезадаптивная реакция, проявляющаяся в особой дезорганизации поведения и деятельности. А.М. Прихожан считает, что тревожность «как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности является выражением неудовлетворения значимых потребностей человека, актуальных при ситуативном переживании тревоги и устойчиво доминирующих по гипертрофированному типу при постоянной тревожности» [25].

Механизм формирования тревожности как свойства личности представлен в работах В.М. Астапова. Ж.М. Глозмана, Х. Айзенка и др. [2, 4, 10]. По мнению указанных авторов, структурные изменения личности формируются не сразу, а постепенно, по мере закрепления отрицательных личностных установок, тенденций воспринимать достаточно широкий круг ситуаций как угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги. Другими словами, при неоднократном повторении условий, провоцирующих высокие значения тревоги, создается постоянная готовность к переживанию этого состояния. Постоянные переживания тревоги

фиксируются и становятся свойством личности – тревожностью. Так, в ряде работ главной причиной возникновения тревожность у детей считаются неправильное воспитание и неблагоприятные отношения ребенка с родителями, особенно с матерью. В ряде работ показано, что отвержение, неприятие матерью ребенка вызывает у него тревогу из-за невозможности удовлетворения потребности в любви, в ласке и защите. Также многие авторы отмечают, что тревожное состояние, эмоциональная напряженность связаны главным образом с отсутствием близких для ребенка людей, с изменением окружающей обстановки, привычных условий и ритма жизни [16, 27].

Анализ публикаций позволил нам выявить основные негативные стороны высокого уровня личностной тревожности:

1. Личность с высоким уровнем тревожности склонна воспринимать окружающий мир как заключающий в себе угрозу и опасность в значительно большей степени, чем личность с низким уровнем тревожности.

2. Высокий уровень тревожности создает угрозу психическому здоровью личности и способствует развитию предневротических состояний. Исследованиями доказано, что студенты с высоким уровнем тревожности представляют собой потенциально невротическую группу в состоянии предболезни и нуждаются в специальном контроле со стороны профилактической службы.

3. Высокий уровень тревожности отрицательно влияет на результат деятельности. Отмечается корреляция тревожности со свойствами личности, от которых зависит учебная успеваемость.

4. Тревожность в числе некоторых индивидуально-психологических особенностей личности оказывает существенное влияние на профессиональную направленность. Так показано, что учащиеся, характеризующиеся высоким уровнем тревожности, избегают ориентации на профессии, связанные с техникой и знаковыми системами, предпочитая профессии типа «человек – природа», «человек – художественный образ».

5. Тревожность по-разному сказывается на устойчивости поведения и проявлении навыков его самоконтроля. Если при низком уровне тревожности отмечается сохранение испытуемыми уверенности в своих силах, отсутствие нервозности, а в случае ошибок в деятельности – адекватное отношение и стремление исправить их, то испытуемые с высоким уровнем тревожности, проявляя раздражительность, нетерпеливость, вступали в полемику с экспериментатором или, признавая свой неуспех, стремились объяснить его внешними причинами.

Помимо отрицательного влияния на здоровье, поведение и продуктивность деятельности, высокий уровень тревожности неблагоприятно сказывается и на качестве социального функционирования личности. Так, тревожность рассматривается как источник агрессивного поведения. Это отмечается в анализе поведения, как детей, так и взрослых. Кроме того, исследования ряда авторов показали, что тревожность ведет к отсутствию у человека уверенности в своих возможностях в общении, связана с отрицательным социальным статусом, формирует конфликтные отношения.

Следовательно, решение проблемы тревожности относится к числу острых и актуальных задач психологии педагогики, и ставит исследователей перед необходимостью как можно более ранней ее диагностики и коррекции.

Термин «депривация» сегодня широко используется в психологии и медицине. Когда говорят о депривации, имеют в виду такое неудовлетворение потребностей, которое происходит в результате отделения человека от необходимых источников их удовлетворения и имеет пагубные последствия. Тревожность, депрессия, страх, интеллектуальные расстройства – вот наиболее характерные черты так называемого депривационного синдрома. В зависимости от того, чего именно лишен человек, выделяют разные виды депривации – сенсорную, двигательную, психосоциальную, материнскую и т.д. [27]. Влияние родителей на разви-

тие ребенка имеет огромное значение. Именно в семье ребенок впервые обнаруживает, любят ли его, принимают ли таким, какой он есть. Дети, лишенные родительской поддержки, приобретают негативный социальный опыт, отличаются ослабленным физическим и психическим здоровьем, нравственной неустойчивостью. Характерным результатом указанных негативных факторов выступает, как уже указывалось выше, высокий уровень социальной дезадаптации этих детей.

По данным различных социологических и психологических исследований у подростков, оставшихся без попечения родителей, отмечается высокий уровень тревожности и агрессивности. Поэтому поиск форм и методов работы с подростками, воспитывающимися в учреждениях социально-педагогической поддержки, имеет особое значение. Если будут разработаны адекватные приёмы психологической и социально-педагогической помощи тревожным детям, то произойдёт определённый сдвиг на пути преодоления проблем в их самосознании, самочувствии, поведении.

Адаптация и тревожность у подростков в условиях реформирования образования

В “Законе об образовании” (статья 3) “Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования” провозглашено право каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования; единство образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов

Российской Федерации в условиях многонационального государства. На наш взгляд это особенно актуально для депревированных подростков.

Сегодня востребованы на рынке труда люди, которые могут быстро меняться и адаптироваться к новым требованиям времени, способные получать новые знания и навыки, переориентироваться с одной сферы профессиональной деятельности на другую, то есть быть профессионально мобильными. В своем проявлении процессы адаптации имеют наследственную предрасположенность; поэтому ответная реакция человека зависит от возможности определенным образом реагировать на изменения, происходящие в среде, в том числе и образовательной. Вопросам адаптации в системе образования и преодолению трудностей уделяется все больше внимания [3].

Процессы адаптации осуществляются в течение всей жизнедеятельности человека. Адаптация на разных этапах социального онтогенеза связана как с психическими и физиологическими изменениями в организме, так и приобретенным опытом в процессе взаимодействия со средой. Важнейшей составляющей общего адаптационного процесса является психофизиологическая адаптация [1, 5]. В психофизиологических механизмах компенсаторно-приспособительных процессов у человека существенное место отводится функциональной активности головного мозга, межполушарным взаимоотношениям, типу функциональной межполушарной асимметрии головного мозга [17]. Наряду с этим важным признаком, отражающим особенности функционального состояния организма и выраженность психоэмоционального напряжения, является уровень тревожности, увеличение которого может выступать в качестве причины и следствия стресса, являться деструктивной личностной чертой и неблагоприятно сказываться на жизнедеятельности человека, умственной работоспособности, эффективности адаптации к обучению [15]. Для депревированных подростков такая ситуация является стресси-

рующей, приводящей к развитию неуверенности в завтрашнем дне и как следствие возникновению тревожности. Нарушения процессов адаптации могут проваляться по-разному от психо-соматических расстройств до негативного поведения и отказа принимать нормативно-правовые требования общества. Известно, что адаптация включает такие процессы как аккомодация и ассимиляция. Процесс аккомодации связан с механизмами приспособления организма к условиям среды [9, 13, 22]. Если в процессе своей жизни человек способен к процессам аккомодации, то он встраивается в среду и довольно успешно выполняет свои социальные функции. В процессе ассимиляции происходит изменение условий среды и “подстраивание” ее к своим потребностям. Особенно трудно ассимилироваться в новых условиях и требованиях подросткам, что может приводить к снижению психофизиологических показателей здоровья и ситуации напряжения.

Согласно данным ряда авторов, эмоциональные реакции детей из учреждений интернатного типа отличаются более высокой напряженностью, аффективными срывами, общим накалом эмоциональной фрустрации, выражающихся в агрессии; кроме того, для них характерны: уплощенность эмоциональных проявлений, повышенный уровень личностной тревожности, деформация предличностных образований, агрессивно-негативная позиция по отношению к другим, неразвитая и искаженная потребность в любви и признании, неумение адекватно оценить свои качества, необходимые для дружеского общения, отсутствие эмпатии, слабая выраженность дружеских связей, потребительское отношение к взрослым, преобладание функционально-ролевого общения, эмоциональной фрустрации [12, 16, 25, 27].

Анализ исследований, посвященных вопросам адаптации, показывает что психофизиологические, социально-психологические и педагогические показатели позволяют представить данный процесс как взаимосвязанный, многофакторный и многоуровневый. Однако, на наш взгляд, решение проблем адаптации

не должно быть стереотипным и односторонним. Мы считаем, что на каждой ступени социальной адаптации необходимо учитывать дополнительные факторы: социо-культурную и миграционную ситуацию, преемственность методов обучения и воспитания, типы высшей нервной деятельности, принятие или не принятие личности в коллективе и коллектива личностью. Одним из способов решения данной проблемы заключается в реализации индивидуального подхода к человеку на каждой ступени его социальной адаптации.

К сожалению, методические рекомендации по воспитанию детей и тренинги по регулированию тревожности, как правило, не учитывают психофизиологических особенностей подростка, как субъекта, индивидуальности, личности. Подчас, коррекционные программы имеют низкую эффективность, что в итоге нередко отрицательно сказывается на психическом здоровье ребенка. Указанные факты подводят к необходимости разработки более эффективных методов коррекционной работы. Наиболее перспективной в этом отношении, на наш взгляд, является латеральная психокоррекция, т.е. коррекция с учетом доминантного полушария головного мозга.

Функциональная асимметрия головного мозга и межполушарные взаимодействия в свете проблемы тревожности личности

В настоящее время проблема функциональной асимметрии мозга и межполушарных взаимодействий является достаточно актуальной. Интерес к ней, помимо развития теоретических представлений о работе мозга, вызван и тем обстоятельством, что специализация полушарий головного мозга оказывает существенное влияние на протекание различных психических процессов в организме, а также на перцептивную, интеллектуальную, эмоциональную и другие сферы. Изучение эмоций (или различных проявлений эмоционально-личностной сферы) в контексте

проблемы межполушарной асимметрии мозга проводится уже давно. Экспериментальные данные получены и на здоровых испытуемых (с доминированием левого или правого полушарий), и на клиническом материале, однако они во многом противоречивы и требуют дальнейших исследований [24].

По положениям ряда авторов межполушарная функциональная асимметрия как фундаментальная закономерность работы мозга и определяет характеристики психических состояний и деятельности субъекта [7]. Отмечается связь леворукости с повышенной тревожностью и эмоциональной нестабильностью [31, 33]. Нарастание дисбаланса личностных свойств и снижение устойчивости к эмоциональному стрессу происходит по мере сглаживания функциональной асимметрии мозга. Было установлено, что по мере нарастания левосторонних признаков увеличивается «нейротизм», «депрессия», «психотизм» [24, 36]. При этом показано, что в обеспечении эмоциональной сферы человека левое и правое полушария головного мозга вносят разный вклад и выполняют свои специфические функции [6, 37]. Так, B. Kolb и B. Milner [33] предложена гипотеза о вовлеченности левого полушария при негативных эмоциях, в работах [35] приводятся данные о преимущественной эмоциональности правого полушария. В работе Вартанян И.А. [8] отмечается, что левое полушарие ответственно за восприятие и экспрессию положительных эмоций, а правое – отрицательных, а также что корковая регуляция эмоций осуществляется в норме при взаимодействии полушарий. W. Heller [31] в своих исследованиях установила преобладание активации левой передней коры на фоне высокого эмоционального напряжения отрицательного знака, т.е. обращается внимание не только на знак эмоций, но и на активационный компонент эмоционального возбуждения – размерность, интенсивность переживаемой эмоции, что дает в определенной степени возможность объяснить противоречия между результатами различных исследователей.

Доказано, что существует связь между мануальной асимметрией головного мозга у детей школьного возраста с распространенностью у них невротических и соматоформных расстройств [29, 11]. Школьная учеба в современной школе характеризуется инновационными процессами в области содержания и методик образования. Эти процессы направлены, прежде всего, на повышение уровня образованности школьника, что имеет несомненную ценность. Вместе с тем, в такой технологии превалируют алгоритмичные, символьные, схематические формы объяснения информации, направленные на развитие прежде всего левополушарных структур. Такая асимметрия воздействия информационной среды на развивающийся мозг ребенка не может не сказаться на результатах школьной адаптации детей с разной функциональной асимметрией головного мозга. Не случайно, вероятно, именно «чистые правши» имеют минимальный уровень школьной тревожности, у них реже, чем у других групп детей наблюдаются неврозы и соматоформные нарушения [30]. Векторная направленность информационной учебной среды, опирающейся в основном на «левополушарные» методы преподавания, приводит к тому, что «правополушарные» дети оказываются в более сложных условиях, у них повышается школьная тревожность и возрастает риск психонейросоматических патологий.

В связи с вышеизложенным, целью приведенного ниже собственного исследования была разработка и оценка эффективности оригинальной программы латеральной коррекции, направленной на снижение тревожности у детей, воспитывающихся в условиях депривации.

Новизна исследования заключается в разработке системы методических приемов психокоррекционной работы с тревожными детьми, воспитывающихся в условиях депривации, с учетом индивидуальных особенностей функциональной асимметрии головного мозга. Такой подход до настоящего времени не был реализован в практике психокоррекции тревожности и аналогов

предложенного направления не существует. Результаты исследования будут иметь прикладное значение для работы психологов в детских домах и других учреждениях и нтернатного типа.

Основные положения оригинальной программы психокоррекции тревожности с учетом индивидуальных особенностей функциональной асимметрии полушарий головного мозга

Теоретической базой разработанной программы послужили работы Е.Д. Хомской, Л. Лурия, А.Л. Сиротюк, А.М. Прихожан, И.А. Фурманова [20, 25, 26, 27, 28]. Проблема преодоления тревожности, распадается на две: проблему овладения состоянием тревожности, снятия его отрицательных последствий и проблему устранения тревожности как относительно устойчивого личностного образования. Разработка указанной программы психологической коррекции тревожности базировалась на указанных положениях, в силу чего в рамках программы проводилась работа с тревожными детьми по трем основным направлениям:

1. Снятие мышечного напряжения.
2. Обучение ребенка управлять собой в конкретных, наиболее волнующих ситуациях.
3. Повышение самооценки.

Разработанная программа состоит из 24 занятий, при соблюдении режима проведения 2 занятий в неделю (цикл рассчитан на 3 месяца). Продолжительность каждого занятия 40–45 минут. Оптимальное число участников 7–8 человек, возраст 12–13 лет.

В программе используются упражнения, разработанные Лютовой Е., Мониной Г., Костиной Л. [14, 21].

Специализация полушарий мозга оказывает существенное влияние на протекание различных психических процессов в организме, а также на перцептивную, интеллектуальную, эмоциональную и другие сферы. Так, хорошо известно, что у представителей с доминирующим левым полушарием преобладает

словесно-логическое мышление, а у индивидуумов с доминирующим левым полушарием – наглядно-образное. В связи с этим у первых психокоррекция будет направлена на функции, преобладающие в левом полушарии, т.е. словесно-ориентированная психокоррекция; в то время как у последних психокоррекция будет направлена на функции, преобладающие в правом полушарии, т.е. образно-ориентированная психокоррекция.

Структура занятия:

а) вводная часть (разминка);

б) основная часть (рабочая);

в) завершение (релаксация).

Применение двигательной разминки позволяет снизить эмоциональное и физическое напряжение детей (на психологическом и физическом уровнях). Кроме того, активация сенсомоторики, актуализация и закрепление любых телесных навыков предполагает востребованность извне таких психических функций, как, эмоции, память, восприятие и процессы саморегуляции. Двигательная разминка проводится в соединении с дыхательными упражнениями. Затем выполняются упражнения на активацию и расслабление. Одной из важнейших целей организации правильного дыхания у детей является формирование у них базовых составляющих произвольной саморегуляции: ведь ритм дыхания – это единственный из всех телесных ритмов, подвластный спонтанной, сознательной и активной регуляции со стороны человека. Тренировка дыхания делает глубокое медленное дыхание простым и естественным, регулируемым непроизвольно.

Далее следует регуляция мышечного тонуса, как важнейшая задача коррекции.

Содержание основной части занятия зависит от его принадлежности к конкретному блоку.

Все занятия разбиты на три блока:

1-й блок – актуализация и отреагирование симптомов тревожности (1–9 занятия).

2-й блок – повышение самооценки, уверенности в себе (10–18 занятий).

3-й блок – обучение приемам саморегуляции (19–24).

Завершающий этап каждого занятия – релаксация.

Результаты апробации программы латеральной психокоррекции тревожности у подростков, воспитывающихся в условиях депривации

В эксперименте принимали участие 27 мальчиков в возрасте 12–13 лет, воспитывающихся в условиях МКОУ «Детский дом № 12» (г. Новосибирск).

Исследование функциональной асимметрии полушарий головного мозга по 4 парным функциям проводилось стандартным методом [18]. В моторной сфере выявлялось функциональное предпочтение руки и ноги. Асимметрия в сенсорной сфере выявлялась в преимуществе одного глаза, а также преимущества уха при слухо-пространственном различении. Обследованные лица были разделены на 2 группы, отличающиеся степенью выраженности признаков право- и леволатеральности. В группу правшей были отнесены дети абсолютно праволатеральные и преимущественно праволатеральные. Группа амбидекстров включала лиц с преобладанием леволатеральных и симметричных показателей.

Подростковый вариант личностного опросника Г. Айзенка, EPI [19], включающий определение личностных особенностей ребенка – тревожности, нейротизма, экстра- и интраверсии, адаптированный А.Г. Шмелевым. Исследование проводилось до и после коррекционного воздействия.

Статистическую обработку результатов проводили с применением парного критерия Манна-Уитни (компьютерная программа “Statistica 6.0”). Результаты представлены в виде M ± m. Различия считали достоверными при $p \leq 0{,}05$.

На начальном этапе работы в ходе диагностики наличия тревожности были экспериментально подтверждены данные ряда

авторов, свидетельствующих о том, что для детей, воспитывающихся в условиях деривации, характерны высокие показатели уровня тревожности (рис. 1).

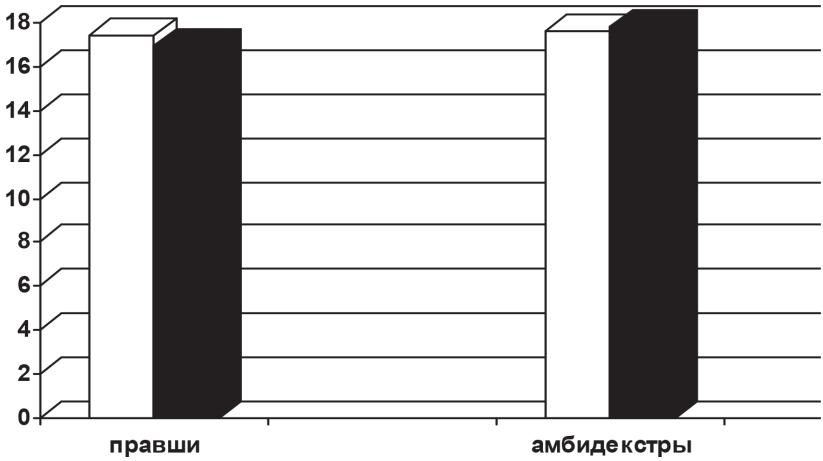

Рис. 1. Уровень тревожности у детей
с различным латеральным фенотипом

Примечание: по шкале ординат – средний показатель уровня тревожности. Белые столбики – контрольная группа (n = 12); черные столбики – экспериментальная группа (n = 15). P = 0,05 – уровень достоверности различий между группами правшей и амбидекстров.

У всех детей, наряду с тестированием параметров тревожности были определены показатели функциональной межполушарной асимметрии. После оценки функциональной асимметрии головного мозга дети были разделены на две группы: 15 человек составили экспериментальную группу (7 правшей, 8 амбидекстров) и 12 – контрольную (6 правшей и 6 амбидекстров). Контрольная группа была выделена с целью выявления степени влияния функциональной асимметрии полушарий головного мозга на уровень тревожности: коррекционное воздействие здесь проводиться не будет.

При сопоставлении уровня тревожности с профилем межполушарной асимметрии установлено, что у амбидекстров (с преобладанием симметричных и леволатеральных показателей) уровень тревожности несколько выше по сравнению с правшами (рис. 1), что также согласуется с имеющимися в литературе сведениями [24, 28].

В результате психокоррекционного воздействия, проведенного по разработанной нами программе, было достигнуто значительное снижение уровня тревожности у всех детей, составляющих экспериментальную группу (рис. 2), что свидетельствует об эффективности указанной программы.

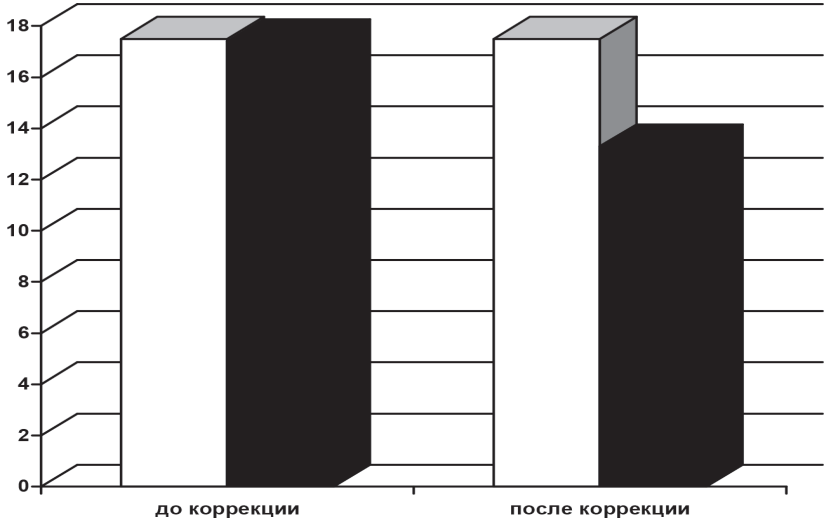

Рис. 2. Уровень тревожности у детей после коррекционного воздействия

Примечание: по шкале ординат – средний показатель уровня тревожности. Белые столбики – контрольная группа (n = 12); черные столбики – экспериментальная группа (n = 15). $P < 0,01$ – уровень достоверности различий между контрольной и экспериментальной группами после коррекционного воздействия.

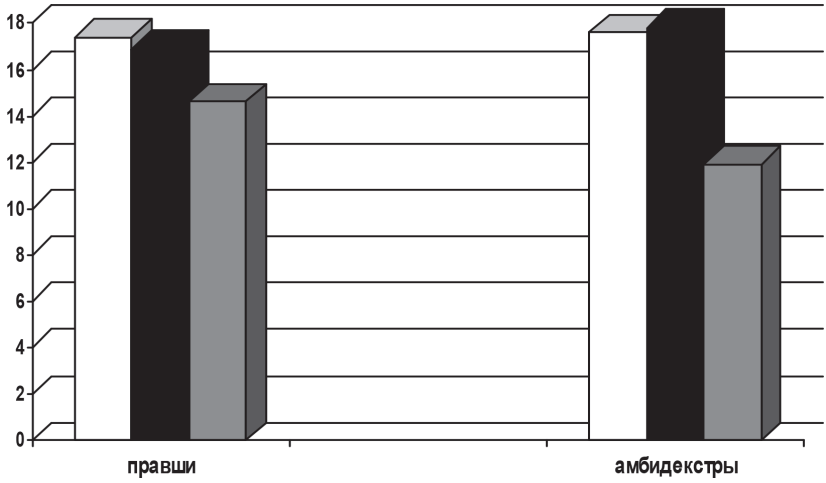

Рис. 3. Уровень тревожности у детей с различным латеральным фенотипом до и после коррекционного воздействия

Примечание: по шкале ординат – средний показатель уровня тревожности. Белые столбики – контрольная группа; черные столбики – экспериментальная группа до коррекционного воздействия; серые столбики – экспериментальная группа после коррекционного воздействия; n = 6–8 в каждой группе.

P < 0,05 – уровень достоверности различий в экспериментальной группе правшей до и после коррекционного воздействия. P < 0,01 – уровень достоверности различий в экспериментальной группе амбидекстров до и после коррекционного воздействия.

С целью объяснения различий в эффективности коррекционного воздействия у детей с различным латеральным фенотипом мы проанализировали содержание созданной программы психокоррекции тревожности. В программе были использованы упражнения, ориентированные как на правое, так и на левое полушарие, однако, оказалось, что большая часть упражнений ориентирована на правое полушарие головного мозга. Посколь-

ку группу амбидекстров составили дети преимущественно с преобладанием леволатеральных и симметричных показателей по 4 функциональным пробам, что свидетельствует о тенденции к доминированию у них правого полушария либо «равнополушарности», то этим можно объяснить полученный нами результат: созданная программа психокоррекции тревожности более эффективна для амбидекстров.

Данная программа латеральной психокоррекции тревожности направлена преимущественно на правое полушарие головного мозга, в силу чего она оказалась наиболее эффективна применительно к амбидекстрам; в связи с чем, возникает вопрос о необходимости разработки аналогичной программы, ориентированной на левое полушарие головного мозга, которая могла бы быть использована для коррекции тревожности у детей-правшей с доминантным левым полушарием головного мозга.

Заключение

Реформы, происходящие в области образования и в развитии гражданского общества России, носят глобальный характер и затрагивают интересы всех категорий людей. Специфика сложившейся ситуации обусловливает поиск новых методов работы с депривированными подростками, находящихся в состоянии тревожности и стресса. Этой проблеме необходимо уделять особое внимание, так как у данной категории детей из жизненного пространства выпадают некоторые аспекты социального онтогенеза, отсутствуют приобретение практического опыта развития в семье и умения выстраивать социально-партнерские взаимоотношения в обществе. Поэтому окружающий социальный мир воспринимается подростком как враждебный и чуждый. Данные обстоятельства способствуют повышению тревожности и снижают процессы адаптации подростков к окружающей социальной среде.

Психологическая коррекция как метод комплексного воздействия на ребенка направлена на изменение его жизненных уста-

новок и навыков поведения и предполагает формирование новых конструктивных методов решения своих проблем. Одним из важнейших направлений структурной и содержательной работы по коррекции тревожности у детей подросткового возраста является совместная деятельность органов образования и социальной защиты в процессе подготовки детей к получению среднего и (или) высшего профессионального образования.

До настоящего времени коррекция эмоциональной сферы проводилась без учета психофизиологических особенностей ребенка, хотя хорошо известно, что функциональная асимметрия полушарий головного мозга оказывает существенное влияние на протекание различных психических процессов в организме, а также на перцептивную, интеллектуальную, эмоциональную и другие сферы. Представленные позитивные результаты апробации оригинальной программы латеральной коррекции тревожности у детей подросткового возраста, воспитывающихся в условиях депривации, свидетельствуют о ее эффективности и необходимости разработки дифференцированных подходов к коррекции тревожности у детей с учетом их индивидуальных психофизиологических особенностей и, в частности, характера функциональной межполушарной асимметрии головного мозга.

Литература

1. Агаджанян Н.А., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Проблемы адаптации и учение о здоровье / М.: Изд-во РУДН, 2006. 284 с.
2. Айзенк Х. Психологические теории тревожности. Тревога и тревожность / Под ред. В.М. Астапова. СПб. Питер, 2001. 256 с.
3. Андриенко О.А. Педагогические условия повышения эффективности социальной адаптации первокурсников в профессиональном лицее: диссертация кандидата педагогических наук / Магнитогорск, 2009. 188 с.

4. Астапов В.М. Тревожные расстройства в детском и подростковом возрасте. Теория и практика / М.: МОДЭК, 2011. 368 с.
5. Афтанас Л.И. Эмоциональное пространство человека: психофизиологический анализ / Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 2000. 126 с.
6. Блум Ф., Лейзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум и поведение / М.: Мир, 1988. 248 с.
7. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека / М., 1988. 244 с.
8. Вартанян И.А. Физиология сенсорных систем / СПб.: Лань, 1999. 153 с.
9. Волобуева Н.А. Проблемы школьной адаптации и здоровье учащихся начальных классов // Якутский медицинский журнал, 2009. № 3(9). С. 58–60 .
10. Глозман Ж.М. Нейропсихология детского возраста / М.: Академия, 2009. 272 с.
11. Еремеева В.Д., Хризман Т.Д. Мальчики и девочки два разных мира / М.: Линка-Пресс, 1998. 184 с.
12. Карнаух И. Способы снижения тревожности у подростков из детских домов // Социальная педагогика, 2004. № 3. С. 88–90.
13. Климова Т.В., Маркова Е.В. Формирования здорового образа жизни у детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья / Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012, 240 с.
14. Костина Л.М. Игровая терапия с тревожными детьми / СПб.: Речь, 2006. 160 с.
15. Кураев Г.А., Соболева И.В., Сороколетова Л.Г. Формирование функциональной межполушарной асимметрии мозга в динамике обучения // Функциональная межполушарная асимметрия. М.: Научный мир, 2004. С. 125–263.
16. Лангмайер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте / Прага, 1984. 228 с.
17. Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность / СПб.: Речь, 2005. 368 с.

18. Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность / СПб.: Речь, 2005. 368 с.
19. Личностный опросник EPI / Альманах психологических тестов / М., 1995. С. 217–224.
20. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии / СПб.: Питер, 2013. 320 с.
21. Лютова Е.К., Монина Г.Б. Шпаргалка для родителей. Гиперактивные, агрессивные, тревожные и аутичные дети / СПб.: Речь, 2010. 144 с.
22. Маркова Е.В. Механизмы нейроиммунных взаимодействий в реализации поведенческих реакций / Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. 236 с.
23. Маркова Е.В. Иммунная система и высшая нервная деятельность / Saarbruken, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2012. 260 с.
24. Москвин В.А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий: Монография / Оренбург: ИПК ОГУ, 2002. 288 с.
25. Прихожан А.М. Психология тревожности (дошкольный и школьный возраст) / СПб.: Питер, 2007. 192 с.
26. Сиротюк А.Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения / М.: Сфера, 2003. 288 с.
27. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребёнка. Пособие для психологов и педагогов / М., Владос, 2004. 320 с.
28. Хомская Е.Д. Нейропсихология / СПб.: Питер, 2013. 508 с.
29. Чуприков А.П., Линев А.П., Маценковский П.А. Латеральная терапия: Руководство для врачей / Киев: Здоровье, 1994. 174 с.
30. Bishop D. Handedness & Developmental Disorder / Manchester Mac. Keith. H. Press, 1990. 208 p.
31. Heller W. Neuropsychological mechanisms of individual differences in emotion. Personality and arousal // Neuropsychology, 1993. V. 7. P. 476–489.
32. Hicks R.A., Pellegrini R.J., Evans E.A. Handedness and birth risk. // Neuropsychologia, 1978. V. 16. P. 243–245.

33. Kolb B., Milner B. Observationson spontaneous facial expression after local cerebral excinsions and after intracfrotid injection of Sodium Amital // Neurupsihol., 1981. V. 19. № 4. P. 107–116.
34. Orme J.E. Left-handedness, Ability and Emotional Instability // British Journal of Social and Clinical Psychology, 1970. V. 9. № 1. P. 87–88.
35. Reuter-Lorenz P., Davidson R.J. Differential contribution of the two cerebral hemispheres to the perceptions of happy and sad faces // Neuropsychology, 1981. V.19. № 4. P. 609–615.
36. Sorokin O.V., Markova E.V., Kozhevnikov V.S., Abramov V.V., Kozlov V.A. Immunological parameters of 10- to 14-year-old healthy schoolchildren differing in the activity of the emotional motivational behavior systems // Human Physiology, 2007. V. 33. N 4. P. 421–428.
37. Sperry R.W. Some effects of disconnecting the cerebral hemispheres // Science, 1982. V. 217. № 4566. P. 1223–1226.

Глава VII

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАННЕЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ КАК РЕСУРС ПОВЫШЕНИЯ ЕЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Пархоменко Е.А.

Введение

Процесс социализации современной молодёжи происходит в усложнённых условиях. Это связано как с социально-экономической ситуацией в нашей стране, так и с возрастанием темпов изменения условий жизни, ведущее к увеличению источников эмоциональной напряженности, но и с тем, что в настоящее время привлекло внимание не только к экономическим и социальным, но и к психологическим ресурсам социальной стабильности. Их значение усиливается быстрыми темпами изменения условий жизни, которые обусловлены преобразованиями, произошедшими в экономической, технологической и социальной областях, при повышении культурного и познавательного уровня, практически поставили человека в новую позицию по отношению к людям и к себе. В результате миграционных процессов человек по-новому воспринимает, понимает, открывает мир, который он сам и изменил, и сам в нем изменяется [15]. Объективно обусловленное усложнение жизни, усиленное внутренними проблемами, делает очевидной ограниченность ресурсов благополучного включения в социум у многих людей, что выра-

жается в существенном ухудшении физического и психического здоровья, в осознании беспомощности перед жизнью, ведущем к попыткам ухода от проблем в болезнь, наркоманию, алкоголизм [2, 3]. Одной из предпосылок социальной нестабильности личности в социуме можно считать социальную разобщенность, неуверенность в своих силах и в собственном будущем, в своей способности успешно выстроить свою жизнь, что порождает недоверие к окружающим людям и социальным институтам. Это значит, что современному человеку в меняющемся мире оказывается недостаточно тех ресурсов включения в социум, которые приобретались под влиянием традиционных социализирующих воздействий. Свидетельством осознания этой проблемы является усиление внимания к психологическим факторам социальной стабильности личности человека, путям ее приобретения, формирования профессионально важных свойств личности и расширению ресурсов их социально-психологической адаптации в детском возрасте [2, 5, 8, 9, 10].

Цивилизационные изменения, происходящие в настоящее время, накладывают существенный отпечаток на личностное и профессиональное развитие современного человека. С одной стороны, они предъявляют к человеку как личности и как профессионалу новые требования: способность адаптироваться к быстрым изменениям жизненного мира, способность пополнять собственные знания и умения, преодолевать повышенные нагрузки и стрессы и т.п. [4, 14, 18, 19]; с другой стороны, они обнаруживают недостаточность традиционных путей социализации и профессионального развития [1, 3, 5, 6, 7, 9, 12, 14, 15].

Как известно, по мере развития цивилизации происходит удлинение детства, в процессе которого новое поколение приобретает ресурсы включения в жизнь социума. С другой стороны, общество заинтересовано в том, чтобы каждое новое поколение вливалось в жизнь социума в оптимальные сроки, что проявляется в появлении различных форм ранней профессионализации,

которые являются, по сути дела, ответом на вызовы современной жизни.

Широко обсуждаемый в отечественной и зарубежной научной литературе феномен ранней профессионализации, несмотря на разнообразие трактовок, рассматривается как включение личности в профессиональное развитие в детском возрасте, т.е. во временные сроки, не являющиеся типичными для профессионального развития, что характерно для музыкантов, артистов балета, спортсменов (табл. 1) [2].

Таблица 1.

Сравнительная характеристика типичной профессиональной карьеры (по Д. Сьюперу) и спортивной карьеры

№	Стадии	Профессиональная карьера	Карьера спортсмена
1.	Пробуждения	до 14 лет	7–9 лет
		формирование предпочтений, о профессиональном образовании	
2.	Исследования	15–24 года	12–15 лет
		профессиональный выбор, включение в освоение выбранной профессии	
3.	Консолидации	25–44 года	16–24 года
		приобретение профессионального мастерства	
4.	Сохранения	45–65 лет	24–30 лет
		совершенствование профессионального мастерства	
5.	Спада	после 65 лет	после 30 лет
		передача профессионального опыта	

Одна из наиболее распространенных форм ранней профессионализации детей – это включение их в профессиональные по своей сути занятия спортом. Профессиональное совершенствование при ранней профессионализации совпадает во времени с интеллектуальным, личностным развитием, получением образования, освоением системы социальных отношений, что может

быть фактором изменения нормативных возрастных особенностей взросления будущих профессионалов [2, 11, 12].

Спорт – это вид социальной деятельности, достижение высоких результатов в которых возможно лишь при достаточно раннем включении в их освоение. Согласно литературным данным, спорт в детском возрасте выступает как возможность общаться со сверстниками, стать сильным, развить свою волю, т.е. спорт оказывается только средством достижения стоящих перед детьми целей и лишь с повышением спортивной квалификации происходит изменение отношения к спорту [2, 3, 6, 14]. С другой стороны, для приобретения спортивного мастерства и необходимой профессиональной формы спортсменам приходится подчинять свою жизнь определенному режиму, вносить в неё ряд ограничений.

Педагоги и психологи высказывают различные точки зрения относительно влияния спорта на личностное развитие спортсменов. С одной стороны, они спорт рассматривают как фактор, способствующий социализации, обеспечивающий включению в самостоятельную жизнь. А с другой стороны, отмечают, что углубленные занятия спортом в подростковом и юношеском возрасте могут стать причиной личностных дисгармоний и условий, препятствующих приобретению спортсменами необходимого для полноценной социализации социального опыта [1, 2, 3, 5, 8, 11, 17].

Следовательно, актуальным является поиск источников повышения социальной адаптации, способствующих формированию профессионально важных свойств личности и расширению ресурсов их социально-психологической адаптации, также повышающих её конкурентоспособность в условиях ранней профессионализации.

В современных условиях психологическое обеспечение подготовки спортсменов в условиях ранней профессионализации может быть успешно в том случае, если оно целенаправленно спроектировано от периода начальной подготовки до периода спортивного мастерства.

Исследование ориентировано на раскрытие традиционно не используемых ресурсов психики спортсменов, а также на развитие ресурсов конкурентоспособности по опережающему принципу, что снижает вероятность негативного влияния психологических факторов на достижения спортсменов.

Внедрение результатов исследования будет способствовать повышению эффективности подготовки спортсменов-юниоров и спортсменов высокого класса, обеспечивать их конкурентоспособность в соревновательных условиях за счет сформированных ресурсов устойчивости к соревновательному стрессу и профилактики перенапряжения в условиях тренировочного процесса.

Оценка специфики влияния включенности в занятия спортом на социальную адаптацию личности в условиях ранней профессионализации проводилась в три этапа:

1. Определить особенности влияния включенности в занятия спортом на социальную адаптацию личности в условиях ранней профессионализации у представителей каждой возрастной группы, занимающихся и не занимающихся спортом. Сравнение проводилось отдельно у лиц разного пола.

2. Анализ влияния включенности в занятия спортом на социальную адаптацию спортсменов во временных рамках, соответствующих типичной спортивной карьере, и у респондентов, не занимающихся спортом.

3. Анализ влияния пола на социальную адаптацию личности в условиях ранней профессионализации, занимающихся и не занимающихся спортом.

Исследовательская выборка составила около 500 человек, подразделенных на три возрастные группы: подростковый, юношеский и период ранней взрослости, так же включала респондентов, занимающихся и не занимающихся спортом.

Для исследованиях ранней профессионализации характерно то, что в них констатируется факт смещения нормативных фаз профессионального развития на более ранние возрастные пери-

оды, а также неизбежность влияния этого смещения на психическое развитие детей, вовлеченных в нее [1, 2, 3, 5, 8, 11, 14, 17].

Для более детального выявления ранней профессионализации на социальную адаптацию личности нами был проведен сравнительный анализ возрастных групп 12–15, 16–18 и 20–30 лет респондентов, занимающихся и не занимающихся спортом (табл. 2).

Сравнительный анализ показателей социальной адаптация у респондентов, занимающихся и не занимающихся спортом, в зависимости от возраста, свидетельствует о различиях в формировании уровня социальной адаптации у респондентов разного возраста, включенных в разную образовательную среду (спортивную, учебную, трудовую).

Таким образом, с возрастом как у респондентов, занимающихся, так и не занимающихся спортом, наблюдается одинаковая возрастная динамика изменения факторов социальной адаптации, на это указывает тенденция увеличения у них факторов социальной адаптации с возрастом. Вместе с тем у респондентов, не занимающихся спортом, с возрастом имеется больше предпосылок для социальной адаптации, а уровень личностного развития в большей степени соответствует возрастной норме, в отличие от респондентов, занимающихся спортом (табл. 2).

Таблица 2.

Установленные многофакторным дисперсионным анализом различия средних показателей социальной адаптации в зависимости от возраста у респондентов, занимающихся и не занимающихся спортом (Ccp±d)

СПА	Занимающиеся спортом (n=209)			Не занимающиеся спортом (n=240)		
	12–15 лет (n=73)	16–18 лет (n=85)	20–30 лет (n=51)	12–15 лет (n=80)	16–18 лет (n=80)	20–30 лет (n=80)
A	63,2±10,2	67,5±10,3	65,9±14,4	**48,8±11,5***	**66,6±13,3****	**71,4±12,4*****
	F=0,45; Sig.=0,50			**F=28,48; Sig.=0,00**		
S	**67,4±13,3***	74,5±14,01	**72,5±17,7*****	**55,9±9,8***	**80,4±11,6****	**76,33±18,03*****
	F=29,79; Sig.=0,00	F=0,07; Sig.=0,78	**F=29,79; Sig.=0,00**	**F=29,79; Sig.=0,00**		

L	66,8±12,4	**68,3±11,8****	64,7±14,4	**54,4±8,4***	73,4±12,8	**75,5±12,8*****
	F=19,38; Sig.=0,00	**F=7,58; Sig.=0,00**	F=19,38; Sig.=0,00	**F=7,58; Sig.=0,00**	F=19,38; Sig.=0,00	**F=9,45; Sig.=0,00**
E	**62,9±14,2***	68,3±15,8	65,2±19,6	**50,9±5,6***	**68,5±17,7****	**59,8±18,9*****
	F=14,39; Sig.=0,00	F=7,13; Sig.=0,00	F=7,13; Sig.=0,00	**F=14,39; Sig.=0,00**		
I	**65,7±11,2***	72,2±13,2	**71,6±17,2*****	**49,4±10,0***	72,7±15,2	**74,6±16,01*****
	F=34,12; Sig.=0,00	F=26,51; Sig.=0,00	**F=34,12; Sig.=0,00**	**F=34,12; Sig.=0,00**	F=26,51; Sig.=0,00	**F=34,12; Sig.=0,00**
D	**51,01±13,5***	56,6±12,2	55,0±13,2	**46,9±15,8***	**55,6±18,9****	**62,3±11,03*****
	F=10,52; Sig.=0,00	F=0,39; Sig.=0,53	F=0,39; Sig.=0,53	**F=10,52; Sig.=0,00**		
G	15,6±5,4	13,4±4,6	13,6±5,0	15,1±5,9	14,1±5,8	13,02±4,1
	F=0,36; Sig.=0,70			F=0,36; Sig.=0,70		

Примечание: знак (*) – достоверные различия между возрастными группами 12–15 и 16–18 лет при $p \leq 0,05$; знак (**) – достоверные различия между возрастными группами 16–18 и 20–30 лет при $p \leq 0,05$; знак (***) – достоверные различия между возрастными группами 12–15 и 20–30 лет при $p \leq 0,05$. A – адаптация; S – самопринятие; L – принятие других; E – эмоциональная комфортность; I – интернальность; D – стремление к доминированию; G – эскапизм.

Анализ возрастной динамики изменения показателей социальной адаптации у респондентов, занимающихся спортом, показал, что с возрастом уровень адаптации не изменяется, в отличие от респондентов, не занимающихся спортом. Возможно, это связано с тем, что большую роль в спортивной деятельности играют факторы «конкуренция» и «успех», которые по своей природе содержат предпосылки к дезадаптированности личности в образовательной среде.

В подростковом возрасте включение в занятия спортом, спортивное социальное окружение выступают как привлекательная среда общения. По мере углубления профессионализации конкурентность взаимоотношений вызывает настороженное, недо-

верчивое отношение к окружающим. Поэтому мы наблюдаем незначительное увеличение уровня принятия других и эмоционального комфорта в социуме, в отличие от респондентов, не занимающихся спортом.

Спорт как образовательная среда может способствовать развитию ответственности и доминирования, начиная ещё с подросткового возраста, на это указывает высокий показатель интернальности и стремления к доминированию у спортсменов–подростков, но при этом данный фактор социальной адаптации с возрастом не изменяется у них, в отличие от респондентов, не занимающихся спортом.

Поэтому мы наблюдаем, что с возрастом респонденты 16–18 лет, занимающиеся спортом, становятся более довольны собой, более эмоциональными, более ответственными и менее ведомыми. В свою очередь, спорт как образовательная среда дает стимул для развития ответственности и доминирования у личности как субъекта деятельности. По мере углубления профессионализации конкурентность взаимоотношений вызывает настороженное, недоверчивое отношение к окружающим. Так как, согласно анализу спортивной карьеры, в возрасте 24–30 лет спортсменам приходится добиваться совершенствования своего профессионального мастерства, с одной стороны, и появляется стремление человека на равных условиях труда добиться устойчивого положения в найденном профессиональном поле, с другой стороны. Поэтому мы видим, что респонденты, занимающиеся спортом, с возрастом не принимают других, в отличие от их сверстников (табл. 2).

По-видимому, включение в занятия спортом на начальном этапе спортивной карьеры выступает дополнительным ресурсом социальной адаптации, который связан с приобретением социального опыта. А соответствие занятий спортом стереотипу мужественности является позитивным фактором, благоприятствующим благополучию взаимоотношений с социальным окружением [3, 5, 8, 11].

Уменьшение различий по показателям социальной адаптации с возрастом, по-видимому, можно расценить, с одной стороны, как свидетельство того, что жёсткие условия спортивной карьеры с возрастом побуждают спортсменов к более реалистичной оценке своей позиции в социуме, так как большинство спортсменов после 30-ти лет завершают свою спортивную карьеру. С другой стороны, независимо от пола и спортивной квалификации, факторы «конкуренция» и «успех» по своей природе содержат предпосылки к дезадаптированности личности.

Спортивная карьера в условиях ранней профессионализации вносит изменения в нормативное течение личностного развития спортсменов, на разных этапах их подготовки, но не нарушает его, поскольку факторы социальной адаптации спортсменов находятся в пределах возрастной нормы, а видоизменяет, создавая факторы, ускоряющие социализацию личности на определенных этапах профессионального становления.

Анализ этапов профессионального развития открывает новое направление в совершенствовании психологического обеспечения подготовки спортсменов, связанное с созданием предпосылок для их становления в личностном плане, с укреплением на этой основе уверенности в себе и эмоциональной стабильности спортсменов в условиях ранней профессионализации во временных рамках, соответствующих типичной спортивной карьере.

Дальнейшие наши исследования были посвящены выявлению специфики влияния занятий спортом на гендерные аспекты социальной адаптации личности подросткового, юношеского возраста и периода ранней взрослости. Нами было предположено, что у респондентов данных возрастных групп, рано включившихся в профессиональную деятельность, одновременно с прогрессом и ростом спортивного мастерства могут наблюдаться сложности в адаптации.

Одним из направлений нашего исследования было изучение влияния включенности в занятия спортом и пола, а также взаи-

мовлияния этих факторов на показатели и факторы социальной адаптации личности в социуме (табл. 3).

Таблица 3.

Результаты дисперсионного анализа влияния включенности в занятия спортом и половой принадлежности на социальную адаптацию

Социальная адаптация	Включенность в занятия спортом		Пол		Включенность в занятия спортом *пол	
	F	Sig.	F	Sig.	F	Sig.
адаптированность	**11,37**	**0,00***	**14,28**	**0,00***	1,53	0,22
Адаптация	**4,29**	**0,04***	1,36	0,24	0,45	0,50
принятие других	**8,08**	**0,00***	0,03	0,85	1,92	0,17
эмоциональная дискомфортность	**11,39**	**0,00***	0,02	0,89	2,86	0,09
Эмоциональная комфортность	**9,71**	**0,00***	0,11	0,73	0,67	0,41
внутренний контроль	**40,66**	**0,00***	**28,69**	**0,00***	0,27	0,60
Интернальность	**5,79**	**0,02***	**5,51**	**0,02***	2,74	0,10
доминирование	0,00	0,98	**9,24**	**0,00***	2,43	0,12
Эскапизм	0,06	0,81	**35,14**	**0,00***	**5,415**	**0,02***

Примечание: знак (*) – достоверные различия при $p \leq 0,05$.

Для выявления связей между исследуемыми показателями включенности в занятия спортом, полом и социальной адаптацией был проведен дисперсионный анализ с помощью программы «SPSS Statistica 17.0».

Дисперсионный анализ показал, что для всех исследуемых респондентов, на уровень их социальной адаптации личности оказывают влияние как включенность в занятия спортом, так и половая принадлежность, особенно выделяются показатели личностного развития «адаптированность», «внутренний контроль»

и фактор «интернальность». А сочетание показателей включенности в занятия спортом и пола, влияет на формирование только одного показателя – «эскапизм» (табл. 3).

Сравнительный анализ показателей социальной адаптация у респондентов, занимающихся и не занимающихся спортом, в зависимости от половой принадлежности, свидетельствует о различиях в формировании уровня социальной адаптации у респондентов разного пола в зависимости от образовательной среды (табл. 4).

Таблица 4.

Средние значения показателей социальной адаптации у юношей и девушек, занимающихся и не занимающихся спортом (баллы/проценты) (Ccp±d)

Социальная адаптация	Занимающиеся спортом (n=209)		Не занимающиеся спортом (n=240)	
	юноши (n=96)	девушки (n=113)	юноши (n=120)	девушки (n=120)
адаптированность	138,6±26,8	**150,4±17,6***	134,9±20,6	**140,9±22,1****
дезадаптированность	71,2±30,1	**83,2±32,7***	74,2±36,2	**80,1±34,4****
Адаптация	66,03±12,9	65,2±10,1	63,11±18,2	64,7±11,7
принятие себя	45,4±9,4	**50,1±7,3***	44,4±9,2	**48,2±8,4****
Самопринятие	73,7±16,1	69,6±13,8	72,6±17,1	74,8±15,8
Принятие других	66,9±13,7	66,9±11,7	67,5±13,2	**71,7±15,4****
Эмоциональная комфортность	66,9±17,6	64,6±15,2	62,1±18,01	62,2±17,3
внутренний контроль	53,5±10,5	59,25±8,7	47,1±7,02	**53,1±11,9****
внешний контроль	16,1±9,8	20,6±9,9	15,2±10,6	**19,5±9,9****
Интернальность	71,3±15,8	68,5±11,8	**71,4±16,5****	64,7±17,8
Стремление к доминированию	54,8±14,8	53,8±11,4	55,3±18,5	55,6±15,9
Эскапизм	12,9±4,9	15,25±4,9	11,7±4,2	**16,2±5,7****

Примечание: знак (*) – достоверные различия между показателями юношей и девушек, занимающихся спортом при $p \leq 0,05$; знак (**) – достоверные различия между показателями юношей и девушек, не занимающихся спортом при $p \leq 0,05$.

В результате проведенных исследований для всех исследуемых категорий респондентов ведущими показателями развития личности в социуме являются «адаптированность», «дезадаптированность» и «принятие себя», которые достоверно выше у девушек, независимо от образовательной среды (табл. 4).

Далее сходство факторов развития личности между юношами и девушками заканчиваются. Мы видим, что у юношей и девушек, включившихся в занятия спортом, мы не выявили более никаких различий факторов развития личности, в отличие от юношей и девушек, не включившихся в занятия спортом. Для девушек, не занимающихся спортом, дополнительными показателями развития личности являются – «внутренний и внешний контроль», а так же факторы – «принятие других» и «эскапизм», в свою очередь для юношей, не занимающихся спортом, дополнительными фактором развития личности является только – «интернальность» (табл. 4).

Усиление различий показателей социальной адаптации между юношами и девушками, не занимающихся спортом, можно, по-видимому, расценить как следствие усвоения ими гендерных ролей, в соответствии с которыми юноши должны быть более ответственными, чем девушки, на это указывает высокий показатель «интернальности» у юношей. Возможно, именно осознание своей ответственности делает юношей более критичными к себе по сравнению с девушками. Девушки в соответствии со своей гендерной ролью менее интернальны, но более адаптированы, более довольны собой, менее склонны к эскапизму (табл. 4).

Отсутствие существенных различий по показателям социальной адаптации между юношами и девушками, включившихся в занятия спортом, является, скорее всего, одним из следствий профессионализации. Усвоение гендерной роли девушками-спортсменками осложняется противоречиями между традиционной женской моделью поведения и требованиями «мужского» вида деятельности, каким является спорт [2, 3, 5, 8, 11].

Для более детального выявления влияния занятий спортом на социальную адаптацию спортсменов нами был проведен многофакторный дисперсионный анализ выявления различий средних показателей социальной адаптации в зависимости от возраста и пола у юношей и девушек, занимающихся и не занимающихся спортом (табл. 5–7).

Для всех исследуемых категорий респондентов 12–15 лет ведущими факторами развития личности в социуме являются «самопринятие», который достоверно выше у мальчиков, независимо от образовательной среды. Далее сходство факторов развития личности между мальчиками и девочками 12–15 лет независимо от образовательной среды нами не было установлено (табл. 5). При этом мы наблюдаем у мальчиков 12–15 лет, включившихся в занятия спортом, дополнительные факторы социальной адаптации – «адаптация» и «принятие других», в отличие от девочек (табл. 5).

Таблица 5.

Установленные многофакторным дисперсионным анализом различия средних показателей социальной адаптации в зависимости от возраста и пола у респондентов 12–15 лет, занимающихся и не занимающихся спортом (проценты) / (Ccp±d)

Независимая переменная / Зависимая переменная	Группа респондентов 12–15 лет (n=153)			
	занимающиеся спортом(n=73)		не занимающиеся спортом (n=80)	
	мальчики	девочки	мальчики	девочки
Адаптация	**65,3±10,4**	61,9±10,1	42,7±11,8	**54,9±7,4**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=15,66; Sig.=0,00***		**F=15,66; Sig.=0,00****	
Самопринятие	**72,7±12,2**	64,1±13,1	**58,4±9,5**	53,5±9,8
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=12,06; Sig.=0,00****		**F=12,06; Sig.=0,00****	
Принятие других	**69,3±11,5**	65,3±12,8	55,8±9,2	53,1±7,6
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=8,93; Sig.=0,00***		F=0,09; Sig.=0,76	
Эмоциональная комфортность	62,8±14,6	63,1±14,0	52,6±4,6	49,2±6,3
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,67; Sig.=0,41		F=0,67; Sig.=0,41	
Интернальность	67,4±12,1	64,7±10,7	**53,2±5,5**	45,6±12,1

Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=2,74; Sig.=0,10		**F=12,27; Sig.=0,00****	
Стремление к доминированию	52,5±16,9	50,1±11,0	36,2±14,0	**57,8±8,7**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,80; Sig.=0,37		**F=3,77; Sig.=0,02****	
Эскапизм	14,3±4,8	16,4±5,7	10,3±0,8	**20,0±4,8**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,36; Sig.=0,70		**F=5,41; Sig.=0,02****	

Примечание: знак (*) – достоверные различия между девочками и мальчиками, занимающимися спортом, при $p \leq 0,05$; знак (**) – достоверные различия между девочками и мальчиками, не занимающимися спортом, при $p \leq 0,05$.

У респондентов 12–15 лет, не занимающихся спортом, мы видим, что у мальчиков дополнительными факторами социальной адаптации выступают – «самопринятие» и «интернальность», делая их более ответственными. А у девочек – «адаптация», «стремление к доминированию» и «эскапизм», что указывает на то, что они менее интернальны, но более адаптированы, более довольны собой, менее склонны к эскапизму (табл. 5).

Для всех исследуемых категорий респондентов 16–18 лет ведущими факторами развития личности в социуме являются «интернальность», который достоверно выше у юношей, независимо от образовательной среды; и «эскапизм», который достоверно выше у девушек, независимо от образовательной среды. Далее сходство факторов развития личности между юношами и девушками 16–18 лет независимо от образовательной среды нами не было установлено (табл. 6).

В группе юношей и девушек 16–18 лет, включившихся в занятия спортом, у юношей преобладает фактор социальной адаптации – «самопринятие», а у девушек – «эскапизм» (табл. 6). Отсутствие существенных различий по факторам социальной адаптации между юношами и девушками 16–18 лет, включившихся в занятия спортом, является, скорее всего, одним из следствий профессионализации.

У юношей и девушек 16–18 лет, включившихся в занятия спортом, мы не выявили более никаких различий факторов развития личности, в отличие от юношей и девушек, не занимающихся спортом.

А у юношей 16–18 лет, не занимающихся спортом, дополнительными факторами развития личности являются – «эмоциональная комфортность» и «стремление к доминированию», в свою очередь для девушек, не занимающихся спортом, дополнительным фактором развития личности является «принятие других» (табл. 6).

Юношеский возраст – это период самоопределения и развития личности, а ведущей деятельностью является учебно-профессиональная подготовка [92]. Поэтому усиление гендерных различий у девушек и юношей, не занимающихся спортом, по факторам социальной адаптации можно, по-видимому, так же расценить как следствие усвоения ими гендерных ролей, как и в группе подростков, не занимающихся спортом (табл. 6).

Таблица 6.

Установленные многофакторным дисперсионным анализом различия средних показателей социальной адаптации в зависимости от возраста и пола у респондентов 16–18 лет, занимающихся и не занимающихся спортом (проценты) / (Ccp±d)

Независимая переменная / Зависимая переменная	Группа респондентов 16–18 лет (n=165)			
	занимающиеся спортом (n=85)		не занимающиеся спортом (n=80)	
	юноши	девушки	юноши	девушки
Адаптация	68,3±10,8	66,6±9,7	67,7±15,2	65,7±11,3
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,45; Sig.=0,50		F=0,45; Sig.=0,50	
Самопринятие	**76,9±14,5**	71,5±12,5	80,3±12,2	80,6±11,1
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=12,06; Sig.=0,00***		F=1,76; Sig.=0,18	
Принятие других	68,3±12,3	68,3±11,4	68,0±12,03	**78,7±11,3**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,09; Sig.=0,76		**F=8,93; Sig.=0,00****	

Эмоциональная комфортность	70,1±16,3	66,2±15,3	**72,3±16,2**	64,7±18,5
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,67; Sig.=0,41		**F=3,43; Sig.=0,03****	
Интернальность	**74,3±14,1**	69,5±11,5	**77,04±15,5**	68,3±13,6
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=12,27; Sig.=0,00***		**F=12,27; Sig.=0,00****	
Стремление к доминированию	57,9±11,6	55,2±12,9	**60,5±18,6**	50,8±18,4
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,80; Sig.=0,37		**F=3,77; Sig.=0,02****	
Эскапизм	12,1±4,5	**15,1±4,4**	12,0±5,5	**16,2±5,6**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=5,41; Sig.=0,02***		**F=5,41; Sig.=0,02****	

Примечание: знак (*) – достоверные различия между показателями юношей и девушек 16–18 лет, занимающихся спортом, при $p \leq 0,05$; знак (**) – достоверные различия между показателями юношей и девушек 16–18 лет, не занимающихся спортом, при $p \leq 0,05$.

Для всех исследуемых категорий респондентов 20–30 лет ведущими факторами развития личности в социуме являются «самопринятие», который достоверно выше у женщин независимо от образовательной среды. Далее сходство факторов развития личности между юношами и девушками 20–30 лет независимо от образовательной среды нами не было установлено (табл. 7).

В группе мужчин и женщин 20–30 лет, включившихся в занятия спортом, мы видим, что для женщин дополнительными факторами личностного развития выступают – «адаптация», «принятие других» и «стремление к доминированию», по сравнению с мужчинами, у которых мы не выявили больше дополнительных факторов (табл. 7).

Усиление с возрастом различий по факторам социальной адаптации между женщинами и мужчинами 20–30 лет, включившихся в занятия спортом, можно расценивать так же как одно из следствий ранней профессионализации. Согласно анализу этапов профессионального развития спортивной карьеры, в период

с 24-х до 30-ти лет спортсмены входят в стадию сохранения, где осуществляется совершенствование профессионального мастерства. А процесс их профессиональной деятельности осуществляется на достигнутом профессиональном уровне без выхода за рамки избранной профессии.

Таблица 7.

Установленные многофакторным дисперсионным анализом различия средних показателей социальной адаптации в зависимости от возраста и пола у респондентов 20–30 лет, занимающихся и не занимающихся спортом (проценты) / (Ccp±d)

Независимая переменная / Зависимая переменная	Группа респондентов 20–30 лет (n=131)			
	занимающиеся спортом (n=51)		не занимающиеся спортом (n=80)	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Адаптация	61,8±19,8	**68,7±9,2**	72,8±14,3	70,4±10,9
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=15,66; Sig.=0,00***		F=0,45; Sig.=0,50	
Самопринятие	67,8±22,3	**75,6±13,4**	70,1±22,3	**81,2±12,4**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=12,06; Sig.=0,00***		**F=12,06; Sig.=0,00****	
Принятие других	60,1±18,1	**67,7±10,6**	77,5±9,8	74,1±14,9
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=8,93; Sig.=0,00***		F=0,09; Sig.=0,76	
Эмоциональная комфортность	65,4±23,5	65,1±16,9	49,9±17,4	**67,7±16,5**
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,67; Sig.=0,41		**F=3,43; Sig.=0,03****	
Интернальность	69,6±22,6	72,9±12,6	76,7±13,5	73,01±17,9
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=2,74; Sig.=0,10		F=2,74; Sig.=0,10	
Стремление к доминированию	51,0±17,7	**57,7±8,5**	62,6±6,7	62,2±13,7
Оценка эффектов межгрупповых факторов	**F=3,77; Sig.=0,02***		F=0,80; Sig.=0,37	
Эскапизм	13,2±6,1	13,8±4,2	12,7±2,6	13,3±5,04
Оценка эффектов межгрупповых факторов	F=0,36; Sig.=0,70		F=0,36; Sig.=0,70	

Примечание: знак (*) – достоверные различия между показателями женщин и мужчин 20–30 лет, занимающихся спортом, при $p \leq 0,05$; знак (**) – достоверные различия между показателя-

ми женщин и мужчин 20–30 лет, не занимающихся спортом, при $p \leq 0,05$.

Ориентация женщин, включившихся в спорт высших достижений, на достижение высоких результатов, зависимость успехов от взаимоотношений с товарищами по команде побуждает к активному поиску путей и способов конструктивного взаимодействия с социальным окружением. Реально достигаемые успехи укрепляют уверенность в своей способности контролировать значимые ситуации собственной жизни. Согласно литературным данным, в спорте в силу, его соревновательности и конкурентности более адаптивными оказываются маскулинные модели поведения, и именно маскулинная модель поведения оказывается наиболее адаптивной [3, 5, 8, 11]. Поэтому мы наблюдаем, что у женщин, занимающихся профессиональным спортом, вырабатываются механизмы адаптированности, ориентирования на себя и на других как значимых, в отличие от мужчин, занимающихся профессиональным спортом.

Снижение некоторых факторов социальной адаптации у мужчин, занимающихся профессиональным спортом, по-видимому, можно расценить, с одной стороны, как свидетельство того, что жёсткие условия спортивной деятельности побуждают к более реалистичной оценке своей позиции в социуме, на это указывает сохранение у них высокого показателя «интернальности». С другой стороны, предъявляемые гендерные стереотипы к мужчинам в обществе намного выше, чем требования к женщинам. При этом мужчинам, в силу их гендерной роли, от природы свойственны мужественность, ответственность, что является показателями маскулинной модели поведения.

В группе мужчин и женщин 20–30 лет, не занимающихся спортом, мы видим, что для женщин дополнительным фактором личностного развития выступает – «эмоциональная комфортность», по сравнению с мужчинами, у которых мы не выявили больше дополнительных факторов (табл. 7).

Отсутствие существенных различий по показателям социальной адаптации между женщинами и мужчинами 20–30 лет, не занимающимися спортом, является, с одной стороны, стремлением человека на равных условиях труда добиться устойчивого положения в найденном профессиональном поле, с другой стороны – обусловлено приобретением в данной области уровня профессионального мастерства.

Таким образом, анализ полученных данных на этом этапе исследования показал, что с возрастом, у спортсменов разного пола увеличиваются различия по факторам социальной адаптации по отношению к группе респондентов, не занимающихся спортом. Эти различия сильнее выражены у девушек, чем у юношей. Как у юношей, так и у девушек с возрастом прослеживается усиление разнонаправленности влияния включенности в занятия спортом на разные параметры социальной адаптации.

Проведенный анализ изучения влияния включенности в занятия спортом, возраста и пола, а также взаимовлияния этих факторов на показатели социальной адаптации спортсменов в условиях ранней профессионализации выявил следующие основные факты: 1) включение спортсменов по существу в профессиональную деятельность оказывает влияние на их социальную адаптацию. Это влияние особенно заметно в группе подростков 12–15 лет, так как для детей подросткового возраста важно признание сверстников. Оно зависит как от физической силы, так и от соответствия внешнего облика и поведения гендерным стереотипам. Поэтому респонденты, занимающиеся спортом, имеют больше предпосылок для успешной социальной адаптации, чем не занимающиеся спортом; 2) включение в вид деятельности, являющийся в общественном мнении мужским, по-видимому, затрудняет освоение гендерной роли девушками, поскольку приводит к формированию у них, как показывают данные исследования, маскулинных моделей поведения. Это значит, что соперничество и конкуренция в спорте побуждает к совершенствованию способов взаимо-

действия с социальным окружением, но при этом существенно затрудняют взаимодействие человека в непрофессиональной деятельности, создавая предпосылки для возникновения профессиональной деформации личности; 3) влияние включенности в занятия спортом на социальную адаптацию респондентов, в зависимости от пола и возраста имеет отчётливо проявляющиеся гендерные аспекты, что подтверждается различием уровней социальной адаптации юных спортсменов разного пола; 4) влияние раннего включения в профессиональную деятельность зависит, по-видимому, от степени приемлемости вида спорта для спортсменов определённого пола. Об этом свидетельствуют высокие показатели социальной адаптации у мальчиков, занимающихся спортом, избравших вид спорта, который позволяет развивать и демонстрировать свойства личности и образцы поведения, соответствующие стереотипу мужественности; и низкий показатель социальной адаптации у девочек, занимающихся спортом, который в меньшей степени поощряется социальным окружением, а в некоторых случаях вызывает полоролевой конфликт, связанный с интересом к виду спорта, рассматриваемому как не очень подходящий для девочек, девушек и женщин, с одной стороны, и опасением утратить красоту и женственность, с другой.

Таким образом, исходя из выше приведённых данных, можно резюмировать, что ранняя профессионализация вносит изменения в нормативное течение личностного развития, но не нарушает его, поскольку показатели личностного развития социальной адаптации спортсменов находятся в пределах возрастной нормы. Позитивной стороной влияния включенности в занятия спортом является преимущество спортсменов над не занимающимися спортом по сформированности субъектных свойств личности, делающих спортсменов активными в построении своего жизненного пути, особенно это заметно в подростковом возрасте. Негативной стороной влияния включенности в занятия спортом является вызываемое соперничеством и жесткостью среды об-

щения изменение нормативного развития взаимоотношений со значимыми другими, с одной стороны, а факторы «конкуренция» и «успех», которые по своей природе содержат предпосылки к дезадаптированности личности в образовательной среде, с другой стороны.

Литература

1. Вълканова Я.Х. Влияние занятий спортом на развитие личностных предпосылок устойчивости к стрессу в подростковом возрасте. Автореферат дис. … канд. психол. наук. Краснодар: 2005. 24 с.
2. Горская Г.Б. Прогнозирование психологических эффектов ранней профессионализации детей: теоретические основания // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал. 2008. № 4. С. 56–63.
3. Горская Г.Б. Психологическое обеспечение многолетней подготовки спортсменов. Краснодар: КГУФКСТ, 2008. 220 с.
4. Деркач А.А. Субъектность и субъективность в акмеологическом развитии человека // Акмеология. М., 2008. № 1. С. 132–138.
5. Зернова Т.И. Влияние различных форм ранней профессионализации на личностное развитие подростков. Автореферат дис. … канд. психол.
6. Лубышева Л.И. Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 11–15.
7. Мудрик А.В. Социализация человека как проблема // Социальная педагогика. 2005. № 4. С. 47–56.
8. Ольшанская С.А. Развитие психологических предпосылок субъектности у спортсменов старшего школьного возраста. Автореферат дис. … канд. психол. наук. Краснодар: 2004. 22 с.
9. Пархоменко Е.А. Возрастные аспекты влияния специфики вида спорта на социальную адаптацию спортсменов / Е.А. Пархоменко // Физическая культура, спорт – наука и практика: научно-методический журнал. 2013. №3. С. 56–59.

10. Пархоменко Е.А. Особенности влияния специфики вида спорта на социальную адаптацию девушек и юношей в условиях ранней профессионализации / Е.А. Пархоменко // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. Москва. 2013. № 5.
11. Пархоменко Е.А. Особенности личностного и интеллектуального развития спортсменов в условиях ранней профессионализации. Автореферат дис. … канд. пед. наук. Краснодар: 2002. 27 с.
12. Пархоменко Е.А. Ранняя профессионализация в спорте: социально-психологический аспект // Психология XXI века: Тезисы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. СПб., 2002. С. 271–273.
13. Рогалева Л.Н., Малкин В.Р. Установки тренера и особенности личностного развития юных спортсменов // 9 Международный научный конгресс «Олимпийский спорт и спорт для всех». Киев: Национальный университет физического воспитания и спорта Украины, 2005.
14. Стамбулова Н.Б. Психология спортивной карьеры. СПб.: Издательство «Центр карьеры», 1999. 368 с.
15. Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник психологии. М., 2011. № 1. С. 45–54.
16. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Избранные психологические труды. М.: «Педагогика». С. 60–77.
17. Carrier C. The adolescent-champion paradox // Movement and Sport. Psychological foundations and effects. 8 European Congress of Sport Psychology. Abstracts. Cologne, 1991. P. 28.
18. Heyman S.R. Counselling and psychotherapy with athletes: special concideration // Sport Psychology. (Eds. J.R. May. M.J. Asken). N.-Y.: PMA Publishing Corp, 1987. P. 135–156.
19. Oguilvie B.G. Counselling for sport career termination // Sport Psychology (Eds. J.R.. May. M.J. Asken). N.-Y.: PMA Publishing Corp, 1987. P. 213–230.

Глава VIII

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Фаткуллина Ф.Г., Климович О.В.

Введение

В современных филологических исследованиях актуальными являются исследования не столько знаковой стороны языка, т.е. внешней оболочки, а скорее личности человека как производителя речи с его желаниями и интенциями. Для того чтобы глубже проникнуть в природу языка, важно изучить природу самой личности, ее ментальный мир.

Наше исследование посвящено языковой репрезентации концептов и концептосфер институционально (судебного) дискурса. Работа проводится в русле таких дисциплин, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, анализ дискурса, ставящих своей целью исследование тех ментально-психических процессов, результатом которых является речь человека.

Лингвокультурология является одной из активно развивающихся отраслей языкознания, вместе с тем, многие понятия этой области знания ещё недостаточно освещены в научной литературе. К таким спорным, регулярно обсуждаемым вопросам относится и проблема терминологической квалификации и наполнения понятия *концептосфера* [Лихачёв 1997; Попова, Стернин: 2002; Смирнова 2008 и др.]. Кроме этого, в современном отечественном языкознании в рамках когнитивной лингвистики

и лингвокультурологии уделяется большое внимание описанию отдельных концептов национальных и индивидуально-авторских картин мира. Наибольший интерес представляют концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний человека о тех или иных явлениях окружающего мира и являющиеся частью национальной культуры. Представители когнитивной лингвистики и лингвокультурологии справедливо утверждают, что концептуальная система, отображенная в сознании личности в виде языковой картины мира, зависит от коллективного и индивидуального культурного опыта и непосредственно связана с ним. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к базовым концептам национальной культуры и, в частности, концептам «Суд», «Право», «Закон» и т.п. Однако число комплексных исследований, включающих анализ исчерпывающего состава лексико-семантических, фразеологических и контекстных единиц, представляющих тот или иной концепт, ещё не велико.

Довольно редко являются объектом такого научного описания и близкие по значению//происхождению//функционированию концепты в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а также группы (серии) концептов, составляющие концептосферу национальной картины мира в целом или представляющие её отдельные фрагменты. Не проводилось сравнительных исследований картин мира национальных языков в пределах судебного дискурса, ставящих целью изучить и описать концептосферу человека.

1. Теоретические проблемы языковой концептуализации в современном русском языке

В отечественной лингвистике существуют разные подходы к интерпретации понятий «когнитивизм», «когниция» и «когнитивная наука», получившие отражение в концепциях С.Д. Кацнельсона (1972), А.А. Кибрика (1994), М.В. Пименовой (2004), Е.С. Кубряковой (2001). Обобщив исходные положения, мы мо-

жем констатировать, что когнитивная наука – это наука о когниции, о результатах восприятия окружающей действительности, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые хранятся в сознании человека и выступают основой ментальных и когнитивных процессов. Когниция – это понятие, охватывающее не только целенаправленное познание, но и обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром.

Когнитивная лингвистика занимается анализом концептуализации и категоризации данных опыта, описанием способов концептуальной организации знаний в процессах восприятия, понимания и построения языковых сообщений и установлением когнитивных оснований различных языковых явлений. Результаты познавательной деятельности (категоризации или концептуализации) закрепляются в концептах.

Проблема изучения концепта занимает центральное место в когнитивной лингвистике и встречается в исследованиях не только лингвистов, но и философов, логиков, психологов. Из отечественных ученых огромный вклад в изучение концептов внесли Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Н.Д. Арутюнова и др. Суть концепта раскрывает определение Ю.С. Степанова (1997): «Концепт существует в ментальном мире человека не в виде четких понятий, а как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово», но «в отличие от понятий, концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений». Понятие образует наиболее стабильный пласт концепта, представляющего собой обобщенное абстрагированное знание, общее для всего этноязыкового коллектива [Алефиренко 2005: 54–55]. По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это единица «ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той

информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике». Концепты рождаются в процессе восприятия мира, создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт [Кубрякова 1994].

В лингвокультурологическом смысле концепт определяется как «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997]; «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных 2003: 272]. Основой для образования концепта может служить только то явление реальной действительности, которое становится объектом оценки. Один и тот же концепт интерпретируется по-разному разными людьми, принадлежащими к разным социальным группам одной лингвокультурной системы. «Концепт представляет собой любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимого в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 2001: 53]. Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем коллективные, так как «коллективное сознание и опыт есть не что иное, как условная производная от сознания и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив» [Слышкин 2000: 16]. Миропонимание индивида складывается из концептов, совокупность которых образует концептосферу. Концептосфера включает в свою структуру ядро, приядерную зону и периферию. «Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные» [Маслова 2005: 17].

Что касается главных признаков концепта, то ими являются: а) способность соотноситься с разными языковыми единицами;

б) связь с другими концептами; в) существование смыслового фона, из которого выделяется концепт [Болдырев 2000]. А.П. Бабушкин выделяет следующие свойства концепта: а) концепт – это ментальная репрезентация, определяющая взаимосвязь вещей между собой; б) концепт – это идеальный образ; в) концепт обязательно обозначается словом.

Проанализировав ряд концепций, можно прийти к выводу, что концепт – сущность ментальная (мыслительная), ненаблюдаемая. Будучи глобальной мыслительной единицей, концепт представляет собой квант структурированного знания [Попова, Стернин 2001: 18], т.е. основная часть этих знаний хранится в сознании людей в виде различных ментальных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, чему посвящен следующий параграф нашей исследовательской работы.

2. Концептосфера языковой картины мира в судебном дискурсе

2.1. Понятия дискурса в современной филологии

По мнению современных ученых, такой многоаспектный лингвистический объект, каким является дискурс, требует междисциплинарного подхода [Е.С. Кубрякова, В.В. Красных и др.]. Основы изучения дискурса заложены фундаментальными исследованиями в области функциональной стилистики и языков для специальных целей (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, М.М. Глушко, М.Н. Кожина и др.). Изучение дискурса является сравнительно молодым, но активно развивающимся направлением современной лингвистики. Все более регулярно появляются исследования, посвященные проблемам дискурса активных социальных сфер – политики, экономики, журналистики и др. Судебная коммуникация, в числе прочих, также привлекает внимание исследователей, являющихся представителями самых разных областей научного знания.

Дискурс как коммуникативный феномен допускает множество измерений и подходов к его изучению. Дискурс представляет собой «связный текст», «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1999]. Важнейшими характеристиками дискурса признаны форма связного текста, обусловленность экстралингвистическими факторами, событийный аспект и целенаправленное социальное действие [Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, М.Л. Макаров].

Принято различать два основных вида дискурса – институциональный и персональный [Карасик 2002] . Институциональный дискурс, в отличие от персонального, представляет собой специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые вынуждены соблюдать некие нормы, установленные в данном социуме / институте.

Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Так, например, цель судебного дискурса – установление истины, политического – завоевание и удержание власти, педагогического – социализация нового члена общества, медицинского – оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Это врач и пациент, учитель и ученик, политик и избиратель, священник и прихожанин.

Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т.е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс – власть, педагогический – обучение, религиозный – вера, юридический – закон, медицинский – здоровье и т.д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании.

К институциональному относится и юридический дискурс и судебный как его разновидность и составная часть. Для юридического дискурса в целом характерна более широкая коммуникативная сфера, сферой же формирования и функционирования судебного дискурса является зал суда.

Судебный дискурс определяется как особый вид речевой деятельности, имеющий институциональную природу и ритуальный характер. Институциональность судебного дискурса определяется его обязательной соотнесенностью с понятием социального института – суда, который, в сущности, определяет его лингвосемиотическое пространство. Судебный дискурс – это институциональная форма общения, он организуется в рамках определенного социального института (суда), имеет определенную цель (установить истину) и определяется статусно-ролевыми характеристиками участников общения (профессиональными агентами – *судья, прокурор, адвокат* и непрофессиональными клиентами – *подсудимый, свид*етель).

Судебный дискурс – это статусно-ориентированный дискурс, который представляет собой институциональное общение. Его ядром является общение базовой пары участников коммуникации: *судьи* – профессионального агента и граждан, нуждающихся в услугах данного института, – *клиента.* Судьями в соответствии с Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. Это граждане Российской Федерации, имеющие профессиональную подготовку и соответствующие ряду требований, указанных в вышеназванном законе. В арбитражном суде в качестве агента может выступать судья единолично, а также группа в составе трех судей или судьи и двух арбитражных заседателей.

Клиенты – это, во-первых, лица, участвующие в деле, защищающие свои либо чужие права и законные интересы и имеющие

заинтересованность в исходе процесса; во-вторых, представители лиц, участвующих в деле. При этом первая группа лексически разграничена: стороны (истец и ответчик), третьи лица, заявители, заинтересованные лица, прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы. Данное разграничение носит правовой характер и связано с особенностями судопроизводства, например, заявители, заинтересованные лица – в делах особого производства, а также о несостоятельности (банкротстве).

2.2. Понятие концептосферы в современной когнитивной лингвистике

Существование общественных форм сознания и соответствующих «картин» мира с убедительностью доказывает, что в сознании человека присутствует отражённая картина окружающей действительности и внутреннего мира, в формировании которой чрезвычайно велика роль языка. Язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собою все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума.

Обычно различают две картины мира – **концептуальную** и **языковую.** Под концептуальной картиной мира подразумевается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания. Языковая картина мира – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закреплённая языковыми средствами. Сердцевиной концептуальной картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира – это знание, закреплённое в словах и словосочетаниях конкретных языков. Языковая картина мира имеет, таким образом, двоякую природу: она принадлежит системе знания и системе языка. Являясь

способом хранения языковых знаний и знаний о мире, языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от концептуальной.

Важнейшим понятием современной антропоцентрической лингвистики является понятие ***концептосферы*** – области знаний, составленной из концептов как её единиц, некое целостное и структурированное пространство (Д.С. Лихачев). Однако некоторые ученые называют данное образование концептуальной областью (Ю.С. Степанов, В.П. Нерознак) или концептуальной системой (Р. Павиленис). В каждой модели мира присутствуют как некие универсальные концепты (время, пространство, судьба и т.д.) так и этнические особенности. Соотношение между этими двумя видами концептов и образуют основу национального мировидения. Несмотря на то, что образование концептов в сознании человека возможно и без языка, человек все же постигает мир через язык, так как без участия языка было бы невозможно обогащение уже имеющихся концептов, и появление новых [Фаткуллина, Сулейманова 2011: 1002]

Мир, отражённый в сознании человека, несёт в себе многомерную, сложнейшую систему концептов, из которых складывается определённая картина воспринимаемой действительности – ***языковая картина мира.*** Человек стремится каким-то адекватным способом создать себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной.

Можно выделить следующие наиболее важные ***параметры концептосферы национального языка:***

– богатство концептосферы национального языка определяется богатством всей культуры нации – её фольклором, литературой, научными открытиями и трудами, изобразительным искусством;
– концептосфера национального языка соотносима со всем историческим опытом нации, особенно с религией и мифо-

логией; концептосфера национального языка складывается из множества отдельных вариантов, которые по-разному группируются и проявляют себя;
– каждый концепт, как составляющая концептосферы национального языка, может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста употребления и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя.
– между концептами в составе определённой концептосферы существует связь, определяемая уровнем культуры человека, его принадлежностью к определённому сообществу людей, его индивидуальностью;
– одна концептосфера может сочетаться с другой, при этом каждая из последующих концептосфер в этом сочетании одновременно и сужает предшествующую, и расширяет её;
– концепты создаются не только в индивидуальном опыте человека, особое значение в формировании концептосферы принадлежит писателям и поэтам, носителям фольклора, людям, имеющим отношение к определённым профессиям или принадлежащим к определённым сословиям (особенно крестьянству);
– в качестве имён (номинаций) концептов выступают не только слова, но и фразеологизмы, являющиеся также заместителями, часто очень богатыми, отдельных понятий;
– в концептосферу могут быть вовлечены прецедентные имена, высказывания и ситуации, которые через свои значения или относятся к уже существующим концептам, или порождают новые концепты [см.: Д.С. Лихачев, А.В. Андреева, А.П. Бабушкин и др.].

Концептосфера национального языка – это в сущности концептосфера национальной культуры. Национальный язык поэтому – это не только средство общения, знаковая система для передачи сообщений и хранения знаний, национальный язык –

«заместитель» национальной культуры. Богатство языка определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой являются индивидуальный язык человека (идиостиль) и язык нации, к которой он принадлежит [Лихачёв 1997: 282].

Главное богатство словаря русского языка лежит на уровне концептов и концептосферы.

Концептуальная сфера, в которой живёт любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература и культурный опыт. Она трудно поддаётся сокращению, и только в тех случаях, когда пропадает культурная память в широком смысле этого слова.

З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин: URL] характеризуют понятие концептосферы следующим образом: «Концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления). Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, распространяется и на национальную концептосферу, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация, в свою очередь, предполагает упорядочение её объектов». Таким образом, концептосфера - это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.

Представляется, что базовое стереотипное ядро знаний, или когнитивная база народа, действительно существует, но выделя-

ется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.). Все эти групповые и индивидуальные концептосферы, представляющие интерес для когнитивной лингвистики, можно сопоставлять с национальной концептосферой, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т.д. В когнитивной лингвистике широко практикуется и сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концептов).

В современных лингвокогнитивных исследованиях описание языковой картины мира является средством описания концептосферы народа. Это представляется возможным, потому что языковая и когнитивная картины мира тесно связаны между собой, ведь мышление народа фиксируется и номинируется языком (хотя и не опосредуется им в полной мере) [Фаткуллина, Сулейманова 2011: 1004]. Следовательно, изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определённого периода, позволяет косвенно судить о мышлении народа и когнитивной картине мира в этот период.

Однако, несмотря на то, что языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и позволяет судить о ней исключительно фрагментарно, «более удобного доступа к концептуальной картине мира, чем через язык, по-видимому, не существует. По сей день о наличии или отсутствии концепта в сознании народа можно судить с максимальной точностью именно по наличию или отсутствию языковых единиц, позволяющих обсуждать концепт и передавать его в процессе общения. А именно в наличии

или отсутствии тех или иных концептов, выявляемых в процессе сопоставительного исследования, наиболее ярко проявляется национальная специфика концептосфер» [Смирнова 2008: 241–242; Попова, Стернин 2001].

Концептосфера акцентирует потенции словаря того или иного языка, то есть лексической составляющей языковой системы. Она, в отличие от картины мира, которая является результатом взаимодействия всех средств языковой системы, соотнесена с отражением окружающей действительности в той мере, в какой проявляется национальная специфика существующих в ней концептов, выдвигая на первый план не лингвистическую сторону данного явления, а ментальную.

2.3. Базовые концепты судебного дискурса

Концепты в судебном дискурсе формируются шире, чем просто правовые понятия, что объясняется интердискурсивностью судебного дискурса, интегративным, открытым для всего общества характером судебной коммуникации. Концепты, которыми оперируют судьи, определяются не только правовой нормой, но и широким спектром социальных, культурных, морально-этических и других предпосылок.

Основное значение в историческом формировании данной концептосферы принадлежит русскому народу – создателю богатейшей системы фразеологизмов, пословиц и поговорок, фольклорных текстов разных жанров, непревзойдённых по глубине осмысления, психологической тонкости, наблюдательности, образности и точности выражения. Концептосфера указанного дискурса характеризуется следующими концептами: «Суд», «Право», «Закон», «Адвокат», «Преступление», «Наказание» и под.

Проведем лингвокультурологический анализ юридических терминов, вербализующих базовые концепты судебного права. Базовым концептом судебного дискурса является термин «суд». Проанализировав несколько источников («Толковый словарь

русского языка» С.И. Ожегова, Большой Юридический Словарь, Большой Энциклопедический Словарь), мы можем прийти к выводу, *что «суд» – это государственный орган, рассматривающий гражданские, уголовные и др. дела на основании действующего законодательства и в соответствии с установленными процессуальными правилами.*

Во фразеологической картине мира данный концепт «Суд» представлен следующими фразеологическими единицами: *Божий суд, На суде Божьем право пойдёт направо, а криво налево, Суд не на осуд, а на рассуд, Без суда не казнят, Без суда никто да не накажется, Кто повинился, того суди Бог и др.* Словосочетание *Божий суд* представлено в двух значениях: 1) по религиозным представлениям ‘возмездие от бога за совершённый грех, преступление’; 2) (ист.) ‘поединок или испытание огнём, водой и т.п. как способ разрешения спора в Древней Руси’ [ФСРЯ 2003: 282].

Также базовыми концептами могут являться юридические термины «адвокат» и «прокурор»:

Адвокат – (лат. advocatus, от advoco – приглашаю) – юрист, оказывающий профессиональную правовую помощь физическим и юридическим лицам (посредством консультаций, представительства их интересов в суде), защиту обвиняемого.

Прокурор – должностное лицо органов прокуратуры, наделенное полномочиями по осуществлению прокурорского надзора. В соответствии с процессуальным законодательством РФ участвует в рассмотрении дел судами, опротестовывает противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов [БЮС].

Слово «юрисконсульт» может считаться синонимичным термином вышеуказанных лексем: *Юрисконсульт – (от лат. jurisconsultus – правовед) – работник правовой службы организации. На юрисконсульта возлагается ведение в судах и арбитражных судах дел, по которым организация выступает в качестве истца или ответчика и т. п.*

Носителем судебной власти является судья: *Судья – должностное лицо государства. Согласно Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе* [БЮС].

О недоверии русского народа к служителям закона говорит то, что количество фразеологизмов с отрицательной коннотацией почти в четыре раза больше фразеологизмов с положительной коннотацией *Сперва рассуди, а тамосуди! Не бойся* ***закона,*** *бойся судьи Не всяк судит по* ***праву,*** *иной и по криву С судьёю не спорь, с тюрьмою не вздорь* и др.

В русской языковой картине мира концепт *Право* формируется на основе представления русского (российского) человека о том, что за право нужно бороться, права нужно отстаивать, право на что-либо необходимо доказывать.

Юридический словарь трактует данный термин следующим образом: *Право – это система общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества* [nc-dic.com/legal/Pravo-13447.htm].

В менталитете русского человека юридическому **закону** противостоит **правда** – внутренняя справедливость. В русской языковой картине мира понятие **справедливость** не входит в число юридических терминов и вообще не является необходимым принципом государственного управления и законодательства. Справедливость и законность – для русского народа противоположные категории. В силу этого в составе исследуемой концептосферы необходимо выделение самостоятельных противопоставленных концептов «Правда» и «Справедливость».

Модель судебного процесса отражается в сочетаемостных свойствах прилагательных *справедливый* и *несправедливый:*

справедливый//неспреведливый суд, судья, приговор, закон, справедливые требования, несправедливые обвинения и пр.

Концепты *Преступление и Наказание*, тесно связанные между собой, в русском языковом сознании представлены единым целым: наказание является следствием преступления, однако русский народ не верит в исправление преступника наказанием и сомневается в справедливости наказания вообще, что определяет специфичность этих концептов в русской языковой картине мира.

Существует множество подходов к интерпретации понятий ***право*** и ***закон.*** В современном философском словаре ***право*** определяется как «*общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формальнооп-ределённых и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных норм (правил) поведения и деятельности социальных субъектов*» [Современный философский словарь 2004: 539]. Но право не может эффективно функционировать как регулятор и форма общественных отношений без своего рода защиты, то есть без чёткого, ясного и общедоступного формирования требований принципов справедливости, правового равенства и независимости «в виде конкретизированных и определённых норм общеобязательного ***закона*** и санкций за их нарушение...» [Современный философский словарь 2004: 540].

Вопрос о соотношении *права и закона* очень сложный и вызывает много споров в философской и юридической литературе. Право и закон – неотъемлемые условия существования человека в сообществе людей – близкие, но не тождественные понятия. Наиболее точно разграничение права и закона выражает формула «*Право создаётся обществом, а закон госуд*арством».

Совершенно очевидно, что в юридическом понимании концепты «Право» и «Закон» неотделимы друг от друга и взаимосвязаны. Что касается лингвокультурологического содержания концептов *Право и Закон*, то «концепт *Закон* существует в трёх различных сферах культуры и соответственно слово закон име-

ет три различных основных значения – 1) закон юридический, 2) закон божеский, 3) закон науки» [Степанов 2001: 572].

В России ключевой ценностью является не закон, а справедливость. Само слово *справедливость* не имеет точных переводных эквивалентов в западных языках. Ему соответствуют понятия, подчёркивающие скорее *законность, честность* или *правоту.* «Справедливость в русской культуре воспринимается не только рационально, но и эмоционально» [Андреева 2007: 12]. Известный лингвист А.Д. Шмелёв отмечает, что «в русской культуре существует особое чувство – любовь к справедливости или страсть справедливости» [Шмелёв 2002: 202].

Некоторые из русских слов, служащих для выражения моральной оценки, в высокой степени лингвоспецифичны. Прежде всего это относится и к словам *справедливо, справедливый, справедливость* (и, соответственно, *несправедливо, несправедливый, несправедливость).* Во многих других языках мы найдём в словарях в качестве переводных эквивалентов *справедливости* слова со значением ‘законность’ или ‘честность’ (или ‘праведность’).

Противопоставление *справедливости* и *законности,* которое на многих языках и выразить невозможно, для русского языка и самоочевидно, и необычайно существенно. В частности, важно, что законность никак не гарантирует справедливости. Это противопоставление настолько укоренено в русском языковом сознании, что в плену его находятся даже высшие государственные чиновники, имеющие репутацию честных людей. Следование инструкциям, букве закона зачастую ведёт и к прямой *несправедливости.*

Честность, подобно *законности,* предполагает обращение к какому-либо (писанному или неписанному) кодексу. Прилагательное *честный* применимо к самым разным ситуациям, однако в нём всегда выражается идея неопороченности, незапятнанности *(честное имя),* а главное – следование определённым правилам (в этом отношении оно напоминает слово *порядочность).* Правила эти могут быть разными. Этические представления меняются в зависимо-

сти от социального или исторического контекста, однако это значит, что прилагательное бесконечно меняет лексическое значение. Но в основном круге употреблений самое главное в честности – это чтобы всё было без обмана: без вранья и без жульничества.

Концепты *Преступление и Наказание* являются одними из наиболее важных составляющих исследуемой нами концептосферы. Данные концепты тесно связаны между собой, и в русском языковом сознании часто представлены единым целым. Вдумаемся в этимологию слова *преступление,* происхождение которого связано с глаголом *преступить.* Слово *преступление* образовано от глагола *преступать,* из *пре-* и *ступать,* далее от праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русск. *ступити* и ст.-слав. *ступити*) [Фасмер 2003 т. 3: 788].

Базовым концептом русского судебного дискурса может являться сама ситуация решения судебного спора, которая обозначена целым рядом синонимичных терминов – *судебный процесс, разбирательство, процедура, заседание, спор, тяжба и т.д.*

Приядерную зону концептосферы русского судебного дискурса составляют клишированные фразы: *возбудить уголовное дело* – начать стадию уголовного процесса, в которой орган дознания, дознаватель или следователь с согласия прокурора, а также прокурор в пределах своей компетенции, рассмотрев полученные сведения о совершенном или готовящемся преступлении, устанавливают наличие или отсутствие оснований для начала производства по делу; *снять судимость* означает ее аннулирование специальным по этому поводу решением суда; *судебные прения* – самостоятельная часть судебного разбирательства, наступающая после окончания судебного следствия, в которой участвующие субъекты уголовного процесса подводят итоги; *исправительные работы* – один из видов наказания, которая назначается осужденным, не имеющим основного места работы, и отбывается в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органами.

В русской терминологической системе часто встречается и такое языковое явление, как омонимия. Омонимы по своей форме совпадают со словами ежедневного использования, но они имеют совершенно другое значение, которое может изменяться в зависимости от сферы употребления:

Жалоба – 1) выражение неудовольствия, обычно словесное, по поводу каких-нибудь неприятностей, боли (горькая жалоба); 2) официальное заявление с просьбой об устранении какой-нибудь несправедливости, неправильности (кассационная жалоба) [СРЯ, с. 154].

Защитник – 1) тот, кто защищает, охраняет, оберегает кого-нибудь (славные защитники родины); 2) то же что адвокат [СРЯ, с. 163].

В следующем примере можно увидеть два значения слова «протест», одно из которых принадлежит юриспруденции, например, «протест прокурора»:

Протест – 1) решительное возражение против чего-нибудь (демонстрация протеста против поджигателей войны); 2) заявление о несогласии кого-либо с решением (протест прокурора) [СРЯ, с. 674].

Допрос – 1) опрос обвиняемого свидетеля для выяснения чего-нибудь (обстоятельства, дела, преступления); 2) настойчивое обращение к кому-нибудь с расспросами [СРЯ, с. 120].

Дело 1) работа, занятие, деятельность; 2) судебное разбирательство [СРЯ, с. 111].

Норма – 1) узаконенное установление, признанный обязательный порядок, строй чего-либо (юридическая норма); 2) установленная мера, средняя величина чего-либо [СРЯ, с. 464].

Таким образом, проанализировав синонимы и омонимы в русском судебном дискурсе, мы можем констатировать, что слова, вербализирующие концептосферу судебного дискурса, многозначны. Ядро базовых концептов судебного права, содержание этих концептов представляют их первоначальные словарные зна-

чения. Приядерную зону составляют фразеологические устойчивые выражения и омонимы.

Заключение

В языкознании современного периода можно наблюдать взаимодействие различных направлений в изучении языка, что даёт возможность для более комплексного, объёмного, разностороннего рассмотрения языковых явлений с учётом «человеческого фактора», так как для того, чтобы понять и познать язык, нужно обратиться к его носителю – человеку, говорящей, мыслящей личности. Одним из таких направлений является лингвокультурология, цель которой – изучение языка в неразрывной связи с культурой народа. В русле таких интегративных исследований в диссертации представлено описание одной из ключевых и актуальных для любого времени концептосфер – концептосферы судебного дискурса. В русских пословицах, поговорках, фразеологизмах о праве основной является идея о том, что право – это то, за что нужно бороться: свои права нужно отстаивать, своё право на что-либо – доказывать.

Исследуемая нами концептосфера рассматривается не изолированно, а в дискурсе. Являясь сегодня объектом пристального изучения, дискурс представляет собой двустороннее языковое явление. С одной стороны, он может быть охарактеризован как явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и с содержанием новых знаний, а с другой, – как явление коммуникативное, поскольку в рамках дискурса происходит обмен информацией между коммуникантами.

В языковой картине мира схема концептосферы судебного дискурса более сложная и несимметричная, помимо основных концептов она включает дополнительные компоненты, определяющие её специфику: сложный в структурном отношении концепт «Суд» включает такие компоненты как *адвокат, прокурор, судья* и др.

Представления о *праве, законе, суде, правде* и *справедливости, преступлении, суде, наказании* и *милосердии* взаимосвязаны и взаимообусловлены в русском языковом сознании.

Концепты «Преступление» и «Наказание» тесно связаны между собой и в русском языковом сознании часто представлены единым целым, где наказание является следствием преступления.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: Когнитивно-семасиологические корреляции // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4.
2. Андреева И.В. Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев // Вопросы культурологии. 2007. № 4. С. 11–14.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990 б.
4. Бабушкин А.П. Типология концептов. Воронеж: ВГУ, 1996.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.
6. Большой юридический словарь. Под ред.: Додонова В.Н., Ермакова В.Д., Крыловой М.Н. М.: Инфра-М, 2001. 623 с.
7. Вежбицкая А.В. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М., 1996.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
10. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. № 5. 1994.
11. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
12. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
13. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. №4, 1994.

14. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков// Вопросы филологии. № 1. 2001.
15. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997.
16. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Мн.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ», 1992.
18. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
19. Пименова М.В. Сфера внутреннего мира человека: концептуальные исследования // Известия ВГПУ. Волгоград, 2004, № 3.
20. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000.
21. Попова З.Д. , Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
22. Русский язык: Энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1979.
23. Словарь лингвистических терминов под ред. О.С. Ахмановой. М.: «Советская энциклопедия», 1966.
24. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Индрик, 2003.
26. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа: << Языки русской культуры >>, 1997.
27. Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. Языковая картина мира как способ концептуализации действительности//Вестник БашГУ, Уфа, 2011. Т. 16. № 3(1). С. 1002–1005.
28. Философский энциклопедический словарь. М: Политиздат, 1983.
29. Философский словарь. Под ред. Фролова И.Т. М: Политиздат, 1986.
30. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Высшая школа, 2003. 334 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Глава 1

Абишева Вера Тукеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики (Карагандинский государственный университет имени академика Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан)

Глава 2

Дехнич Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

Глава 3

Дрыгина Юлия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры (Белгородский национальный государственный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

Глава 4

Караулова Наталия Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры (Российский государственный университет туризма и сервиса, Волгоградский филиал, г. Волгоград, Россия)

Глава 5

Марданшина Римма Марсельевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики бизнеса и финансов (Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Институт экономики и финансов, г. Казань, Республика Татарстан, Россия)

Глава 6

Маркова Евгения Валерьевна – доктор медицинских наук, доцент, зав. лабораторией нейроиммунологии, профессор каф. логопедии и детской речи (НИИ клинической иммунологии» СО РАМН; Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия)

Смык Анна Владимировна – мнс лаборатории нейроиммунологии (НИИ клинической иммунологии СО РАМН, г. Новосибирск, Россия)

Климова Татьяна Васильевна – доцент каф. логопедии и детской речи (Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия)

Волобуева Наталья Александровна – доцент каф. анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности (Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия)

Глава 7

Пархоменко Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной и дошкольной педагогики (Кубанский государственный университет физической культуры спорта и туризма, г. Краснодар, Россия)

Глава 8

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)

Климович Оксана Владимировна – ассистент (Кубанский Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)

Научное издание

Абишева Вера Тукеновна,
Дехнич Ольга Витальевна,
Дрыгина Юлия Анатольевна и др.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Ответственный редактор *Я.А. Максимов*
Компьютерная верстка *Р.В. Орлов*
Корректор *К.А. Коробцева*

Подписано в печать 12.05.2014.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 12,83.
Бумага типографская. Заказ №1205S.
Тираж 500 экз.

Publisher:
PUBLISHING HOUSE
SCIENCE AND INNOVATION CENTER
S. Jefferson Str, Saint Louis, Missouri, 63118, USA

Printed in the USA